

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

JOURNAL OF
NATURAL
HISTORY

УЧЁНЫЙ
научный журнал

An international journal of systematics, interactive biology, and biodiversity, previously the *Annals & Magazine of Natural History*, founded in 1841

Volume 39

Taylor & Francis
Taylor & Francis Group

9

2015

Часть VIII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 9 (89) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображена Мэри Эннинг (1799–1847) — британский коллекционер окаменелостей и палеонтолог-любитель, известная целым рядом открытий, в основном, в области морской фауны юрского периода.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Айдын Д. А.

Нормы международного права в правовой системе Республики Казахстан..... 801

Айдын Д. А.

Некоторые вопросы имплементации норм международного права в уголовный процесс судов Республики Казахстан..... 804

Айсханова Е. С.

Взаимодействие прокуратуры РФ и СМИ: проблемы и перспективы 807

Акаева М. А.

Товарные биржи и составление контрактов в товарных биржах..... 809

Акаева М. А.

История юридического порядка деятельности биржи в независимой Республике Узбекистан..... 811

Бакимбаев Н. К.

Возможность реабилитации в уголовном процессе по делам частного производства: особенности, основания и проблемы 813

Бахаева А. В.

Навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора в антимонопольном праве США: от правила незаконности по сути к правилу разумности.... 818

Бережнова К. И., Хо Тхи Хань Хуиен

Государственное регулирование рыночной экономики и право..... 821

Бузун Е. В., Бузун М. Д.

К вопросу об истории развития института долевого участия в строительстве 823

Гадималиев Э. Н.

Планирование как часть процесса доказывания по уголовным делам 826

Галкин А. Ю.

Цена как элемент договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ..... 828

Гусейнова В. Э.

Социальное обеспечение ветеранов Великой Отечественной войны в РФ 831

Досов Ж. Б., Молдабеков Е. Б., Урбисинова Н. Е.

Отбор кандидатов в судьи — актуальная задача для государства 832

Екимов А. А.

Гуманизация уголовного законодательства ... 834

Жукова Ю. В.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: новое в законодательстве 836

Иващенко М. А., Гареева Э. Р.

Нетрадиционные способы получения необходимой информации для расследования преступлений: полиграф 839

Исаченко П. А., Тучкин Е. И.

Особенности правового статуса города федерального значения Севастополь в Российской Федерации..... 841

Ковальчук А. В.

Понятие и функции судебных органов 844

Ковальчук А. В.

Система судебных органов Российской Федерации 847

Ковальчук А. В.

Историческое развитие института районных (городских) судов в Российской Федерации 849

Котова А. И., Денисенко В. В.

Юридикация как проблема правового регулирования..... 858

Курғалимова А. Ю. Проблемы административной юрисдикции таможенных органов на современном этапе.....	860	Тараненко Л. О. Дипломная работа выпускника вуза как объект авторского права	883
Михеев А. А., Красовская О. Ю. Практика применения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части	862	Татарина О. В. Сервитут: особенности договора и судебно-арбитражная практика.....	885
Нестерова А. А. История становления института административных комиссий	864	Ташбаева Г. Ю., Бакиев К. Т., Исхаков Б. Б. Защита прав и интересов женщин в Узбекистане.....	887
Нестерова А. А. Понятие административных комиссий и содержание их правового статуса.....	869	Тхакохов А. А., Власова Г. Б. Проблемы профилактики преступности в молодежной среде.....	889
Нецветева И. В., Бойко В. Н. Проблемы процессуального положения отдельных должностей аппаратов районных (городских) судов	873	Ульянова О. А. Деловая репутация юридического лица в российском гражданском праве: понятие и отличительные черты	891
Романова В. О. База данных как объект авторского права	875	Усова Е. В. Конституционные основы налогового права зарубежных стран	896
Самойлова О. Д. Виды доказательств по делам об административных правонарушениях, используемые таможенными органами в целях привлечения к административной ответственности за незаконное использование товарного знака	877	Хут М. А. Об актуальности исследования вопросов уголовно-правовой квалификации хулиганства (ст. 213 УК РФ)	899
Солонина С. Ю. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий	881	Шалышкина Е. Д. Административное право в системе в российского права (взаимосвязь конституционного и административного права)	901
		Яхьяева М. У. Прокуратура Российской Федерации и состояние законности в стране	908

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Нормы международного права в правовой системе Республики Казахстан

Айдын Динара Айдынкызы, магистрант
Казахский гуманитарно-юридический университет (г. Астана)

Ключевые слова: право; международное право; общепризнанные нормы; общепризнанные принципы; правоприменительная практика; Республика Казахстан; конституция; закон; конвенция; декларация.

Цель: изучение практики применения общепризнанных принципов и норм международного права на примере правоприменительной практики Республики Казахстан путем изучения и обобщения законодательных актов, соответствующих международных договоров и материалов, а также юридической литературы, материалов правоприменительной практики.

Методы: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой и метод системного анализа.

Результат и вывод: проведенный правовой анализ и ключевые положения, сформулированные в ходе исследования.

Общепризнанные нормы международного права предписывают общеприемлемые правила и не создают новых коллизионных ситуаций во внутригосударственных правовых системах. С одной стороны, Конституция Республики Казахстан содержит в себе общеправовые принципы, характерные существованию количеству правовых систем суверенных государств и воспринятые общепризнанными принципами и нормами международного права. Хотя, если посмотреть с иной стороны, согласно ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью отечественной правовой системы, то есть, таким образом, становятся нормами прямого действия на всей территории Республики Казахстан [1]. Будучи составной частью национальной правовой системы, общепризнанные принципы и нормы международного права становятся специфическим регулятором внутригосударственных отношений. Объявляя общепризнанные принципы и нормы международного права встроенными в казахстанскую правовую систему, Конституция не разделяет понятия принципы международного права и нормы международного права, то есть не выделяет особым образом общеприятые принципы и нормы международного права.

Таким образом, основные принципы международного права непосредственно отражены в Конституции Республики Казахстан. Нормы, не нашедшие непосредственного отражения в тексте Конституции Республики Казахстан, соответствуют международным соглашениям, ратифицированным Республикой Казахстан.

Согласно вышесказанному была составлена таблица (рис.1) основных принципов международного права, отраженных в правовой системе Республики Казахстан.

Глядя на данную таблицу, представляется очевидным: в деятельности судов Республики Казахстан наиболее значимым и актуальным является применение принципа уважения прав и основных свобод человека. В Конституции Республики Казахстан отведен отдельный раздел, посвященный правам и свободам человека и гражданина — они практически совпадают с правами и свободами, изложенными в основных международно-правовых документах, посвященных урегулированию этих прав и свобод. Основными международными актами в этой сфере являются:

- Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.
- Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.
- Европейская конвенция о правах человека 1950 г.
- Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г.

Для Республики Казахстан, кроме того, следует назвать и Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г.

Включение Конституцией Республики Казахстан общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Республики Казахстан в правовую систему нашей страны порождает вопрос о соотношении, иерархии правовых актов по их юридической силе. Фактически формулировка ст. 4 Конституции Республики Казахстан допускает применение во внутренней

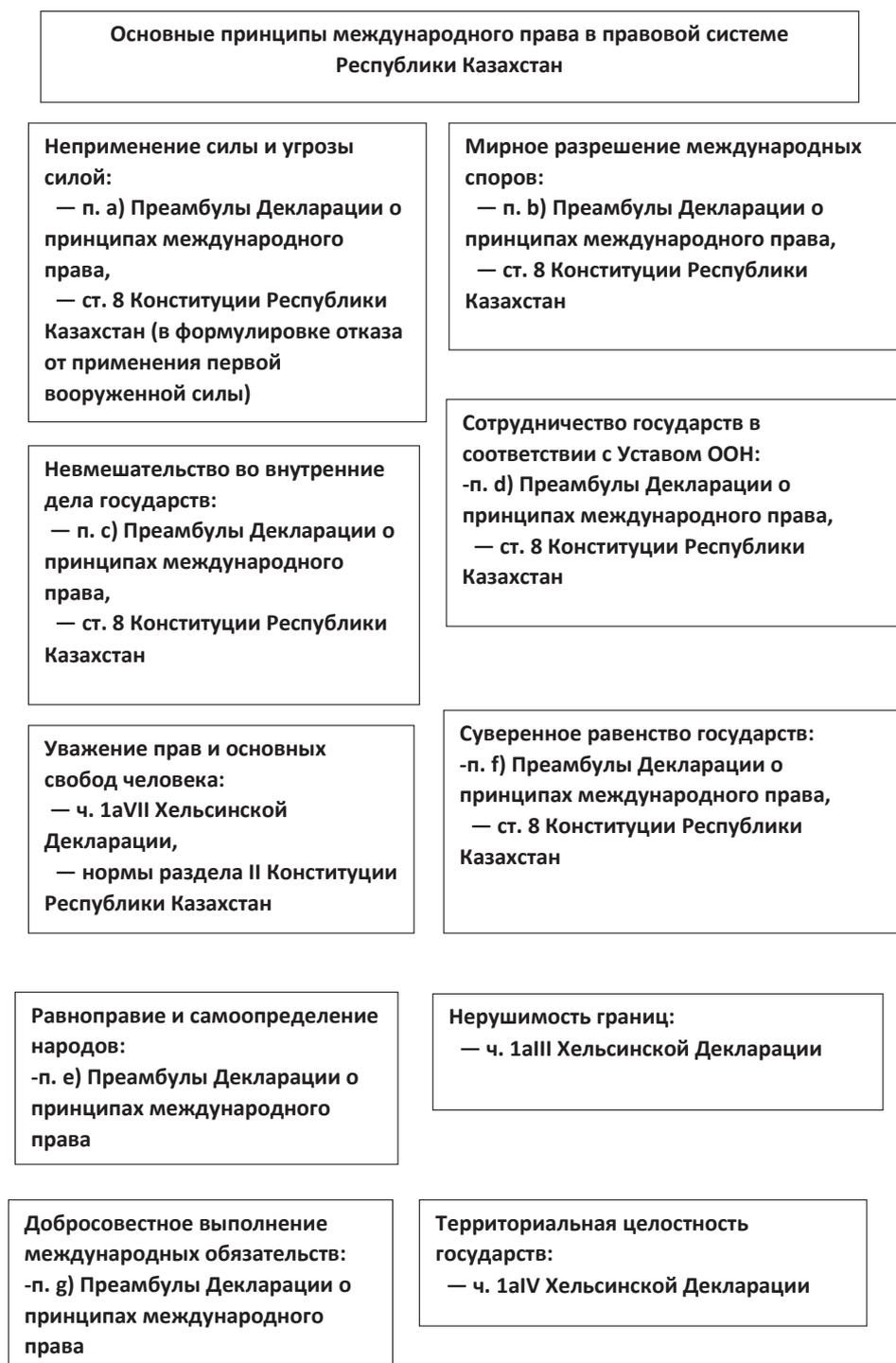

Рис.1. Основные принципы международного права в правовой системе Республики Казахстан

сфере только международных договоров. Между тем в современных условиях отмечается повышение значимости международного обычая [2]. Более того, законодательство Республики Казахстан также содержит указания на необходимость руководствоваться (кроме положений международных договоров) международными обычаями. Так, в ст. 3 Консульского Устава Республики Казахстан 1999 г. [3] говорится буквально следующее: «Консульские учреждения в своей деятельности руководствуются Конституцией Республики Казахстан, Законом Респу-

блики Казахстан «О дипломатической службе», иными нормативными правовыми актами, международными договорами, международными обычаями, а также настоящим Уставом». Отметим также: обязательство отмены смертной казни действует для Республики Казахстан как норма не договорного, а международного обычного права.

Высказывались мнения о том, что по вопросам прав человека Конституция помещается на второе место после международного права [4, 5]. Встречаются и более обобщающие точки зрения: при коллизии с законом общепри-

знанные принципы и нормы обладают тем же приоритетом применения, что и договоры, либо выстраивается следующая иерархия норм: международный принцип, нормы Конституции, позитивного права (договор, закон), судебные прецеденты.

Представляется, что установление ч.3 ст. 4 Конституции Республики Казахстан приоритета международного права над правом внутренним должно прочитываться так: права субъектов права признаются и гарантируются в соответствии с Конституцией, которая закрепляет их согласно общепризнанным нормам международного права. В силу этого конституционная норма ч.3 ст. 4 Конституции Республики Казахстан не ослабляет положения Конституции в системе внутреннего права, ч. 4 ст. 15 закрепляет приоритет договоров (в которых, напомним, общепризнанные принципы и нормы также могут находить отражение) над законами, но не над Конституцией. Действительно, не соответствующие Конституции Республики Казахстан международные договоры не подлежат введению в действие и применению. В законодательстве Республики Казахстан предусмотрен механизм, предотвращающий принятие (ратификацию) международных договоров, положения которых противоречат Конституции Республики Казахстан. Так, согласно [6] норме ч. 3 ст. 12 ЗРК «О международных договорах Республики Казахстан»: «Международные договоры, признанные не соответствующими Конституции Республики Казахстан, не могут быть ратифицированы».

Из этого следует, что все действующие на территории Республики Казахстан правовые установления не должны противоречить Конституции, она находится над ними, Конституция имеет высшую юридическую силу на всей территории Республики Казахстан. Таким образом, вопроса о надконституционности общепризнанных принципов и норм международного права не возникает, поскольку они не внешний фактор, а составная часть правовой системы страны, ст. 4 Конституции Республики Казахстан не определяет их место в иерархии элементов правовой системы, поэтому правоприменительные органы не обязаны отдавать им предпочтение; недопустимо, ссылаясь на такие принципы и нормы, обходить Конституцию, поскольку это привело бы к размыванию конституционных функций.

Совершенно очевидно: судебная практика также с необходимостью исходит из верховенства Конституции на территории страны.

Итак, буквальное прочтение ст. Конституции Республики Казахстан приводит к выводу о закреплении приоритета перед национальными законами норм двусторонних, региональных и многосторонних договоров, а также общепризнанных норм международного права, выраженных в договорной форме.

Для судебной практики более доступным представляется применение именно договоров, поскольку они обладают определенными сходными характеристиками с внутренними законодательными актами: конкретное название, четкая логическая (не декларативная — что нередко присуще общепризнанным принципам и нормам

международного права) форма, точность и определенность правил. Напротив, общепризнанные принципы и нормы не обладают такими чертами, если только они не зафиксированы в каком-либо международном документе. В силу этого суды сравнительно редко опираются на общепризнанные принципы и нормы международного права для обоснования своих позиций и решений, используя при этом лишь те, что существуют в письменной форме, содержатся в договорах или иных международных актах.

Согласно использованной литературе [7] были сделаны следующие выводы: на сегодняшний день общая тенденция такова, что обращение к международным рекомендательным актам стало повседневной практикой во всех видах судов. Решения судов, сопровождаемые ссылками, к примеру, на Всеобщую декларацию прав человека (следует отметить, что среди рекомендательных актов Всеобщая декларация прав человека считается самым известным и авторитетным документом), Декларацию о принципах международного права, Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе и другие документы ОБСЕ (СБСЕ), многие положения которых стали похожи на нормы обычного права либо являются нормами в процессе становления, выглядят более весомо и обоснованно. Однако и при подобных отсылках суды должны рассматривать такие нормы и акты именно как рекомендательные — по очевидной причине отсутствия в подобных актах собственно норм международного права. Тот же автор [7] отмечает: «строго говоря, суды не применяют их, а используют для уточнения употребляемых понятий, формулирования и обоснования своей позиции, подтверждения или усиления правовой аргументации». Позволим заметить: подобное привлечение фактически ненормативного материала (разумеется, отсылки возможны исключительно на рекомендательные акты международных организаций, в которых Республика Казахстан участвует) для обоснования и объяснения позиции суда безусловно лучше, чем просто безадресная отсылка на «общепризнанные принципы и международные нормы».

И в заключении подведем итоги и приведем ключевые положения, сформулированные выше: правовая система Республики Казахстан есть совокупность всех правовых явлений, существующих в стране, не только внутригосударственных, но и связанных с международным правом; источники международного права в правовой системе Республики Казахстан выполняют роль не источников внутреннего права, а источников определенной части действующих в стране международных правовых норм; соотношение юридической силы норм международного и внутреннего права определяется рядом ситуаций в зависимости от конкретного вида договора и внутреннего нормативного акта, а также правоприменительной, практики, общепризнанные (фундаментальные) принципы и нормы международного права, отраженные в Конституции, а также содержащиеся в международных договорах Республики Казахстан, являются составной частью правовой системы Республики Казахстан. Зако-

нодательство Республики Казахстан оперирует исключительно термином «международные договоры Республики Казахстан», не ссылаясь ни на «общепризнанные принципы и нормы», ни на «обычай», ни на «рекомендательные акты» международного права. Общепризнанные принципы международного права нашли многочисленные подтверждения в решениях международных судов и судов иностранных государств. К настоящему времени они обозначены и в судебных актах Республики Казахстан — назовем Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 года № 1 «О применении норм международных договоров Республики Казахстан», кроме того, следует назвать также и акты Конституционного Совета Республики Казахстан:

– Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов»,

– Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 28 октября 1996 года № 6/2 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4 и пункта 2 статьи 12 Конституции Республики Казахстан»,

– Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 года № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан».

Литература:

1. ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.02.2011 г.)
2. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: ВолтерсКлувер, 2005
3. «КОНСУЛЬСКИЙ УСТАВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН» 27.09.1999 Утвержден Указом Президента РК от 27 сентября 1999 г. N 217 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.01.2012 г.)
4. Нешатаева, Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права. с. 138 // («Вестник ВАС РФ», N 3, 2004)
5. Бахин, С. В. Международная составляющая правовой системы России.. 119—120 // Правоведение. 2007. № 6.
6. Закон Республики Казахстан О международных договорах Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.12.2014 г.)
7. Марочкин, С. Ю.. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации / Монография. М.: Норма, Инфра-М. 288 с., 2011

Некоторые вопросы имплементации норм международного права в уголовный процесс судов Республики Казахстан

Айдын Динара Айдынкызы, магистрант
Казахский гуманитарно-юридический университет (Казахстан)

Ключевые слова: право; международное право; уголовный процесс; имплементация; общепризнанные нормы; общепризнанные принципы; правоприменительная практика; Республика Казахстан; суды; конституция; кодекс; закон; конвенция; декларация.

В сфере правоприменительной деятельности органы, ведущие уголовный процесс, к которым относятся и суды, руководствуются законами Республики Казахстан, определяющими основания уголовной, гражданской или административной ответственности и порядок судопроизводства. К ним относятся Конституция Республики Казахстан, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский, Гражданский процессуальный кодексы Республики Казахстан, Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан.

При этом, следует отметить, что общепризнанные принципы и нормы международного права оказываются

непосредственно закрепленными как в Конституции Республики Казахстан, так и в кодифицированных нормах уголовного права. Действительно, как предусмотрено ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан порядок уголовного судопроизводства на территории Республики Казахстан определяется Конституцией, конституционными законами, УПК, основанном на Конституции и общепризнанных принципах, и нормах международного права [1]. Положения иных законов, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, подлежат включению в УПК. Международные договорные и иные

обязательства Республики Казахстан, а также нормативные постановления Конституционного совета и Верховного суда Республики Казахстан, регулирующие порядок уголовного судопроизводства, являются составной частью уголовно-процессуального права.

Здесь необходимо отметить факт недавнего введения в действие новых кодифицирующих актов уголовного и уголовно-процессуального права — с января текущего года действуют новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан. Обратим, кстати, внимание на новации, касающиеся инкорпорирования норм международного права в право Республики Казахстан: основы применения норм международного права сведены воедино в ст. 1 Уголовного кодекса Республики Казахстан, при этом формулировка правоприменительных требований по отношению к нормам международного права не изменилась.

Основным актом международного права, оказывающим непосредственное влияние на все без исключения стадии уголовного процесса, является Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.), ратифицированный Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91-III [2] и вступивший в силу для РК 24 апреля 2006 года. В данном Пакте закреплены основополагающие права и свободы человека.

Необходимо отметить: последовательное движение правовой системы Республики Казахстан к международным стандартам существенно влияет и на собственно уголовное законодательство — то есть на нормативное содержание уголовного права Республики Казахстан оказывали и продолжают оказывать влияние нормы международного права. Так, в соответствии с ратифицированными нашим государ-

ством конвенциями в Уголовный кодекс Республики Казахстан [3] были включены нормы, устанавливающие ответственность за нарушение равноправия граждан (ст. 145), за производство или распространение оружия массового поражения (ст. 162), за геноцид (ст. 168) и др.

Немаловажно иметь в виду, что в силу п.1 ст. 1 УК «Уголовное законодательство Республики Казахстан состоит из настоящего Уголовного кодекса Республики Казахстан. Иные законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат применению только после их включения в настоящий Кодекс» [3]. Из данного положения вытекает очень важный вывод, согласно которому УК РК является единственным источником уголовного права Республики Казахстан. Нормы международного права не могут оказывать непосредственное регулирующее воздействие на возникновение прав и обязанностей у граждан Республики Казахстан в сфере отношений, охраняемых уголовным законодательством.

Следовательно, национальный суд не может привлечь к уголовной ответственности человека за совершение преступного деяния, которое было определено в международном договоре и не было инкорпорировано в уголовный закон.

Например, если Республики Казахстан присоединится к Римскому статуту Международного уголовного суда 1998 года, то нужно будет внести, в частности, в УК РК около 30 новых составов преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, а также внести изменения в действующие составы преступлений. Сравним, к примеру: объем понятия геноцида по Римскому статуту и по норме ст. 168 УК Республики Казахстан (таб.1):

Таблица 1. Объем понятия геноцида по Римскому статуту и по норме ст. 168 УК Республики Казахстан

Уголовный кодекс Республики Казахстан	Римский статут Международного уголовного суда
<p align="center">Статья 168. Геноцид</p> <p>1. Геноцид, то есть умышленные деяния, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем</p> <p>убийства членов этой группы,</p> <p>причинения тяжкого вреда их здоровью,</p> <p>насильственного воспрепятствования деторождению,</p> <p>принудительной передачи детей, насильственного переселения</p> <p>либо создания иных жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы,—</p> <p>...</p>	<p align="center">Статья 6. Геноцид</p> <p>Для целей настоящего Статута «геноцид» означает любое из следующих деяний, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:</p> <p>a) убийство членов такой группы;</p> <p>b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;</p> <p>...</p> <p>d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;</p> <p>e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.</p> <p>c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;</p>

Из вышеизложенного следует, что Международный уголовный суд не способен привлекать к ответственности за преступления, которые являются преступлениями по международному праву, но не инкорпорированы в национальное право. Государства-участники Римского Статута принимают меры, необходимые для установления своей юрисдикции прежде всего путем издания соответствующих законов, в итоге привлечение к уголовной ответственности производится на основе именно этих законов — здесь сохраняет свою силу римское правило „*nullum crimen, nulla poena, sine lege*“ (без закона нет ни преступления, ни наказания)».

Как полноправный член международного сообщества, Казахстан выразил свое согласие на обязательность для него некоторых международных актов, являющихся источниками международного уголовного права: Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. и ряда других международных актов, однако до настоящего времени Римский статут Казахстана не подписан, и, соответственно, не ратифицирован. Тем не менее, наблюдается последовательная имплементация принципов и норм формирующейся в настоящее время системы международного уголовного права во внутреннее право Республики Казахстан.

Сказанное в полной мере относится и к международным стандартам уголовного процесса. Несмотря на то, что Европейская конвенция о защите прав человека [4] — общепризнанный международный стандарт в этой области — не ратифицирована Казахстаном, нормы названного акта к настоящему времени в достаточной степени имплементированы в отечественное право.

Напомним: 28 декабря 2009 года Верховным Судом РК принято нормативное постановление № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство обращениям или наказаниям». Названный акт в совокупности с Нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 года N 1 «О применении норм международных договоров Республики Казахстан» в достаточной степени отражает не только общепринятые международные нормы в сфере уголовного процесса, инкорпорированные в казахстанское право, но и обобщает судебную практику.

Необходимость в непосредственном применении в рамках уголовного процесса международно-правовых норм может быть обусловлена следующими причинами.

Так, международно-правовые нормы, которые предусматривают признаки составов преступлений, должны применяться в тех случаях, когда норма УК прямо устанавливает необходимость применения международного договора Республики Казахстан (например, статьи 162 и 163 УК) [3]. В диспозиции названных норм имеется прямая отсылка к норме международного договора:

«Статья 163. Применение запрещенных средств и методов ведения войны

1. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, уничтожение или разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Республики Казахстан, ... — наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

2. Применение оружия массового поражения, ... запрещенного международным договором Республики Казахстан, — ... наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью».

Как видно из вышеизложенного, непосредственным объектом этого преступления являются отношения, обеспечивающие добросовестное выполнение международных обязательств в части использования средств и методов ведения военных действий. Объективная сторона данного преступления характеризуется совершением любого из перечисленных в законе действий, прямо запрещенных договором Республики Казахстан:

1) жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением;

2) депортация гражданского населения;

3) разграбление национального имущества на оккупационной территории;

4) применение в вооруженном конфликте средств и методов...

Обратимся к договорам Республики Казахстан, непосредственно регламентирующим обозначенные в законе действия. Так, первые две посылки из приведенного перечня в основном определяются Женевской конвенцией 1949 г. «Об обращении с военнопленными». Согласно [5] Постановлению Верховного Совета Республики Казахстан от 31.03.1993 года «О присоединении Республики Казахстан к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года и дополнительным протоколам i и ii 1977 года к Женевским конвенциям о защите жертв войны» Казахстан является участником Женевской конвенции «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях» от 12 августа 1949 года, Женевской конвенции «Об улучшении участи раненных, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море» от 12 августа 1949 года, Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» от 12 августа 1949 года; Женевской конвенции «О защите гражданского населения

во время войны» от 12 августа 1949 года; Дополнительного протокола I и 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года.

Совокупность признаков «разграбления национального имущества» определяется в соответствии с Международной конвенцией о защите культурных ценностей 1954 г., также ратифицированной Казахстаном.

К запрещенным средствам ведения войны относится, в первую очередь, применение оружия массового поражения (ответственность за производство, приобретение или сбыт оружия массового поражения предусмотрена нормой ст. 162 Уголовного кодекса Республики Казахстан). Запрещенными могут быть и отдельные виды обычного оружия. Здесь судам следует руководствоваться положениями Конвенции (Данная Конвенция именуется также Конвенцией о негуманном оружии) о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие и протоколов к конвенции: протокола I о необнаруживаемых осколках, протокола III о зажигательном оружии и протокола IV об ослепляющем лазерном оружии, принятой 10.10.1980 года и ратифицированной Республикой Казахстан 23.02.2009 года [6]. Рассматриваемая норма (о запрещенных средствах и методах ведения войны) также коррелирует с уже названным Дополнительным протоколом № 1 от 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. и с Конвенцией о запрещении военного или любого враждебного использования средств воз-

действия на природную среду, к которой Казахстан присоединился [7] в соответствии с Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан от 20.02.1995 года N 301-XIII «О присоединении от имени Республики Казахстан к Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду».

Все названные в связи с анализом норм ст. ст. 162, 163 Уголовного кодекса Республики Казахстан международные договоры распространяются на вооруженные конфликты на территории одного государства, т.е. на его внутренние вооруженные конфликты, что прямо указано в Дополнительном протоколе № 2 от 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.

Таким образом, применение судом рассматриваемых норм Уголовного кодекса Республики Казахстан требует пристального изучения целого ряда международных договоров Республики Казахстан, регламентирующих объективный состав данных преступлений, причем суду необходимо учитывать тот факт, что ряд конвенций принят Казахстаном с оговорками, ограничивающими либо изменяющими непосредственное действие международного договора. Также следует отметить, что наблюдается устойчивая тенденция дальнейшей имплементации в закон и практику его применения общепризнанных международных стандартов справедливого уголовного процесса, что объективно отражает движение Казахстана к правовому государству, к общепринятым в цивилизованном мире стандартам правосудия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.11.2014 г.)
2. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91-III
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями от 07.11.2014 г.)
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека, ETS № 005) (Рим, 4 ноября 1950 года)
5. Постановление Верховного Совета от 31.03.1993 года «О присоединении Республики Казахстан к Женевским конвенциям О защите жертв войны 1949 года и Дополнительным протоколам I и II 1977 года к Женевским конвенциям О защите жертв войны»
6. Закон Республики Казахстан от 23 февраля 2009 года № 140-IV
7. Постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 20 февраля 1995 года N 301-XIII О присоединении от имени Республики Казахстан к Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду

Взаимодействие прокуратуры РФ и СМИ: проблемы и перспективы

Айсханова Екатерина Султановна, кандидат экономических наук, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Действующее российское законодательство о печати гарантирует свободу прессы и право на информацию, не-

зависимость масс-медиа от власти, от вмешательства государства в профессиональную деятельность журналистов.

Это и понятно: если не иметь возможности получать информацию из источников, независимых от правительства, то нельзя сформировать у граждан объективное мнение о политических процессах, происходящих в обществе.

Отсюда и требование Закона, обязывающее руководителей СМИ доводить до населения полную, объективную и достоверную информацию обо всем, что происходит в стране и в мире, осуществлять профессиональный, добросовестный ее анализ. Это вытекает из конституционного принципа о праве граждан на информацию, на свободный поиск, передачу, производство и распространение информации любым законным способом (ч.4 ст. 29 Конституции РФ). В то же время Закон «О средствах массовой информации» предусматривает: «Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом» (ст. 42). Такие случаи предусмотрены. В частности, средства массовой информации обязаны предоставить свои страницы для публикации решения суда, вступившего в законную силу и содержащего требование об этом, а также для сообщений учредителей или соучредителей средств массовой информации.

К сожалению, на органы прокуратуры это требование Закона не распространяется. Органы прокуратуры не упоминаются и в Федеральном законе «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», по которому предоставлено право на информацию некоторым субъектам исполнительной и законодательной власти.

Таким образом, каким бы значимым ни был авторитет прокуратуры в глазах журналистов и населения, прокурор, как считают многие практические работники этой системы, находится в зависимости от позиции средств массовой информации, что противоречит законодательству и принципам деятельности Генеральной прокуратуры, проводящей политику гласности прокурорского надзора* (6). Думается, что это противоречие должно быть устранено.

Презумпция невиновности и объективность следствия — вот те два принципа, которые должны определять характер освещения хода следствия и рассмотрения дел в судах. Задача журналиста — давать отчет, рассказывать обо всех этапах дела, переходя от фактов к законным оценкам, а не стремиться вести самостоятельное расследование, делая собственные выводы.

Надо заметить, что природа средств массовой информации такова, что их трудно использовать для освещения или сопоставления различных точек зрения по сложным вопросам. С их помощью и работники правоохранительных органов, и журналисты, защищая свою позицию, стремятся оказать давление друг на друга. В результате они невольно меняются ролями. К тому же недостаточное знание журналистами процессуальных вопросов, несовершенство типов работы СМИ и правоохранительных органов часто приводят к манипулированию

фактами. В связи с этим журналисты даже требуют свести тайну следствия лишь к «отдельным областям, предусмотренным законом», число которых, по их утверждению, невелико. В отчете Европейского комитета по средствам массовой информации, подготовленном по итогам избирательных кампаний в России, отмечается: «Мы убеждены, что с журналиста необходимо снять ответственность за разглашение государственной и иной охраняемой законом тайны» [1]. Вряд ли такое «убеждение» будет способствовать стабилизации общества и информационной безопасности.

Представители правоохранительных органов, в том числе и прокуратуры, нередко возмущаются тем, что пресса разглашает следственные материалы, а журналисты — тем, что для получения нужных сведений приходится прибегать ко всевозможным уловкам. В результате обе стороны сваливают ответственность друг на друга.

Думается, что лучшая профилактика юридических ошибок и некомпетентных суждений на газетной странице и в эфире — плановая работа учебно-просветительского характера. При проведении правовой учебы работников СМИ потребуются помощь Генеральной прокуратуры. Можно не сомневаться, что такая помощь на федеральном уровне последует. Но все-таки самый массовый читатель, слушатель, зритель у СМИ — на местах. Здесь, видимо, уже мало одних, пусть даже самых ярких и убедительных, выступлений юристов в прессе. И хотя у прокуроров хватает прямых профессиональных обязанностей, правовая пропаганда и правовое просвещение не должны выпадать из круга таких обязанностей.

Средства массовой информации много могут сделать в плане содействия распространению правовых знаний, воспитания граждан в духе законопослушания, утверждения принципа равенства всех перед законом, недопущения унижения национального достоинства личности, групп населения, наций. Распространяя информацию о злоупотреблении наркотиками и алкоголем, они призваны способствовать пропаганде эффективных кампаний по распространению знаний об огромном вреде наркомании и алкоголизма и мерах предупреждения этих явлений. Им следует уделять больше внимания пропаганде здорового образа жизни, воспитанию молодежи в духе уважительного отношения к закону, правам других лиц, общепринятым нормам человеческого поведения, высоких моральных принципов, шире разъяснять основы политики государства в борьбе с преступностью, роль правоохранительных органов в пресечении и предупреждении преступлений, охране правопорядка и спокойствия граждан, с тем чтобы побудить население к осознанному содействию государственным органам в деле создания более безопасного общества.

Необходимо, чтобы журналисты до конца осознали всю значимость своего труда и не допускали в погоне за сенсацией оправдания актов террористического насилия, поскольку это может поставить под угрозу жизнь граждан и сотрудников правоохранительных органов, помешать

принятию эффективных мер для предотвращения таких актов и ареста преступников.

Нельзя не сказать и о том, что в ряде регионов прокуроры явно недооценивают мощный профилактический потенциал, заложенный в СМИ.

Кое-где не преодолен синдром боязни общения с журналистами и представителями общественности, не установлены необходимые контакты с издательствами, творческими союзами, культурными центрами, фондами и другими общественными объединениями и организациями, деятельность которых направлена на формирование правосознания граждан, воспитание активной жизненной позиции.

Неоперативность в предоставлении сведений, имеющих социальный интерес, а нередко и искусственная закрытость деятельности прокуратуры для прессы и общественности приводят к тому, что население зачастую получает искаженную или недостаточно квалифицированную информацию об общественно значимых фактах правонарушений и реагировании на них органов прокуратуры.

Представляется, что важную роль во взаимоотношениях со средствами массовой информации могли бы сыграть регулярно проводимые личные встречи руководителей прокуратур с редакциями ведущих периодических изданий, электронных средств массовой информации, информационных агентств, журналистами, творческой интеллигенцией. Причем при контактах со средствами массовой информации, творческими союзами, общественными объединениями граждан необходимо исходить из требований федерального законодательства, запрещающего как необоснованный отказ в предоставлении информации, так и вмешательство в осуществление прокурорского надзора и расследование преступлений. [2]

Формы, методы и характер взаимодействия СМИ и органов прокуратуры зависят не только от самих этих ин-

ституты, но и от законодательной власти — Федерального Собрания РФ, федеральных органов исполнительной власти, Президента Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Федерации. Заслуживает, в частности, всяческой поддержки забота Государственной Думы о создании эффективных механизмов в правовом регулировании взаимоотношений государства, общества и средств массовой информации. Нет никаких возражений и против создания фундаментальных правовых основ политической независимости СМИ. С одной стороны, следует и в дальнейшем расширять профессиональные права журналистов, закладывать гарантии их юридической защищенности, с другой, как диктует ст. 29 Конституции, принять ряд законодательных мер против злоупотребления свободой слова и использования СМИ в узкогрупповых интересах. Если мы действительно хотим подлинного гражданского мира и согласия в обществе, то СМИ в полной мере должны осознать свою ответственность перед обществом и гражданами своей страны и не забывать о тех принципах и нормах, что образуют неписаный кодекс профессиональной этики журналиста, по своему содержанию близкий к гиппократовскому завету «не навреди».

Средства массовой информации и государство должны сегодня выстраивать некую систему отношений, исходя из критерия, что у нас нет права учить друг друга, но есть прекрасная возможность учиться друг у друга.

Вместе с тем, при всей значимости влияния СМИ на общественное сознание, определяющим является все-таки сама деятельность органов прокуратуры, и без этого никакие пропагандистские усилия (как бы хорошо они ни были организованы) не способны привести к повышению доверия, поднятию престижа прокуратуры в глазах населения страны.

Литература:

1. Ефимова, Л. Право на информацию //Российская Федерация сегодня. 2008. № 20. С.51.
2. Сухарев, А. Право прокурора информировать — под контролем?! //Законность. 2011. № 11. С.15.

Товарные биржи и составление контрактов в товарных биржах

Акаева Марапат Абдухаликовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

В настоящее время наступила пора узаконить сей-
мейный бизнес как расширение организационно-пра-
вовой формы малого бизнеса и предпринимательства. Эта
форма организации бизнеса полностью совпадает с наци-
ональными традициями, существующими положениями
хозяйственной деятельности, появившимися в процессе
ведения бизнеса в Республике Узбекистан. Если будет со-
здана законодательная база такой организации бизнеса,

то появится возможность усилить правовые гарантии
этого бизнеса, развиваться быстрыми и широкими тем-
пами в различных областях экономики и создавать новые
рабочие места.

Согласно статье 1 Закона Республики Узбекистан
«О бирже и биржевой деятельности» от 3 июля 1992 г.
биржа является организацией, считающейся юридиче-
ским лицом, которое создает все условия для свободной

оптовой купли-продажи биржевых товаров на открытых торгах в заранее определенном месте и времени.

Термин «биржевая торговля» непосредственно связан с организацией, осуществляющей определенную торговлю, то есть с биржей. Поскольку биржевая торговля осуществляется отдельной организацией, именуемой биржа, основными операциями, осуществляемыми в бирже, являются купля-продажа активов. Иначе говоря, участники биржи могут участвовать во всех операциях, связанных с куплей-продажей активов. А участие в бирже осуществляется со стороны биржевых посредников. Значит, биржевые торги — это купля-продажа биржевых активов, осуществляемых со стороны биржевых посредников [1, С.235].

В современных условиях в развитых странах существуют очень развитые формы биржи — товарные биржи.

В составе товарной биржи организованы следующие комитеты:

- палата учета, контролирующая выполнение контрактов;
- арбитраж, биржевые судьи, консультирующие и решающие спорные вопросы;
- комитет котировки — котировка (определение курса акций и других ценных бумаг), сбор информации о движении цен, объявление бюллетеня биржи;
- комитет по стандартам и качеству — проведение экспертизы для введения товара в оборот в бирже;

Кроме того, организованы отдельные секции по видам товара и видам торговли:

- торговля реальным товаром;
- торговля будущим товаром (продукты сельского хозяйства);
- бартерные торги;
- аукционные торги.

Могут быть организованы последующие секции по отдельным видам товаров:

- торговля хлебобулочной продукцией;
- торговля ткацкой продукцией;
- торговля строительным материалом;
- торговля металлом;
- торговля химической продукцией и др. [10]

Товарный оборот мировых бирж состоит на 50% из сельскохозяйственной продукции и на 50% — из минерального сырья и готовой продукции.

Все контракты, составленные в бирже, делятся на две большие группы:

1) Контракты на реальный товар и 2) фьючерс-контракты. Контракты на реальный товар делятся на: «Спот» и «Форвардный». Спот контракты — это непосредственно купля-продажа товаров. Если товар доставлен в склад биржи и его обладатель получил контракт, то составляется такое соглашение. Такой вид свидетельства в свое время заменяет оплату покупателя товара, который в данном случае может быть в пути. В таких случаях должен быть документ, подтверждающий его наличие. [10]

Форвардные контракты — это соглашение о купле-продаже с опозданием сроков доставки реального товара. Слово форвард взято с английского языка forward transaction («делка вперед»). Одной особенностью этого биржевого контракта является то, что действия при составлении контракта осуществляются по истечению определенного срока, кроме того, покупатель составляет соглашение, посмотрев или не посмотрев реальный товар (имеется виду товар, который будет производиться в будущем). [11]

Фьючерские контракты считаются в международном рынке господствующей формой биржевых торгов. Фьючерские контракты означают предоставление товара по истечению определенного срока, но по изначально согласованной цене по контракту. Он составляется для получения дополнительной прибыли при изменении цен во время действия контракта. Поэтому содержание фьючерских контрактов основывается на изменении цен доставляемого товара. Например, дилер в начале месяца составил контракт на 10 тонн хлопка по 10000 сумов на 1 тонну и устанавливает срок выполнения на конец месяца. Если к концу месяца 1 тонна хлопка падет до 9000 сумов, то дилер, потратив 90000 сумов на покупку хлопка по фьючерс контракту, продает его за 100000 сумов, в итоге получает прибыль на 10000 сумов.

Однако, в эти сроки может повыситься цена данного товара, в итоге дилер, осуществляющий данный контракт, может, в конце концов, остаться в убытке. Чтобы не допустить данное обстоятельство, дилер составляет операцию хеджир.

Хеджир — это страхование прибыли, то есть дилер согласно фьючерскому контракту для погашения убытка вследствие увеличения цены составляет другой второй противоположный офсет контракт. Например, дилер подписал контракт на доставку какого-либо товара через месяц, одновременно в этом же месте он составляет соглашение о закупке определенного количества этого товара. Эти два контракта фьючерс и офсет соглашения предоставляются дилером в комиссию по расчетам и там регистрируются. Таким образом, хеджир — это операция, страхующая фьючерс контракт от повышения цен, но не приносящая прибыли при сохранении цен. [11]

Во фьючерском соглашении продавцов и покупателей называют контрагентами, один из них надеется на повышение цены, второй надеется на понижение цены. В жаргоне биржевых дилеров, надеющихся на понижение цены, называют «бык», а тех, кто надеется на повышение цены — «медведь». Эти биржевые игры превращаются в сцены невероятных баталий — каждый игрок ставит свое имущество под угрозу, не прогнозируя предварительно изменение цен.

В бирже в большинстве случаев фьючерс контракт, кроме купли-продажи на реальный товар, составляется для получения прибыли от изменения цен со дня подписания контракта и до предоставления товара, совершая спекулятивные операции.

Порядок продажи некоторых товаров на бирже осуществляется на основе специального Устава и временных правил, утвержденных Правительством. Например, Уставы и другие документы, как «Устав о порядке биржевых продаж корма для скота товарно-сырьевой бирже Республики Узбекистан», «О порядке биржевых продаж шрота и шелухи из хлопка товарно-сырьевой бирже Республики Узбекистан» [9]. Такого рода Уставы были приняты для продажи полиэтилена, сахара, мазута, угля, меди (катоды и катанки из меди), металла и вторичного алюминия, хлопка, шифера, цемента и ряда другой продукции.

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что некоторые товарные биржи специализируются на определенном товаре, например, хлопке, кофе, какао, сахаре и др. В бирже можно купить различного рода продукты:

алюминий, серебро, золото, пшеницу, хлопок, кофе, сахар, бензин, мазут, скот, кожу, яйца, масло, концентраты фруктовых соков, кукурузу, зерновые, фасоль и другие похожие продукты. В странах с развитой рыночной инфраструктурой продукты широкого употребления, а также машины и техника не могут быть объектами биржевых продаж.

Биржа в Узбекистане до сих пор «универсальна», и на ней можно приобрести различные товары, начиная с жвачки и заканчивая автоматическими линиями, а также сложными электронными строениями. Опираясь на опыт развитых зарубежных стран, Республика Узбекистан стремится двигаться в сторону развития биржевой деятельности, а значит в сторону развития рыночной экономики.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан. 2014 г.
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Т. 1996 г.
3. Закон Республики Узбекистан «Об ипотеке». Т. 2006 г.
4. Закон Республики Узбекистан «О биржах и биржевой деятельности». Т. 2001 г.
5. Закон Республики Узбекистан «О рынке ценных бумаг». Т. 2008 г.
6. Закон Республики Узбекистан «Об информации». Т. 2003 г.
7. Закон Республики Узбекистан «Об электронных цифрах». Т. 2003 г.
8. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции». Т. 2004 г.
9. Свод законов Республики Узбекистан. Т. 2009 г.
10. Мансуров, С. М. Биржа и участие в них предпринимателей. Т.: ДТЮИ. 2008 г. Ziyonet uz/
11. Зокиров, И. Гражданское право. Часть 1. — Т.: ТДЮИ. 2009. с. 348. 12. Хозяйственное (предпринимательское) право. Под ред. Отаханова Ф. Х. — Т.: ТДЮИ. 2003 г. с. 235.
12. Хозяйственное (предпринимательское) право. Под ред. Отаханова Ф. Х. — Т.: ТДЮИ. 2003 г. с. 235.

История юридического порядка деятельности биржи в независимой Республике Узбекистан

Акаева Марапат Абдухаликовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

В мировой практике фондовые биржи организуются на основе различных организационно-правовых норм, связанных с законодательством страны. Самыми распространенными при этом являются биржи, организуемые акционерными обществами. Они имеют свой орган управления.

Организация, осуществление деятельности и приостановление деятельности бирж в Узбекистане регулируется законами «Биржи и деятельность бирж» (29 августа 2001 г.) и «О ценных бумагах и фондовых биржах» (2 сентября 1993 г.).

Началом деятельности биржи и ее развитие в Узбекистане исчисляется с марта месяца 1991 года открытием республиканской универсальной товарно-фондовой биржи «Ташкент» в виде открытого акционерного общества.

С этого времени во всех областях во многих министерствах и ведомствах были открыты 36 товарно-сырьевые биржи. К сожалению, отсутствие законодательной, нормативно-правовой базы, опыта практической работы о деятельности биржи, а также механизма взаимосвязи внешнеэкономической организации, дающей лицензии для экспорта товаров бирж, и между таможенной службы, налоговых и финансовых учреждений изначально понятия такие как «биржа», «брокер» и своеобразные ситуации, связанные с деятельностью бирж, потеряли свой авторитет.

В июне месяце 1992 г. Олий Кенгеш Республики Узбекистан принял закон Республики Узбекистан «О биржах и деятельность бирж».

Этим законом определяются основные положения биржи, товары бирж и деятельность бирж. Биржевыми товарами являются все виды имущества, в том числе недвижимость, оказание транспортных услуг для перевозки продукции, составление договоров, интеллектуальная собственность, ценные бумаги, валютные средства и другие товары в обороте граждан. Земля, полезные ископаемые богатства, вода, другие природные ресурсы, национальные, культурные и исторические ценности, а также другие виды богатства, определенные Кабинетом Министров Республики Узбекистан, не могут быть товарами биржи.

Бирже законом запрещается непосредственно заниматься товарами, товарно-посреднической деятельностью, биржа не имеет право инвестировать, получать доход, приобретать акции, она не может быть учреждением, предприятием и организацией (если она не связана непосредственно с деятельностью биржи).

Биржа имеет право требовать применения правил купли-продажи и исполнения от участников купли-продажи биржи на основе своего устава и действующего закона, правопорядка.

Основные задачи биржи: создание условий для проведения биржевой купли-продажи; упорядочение биржевых операций; осуществление ценовой котировки товаров на основе соотношения требований и предложений к товарам; оказание организационных и других видов услуг членам и участникам биржи; своевременное объявление (не менее один раз в неделю) сведений анализа котировки цен, изучение индексов, время продаж, объем товаров и соглашений, суммы контрактов и других показателей, состояние рынка товаров и перспективы развития биржи.

Деятельность биржи осуществляется установленным законом и следующими основными правилами: путем предварительного определения места и времени для обеспечения эффективности биржевых продаж; формирование рынка товаров биржи; создание свободных рыночных цен; проведение открытых и массовых продаж; создание свободных правил утверждения контрактов биржи и регистрация этих контрактов; проведение котировки цен товаров биржи и объявление сведений об этом; соблюдение закона о монополии.

Указ Президента Республики Узбекистан «Об углублении экономических реформ, обеспечения гарантии частной собственности и развития предпринимательства», принятый 21 января 1994 г., создал еще более благоприятные условия для развития биржи. 11 часть данного Указа имеет особое значение, в нем предусматривается использование на практике организации и проведения оптовой ярмарки для продажи товаров и остатков продукции в хозяйствах и предприятиях с участием товарно-сырьевой биржи.

Указ Президента Республики Узбекистан от 28 февраля 1994 г. об учреждении объединения «Узлгиржибиржасавдо» и о создании в составе объединения Республи-

канской акционерной сырьевой биржи имеет огромное значение.

Во исполнение вышеуказанного Указа Президента Республики Узбекистан 25 марта 1994 г. Кабинет Министров принял решение номер 163 «Об упорядочении операций внешнеторговых мероприятий» и решение номер 216 от 19 апреля 1994 г. «Об организации и проведении Республиканской ярмарки по продаже товаров и сырья» и в итоге был утвержден «Временный порядок о вывозе продукции, приобретенной в Республиканских товарно-сырьевых биржах и в республиканских ярмарках».

Закон Республики Узбекистан «О биржах и биржевой деятельности» Олий Кенгеша Республики Узбекистан, Указы Президента Республики Узбекистан и решения Кабинета Министров создали законодательный фундамент для существования и развития биржи в республике.

Закон Республики Узбекистан «О биржах и биржевой деятельности» и Указы Президента Республики Узбекистан от 21 января 1994 г., а также создание комплекса правовых и нормативных документов для дальнейшего развития указов, усилило заинтересованность предприятий, хозяйств, предпринимательской системы, частных фирм и хозяйств с различными формами собственности, а также юридических лиц, в том числе зарубежных предпринимателей, продавать свою продукцию через биржевые торги.

Этому в первую очередь помогли определенные льготы при вывозе продукции без таможенного налога и лицензии, приобретенные в бирже, за пределы республики.

На современном этапе развития товарно-сырьевой биржи Республики Узбекистан упомянутые два документа намного расширили круг его действия, а также повысили его авторитет в экономическом развитии Узбекистана. Несомненно, биржи как самое основное средство механизма рынка, послужили обеспечению первоочередными и необходимыми товарами рынка республики, а также способствовали продаже своей продукции хозяйствам и предприятиям с различной формой собственности, содействуя установлению связей между странами СНГ и зарубежными государствами, обеспечивая продуктами первостепенной важности, и восстанавливая соглашения с предприятиями по аналогичному производству, тем самым укрепляя и развивая их.

9 февраля 1995 г. было принято постановление № 42 Кабинета Министров «О дополнительных мерах по обеспечению первостепенным необходимым товаром потребительский рынок в 1995 г.» и согласно данному постановлению во всех областных центрах республики, а также в Республике Каракалпакстан были открыты товарно-сырьевые биржи Узбекистана.

Необходимо отметить тот факт, что одним из первых был принят закон «О ценных бумагах и фондовой бирже», и это обстоятельство было не случайным. Организацию фондовых бирж и фондовых рынков открыто рассматривать нельзя, поскольку они являются одной частью реформируемой экономической системы. Банки, специ-

альные кредитные заведения и фондовые биржи при помощи рынка ценных бумаг собирают денежные средства государства, а также юридических и физических лиц, обеспечивая им максимально эффективное применение.

Фондовый рынок в настоящее время, сохраняя условия для естественного развития согласно законам рынка, сможет собрать прибыль только тогда, когда сможет тщательно отладить механизм действия. Для успешного и устойчивого функционирования система должна самостоятельно развиваться. При этом кажется естественным тот факт, что на первом этапе правительство Узбекистана приняло на себя основные функции по организации рынка ценных бумаг, но впоследствии излишняя опека со сто-

роны государства недопустима. Как показывает мировой опыт, одним из основных средств деятельности самостоятельного фондового рынка должна быть дальнейшая самоорганизующаяся коммерческая система — фондовая биржа.

Реформы, проводимые правительством Узбекистана, требуют установления и соблюдения соответствующего правового порядка. Непосредственные участники должны знать основные положения купли-продажи акций приватизированных предприятий, следить за изменениями в законодательных актах, т.к. законодательная политика государства в области фондового рынка, безусловно, должна и будет совершенствоваться.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан. 2014 г.
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Т. 1996 г.
3. Закон Республики Узбекистан «Об ипотеке». Т. 2006 г.
4. Закон Республики Узбекистан «О биржах и биржевой деятельности». Т. 2001 г.
5. Закон Республики Узбекистан «О рынке ценных бумаг». Т. 2008 г.
6. Закон Республики Узбекистан «Об информации». Т. 2003 г.
7. Закон Республики Узбекистан «Об электронных цифрах». Т. 2003 г.
8. Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции». Т. 2004 г.
9. Свод законов Республики Узбекистан. Т. 2009 г.
10. Мансуров, С. М. Биржа и участие в них предпринимателей. Т.: ДТЮИ. 2008 г. Ziyonet uz/
11. Зокиров, И. Гражданское право. Часть 1. — Т.: ТДЮИ. 2009. с. 348.
12. Хозяйственное (предпринимательское) право. Под ред. Отаханова Ф. Х. — Т.: ТДЮИ. 2003 г. с. 235.

Возможность реабилитации в уголовном процессе по делам частного производства: особенности, основания и проблемы

Бакимбаев Нуржан Кумарбекович, магистрант
Тюменский государственный университет

При вынесении постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования судом первой инстанции по делам частного обвинения, возбужденным мировым судьей на основании заявлений, поданных частными лицами, о привлечении к уголовной ответственности, суды разъясняют оправданным лицам право на реабилитацию. Согласно ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ, введенной Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. N 54-ФЗ, помимо прочих субъектов, имеющих право на реабилитацию согласно ч. 2 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, по уголовным делам частного обвинения имеют лица, указанные в п.п. 1–4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, а также «осужденные по уголовным делам частного обвинения, возбужденным судом в соответствии со ст. 318 УПК РФ, в случаях полной или частичной отмены обвинительного приговора суда и оправдания осужденного либо прекра-

щения уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным п.п. 1, 2 и 5 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1, 4 и 5 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса». К таковым основаниям относятся: отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса; непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по

тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела. [1]

Поскольку на основании ст. 318 УПК РФ уголовные дела также возбуждаются и судом при наличии лишь надлежащим образом оформленного заявления частного обвинителя о привлечении лица к уголовной ответственности в порядке частного обвинения и принятие такого заявления к своему производству и возбуждение уголовного дела — это обязанность суда, а реабилитация — это право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах (ч. 1 ст. 133 УПК РФ), нарушенных в результате уголовного преследования, которое в данном случае осуществляет частный обвинитель, ведь ч. 1 ст. 21 УПК РФ, определяя обязанность осуществления уголовного преследования, возлагает это от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения на прокурора, а также следователя и дознавателя, а ст. 22 УПК РФ — на потерпевшего и частного обвинителя, соответственно, формально суд не входит в число органов, осуществляющих уголовное преследование, и возмещается причиненный вред согласно той же самой ч. 1 ст. 133 УПК РФ также государством в полном объеме, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда, а в данном случае и субъектом, виновным в причинении вреда, здесь выступает частный обвинитель, не являющийся представителем государственных структур, ответственных за вынесение неправосудного решения. При этом обвинение в вынесении заведомо неправосудного решения судом требует доказательств, и предъявление его возможно лишь при наличии в действиях отдельно взятого судьи (судей) уголовно наказуемого деяния, подпадающего под юрисдикцию ст. 299 УК РФ — привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, а прекращение уголовного дела и уголовного преследования по уже перечисленным основаниям судом вышестоящей инстанции заведомо ставит суд нижестоящей инстанции, вынесший обвинительный приговор, в состояние органа, решение которого заведомо является неправосудным, несмотря на то что причины, послужившие прекращению уголовного дела частного обвинения, в суде вышестоящей инстанции могут быть самые разные, в том числе признание частным обвинителем лица, привлеченного к уголовной ответственности и осужденного судом первой инстанции, непричастным к совершению преступления, даже под угрозой привлечения частного обвинителя к уголовной ответственности за заведомо ложный донос. При этом основание к прекращению дела, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, будет подпадать под перечень оснований применения права на реабилитацию. [2]

Реабилитация — право на возмещение вреда, причиненного государством, в том числе имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных

правах, независимо от вины властных структур и должностных лиц этого государства, как то: следователь, орган дознания, дознаватель, прокурор и суд. В данном случае при незаконном привлечении к уголовной ответственности лица по заявлению частного обвинения государство берет на себя обязанность возместить вред, причиненный частным лицом — частным обвинителем, восстановить нарушенное частным лицом право осужденного лица при вынесении обвинительного приговора судом первой инстанции, освободив при этом от данной обязанности самого причинителя вреда. Ведь суд при этом не может являться государственным органом, виновным в причинении вреда, в отличие от органа дознания, следствия, поскольку, даже обладая правом возбудить уголовное дело, не является органом, осуществляющим уголовное преследование, по крайней мере, к таковым органам его не относит закон (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). В этой связи нельзя не согласиться с мнением С. С. Батурина, который, исследовав проблему о том, может ли судья принимать решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, пришел к выводу о том, что «решение о проведении каких-либо мероприятий принимает оперативно-розыскной орган, а судья в порядке судебного контроля лишь проверяет законность указанных действий».

На деле же получается, что, к какому бы решению ни пришел суд второй инстанции, отменив пусть даже и частично обвинительный приговор нижестоящего суда, а также прекратив дело по одному из оснований, предусмотренных п.п. 1, 2 и 5 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1, 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, своим решением он ставит суд первой инстанции в унижительную позицию нижестоящей инстанции, заведомо нарушившей права гражданина, даже если на момент вынесения решения суда первой инстанции было обоснованным. Орган дознания, дознаватель обладают более широкими полномочиями при ведении дознания, суд по заявлениям частного обвинения, поступающим от граждан, фактически лишен возможности ведения следствия в том объеме, в котором это право государство предоставило дознанию, фактически вынося решение по делу, основываясь на доказательствах, предоставленных сторонами. Не редки ситуации, когда потерпевшим изначально подается заявление о привлечении к уголовной ответственности лица при явном отсутствии события преступления или признаков состава преступления, «несмотря на очевидное отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела, мировой судья в силу ст. 319 УПК РФ обязан принять указанное заявление, провести судебное разбирательство с вызовом подсудимого и лишь в конце разбирательства, которое иногда длится годами, вынести оправдательный приговор. При этом судебное разбирательство в отношении такого заведомо невиновного лица может сопровождаться применением к подсудимому мер процессуального принуждения и вообще негативно отразиться на его повседневной жизни, а вынесение оправдательного приговора в этом случае становится формальным актом».

Хотя за лицом, права которого нарушены, остается возможность обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства при наличии вступившего в законную силу оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования по реабилитирующим основаниям для возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда. Почему же не оставить обязанность по возмещению вреда за причинителем такового — частным обвинителем? Не было бы это более правильным? В таком случае право на реабилитацию от имени государства не стоило бы разьяснять по делам частного обвинения, возбужденным судом. Но поскольку данное право уже закреплено в ст. 133 УПК РФ, т.е. предоставлено, а его закрепление в законе требует реализации, не верно ли было бы прерогативу возбуждения дел частного обвинения, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 УК РФ по заявлению частного обвинителя, передать органу дознания, дабы право на реабилитацию, закрепленное законом и реализуемое по определению от имени государства, в действительности могло быть реализовано от имени такового в предусмотренном законом порядке?

При наличии же существующего положения суд первой инстанции при вынесении оправдательного приговора фактически признает нарушение права подсудимого частным обвинителем и, разьясняя ему право на реабилитацию от имени государства, от имени же государства провозглашает обеспечение восстановления прав и свобод, нарушенных частным лицом, подавшим мировому судье заявление о привлечении к уголовной ответственности лица, заведомо невиновного. В таком случае независимо от того, выносится оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела, уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, лицо, заявившее о виновности привлекаемого к уголовной ответственности, должно быть, в свою очередь, привлечено к уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Однако в действительности этого не происходит, суд не наделен правом возбуждать уголовные дела, помимо дел частного обвинения, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 УК РФ. И поскольку при вынесении судом первой инстанции оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям не происходит ущемления прав привлекаемого лица в том объеме, в каком это возможно при вступлении в законную силу обвинительного приговора в отношении невиновного лица, постольку лишь при вступлении в законную силу судебного акта возможно наступление юридических последствий, а при вступлении в силу акта неправосудного — наступление юридических последствий, влекущих нарушение прав невиновного лица. Должно ли при этих обстоятельствах разьясняться право на реабилитацию судом первой инстанции? Как мы уже установили ранее, судом второй инстанции данное право не может не разьясняться, поскольку закон (ст. 133 УПК РФ) обязывает это делать. Вопрос о правомерности при-

менения права на реабилитацию по делам, где причинен вред частным лицом, остается открытым и, по нашему мнению, спорным, безусловно, государство должно нести ответственность за злоупотребление правами, предоставленными им гражданам (в нашем случае — частным обвинителям, которым предоставлено право уголовного преследования), если они (граждане), реализуя свои права, этим ущемляют права иных граждан, однако безраздельно перекладывать ответственность по возмещению вреда в полном объеме на государство было бы в корне не верно, ведь такой подход обеспечивает плодородную почву для недобросовестных заявителей, к тому же зачастую не несущих уголовной ответственности за заведомо ложный донос о якобы совершенном в отношении их преступлении. Кроме того, каждый должен нести тот объем ответственности за совершенное ущемление прав других лиц, в каком это ущемление имело место быть. Ибо ст. 1064 ГК РФ гласит, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Конечно же, в силу той же ст. 1064 ГК РФ законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда, что мы и наблюдаем по вступлении в законную силу Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ. [3] И если реабилитация — это механизм реализации ответственности государства, как следует из самого определения, данного в законе, где составными частями этого механизма выступают должностные лица и государственные органы, осуществляющие уголовное преследование, то данный механизм не может и не должен распространять свое действие на отношения, возникающие между частными лицами, даже при наличии вмешательства государства в виде судебного решения, вынесенного от имени государства, поскольку оно лишь является актом, определяющим статус лица, которое частный обвинитель просит привлечь к уголовной ответственности в качестве осужденного или оправданного, и не более того.

Одной из задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В ч. 2 ст. 6 УПК РФ законодатель обратил особое внимание правоприменителя на то, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает широкий круг гарантий, нацеленных на предотвращение в ходе производства по уголовному делу принятия решений и совершения действий (бездействия), нарушающих права и законные интересы граждан и организаций. К числу таких гарантий относятся прежде всего принципы

уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная форма, прокурорский надзор и судебный контроль.

Причинение в уголовном процессе вреда правам и охраняемым законом интересам личности или организации возможно в результате необоснованных возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, задержания подозреваемого, применения мер уголовно-процессуального принуждения, производства в отношении лица судебной экспертизы, привлечения в качестве обвиняемого, предания суду, привлечения к уголовной ответственности, применения наказания, иных мер уголовно-правового характера.

Объем гарантий, ограждающих личность от незаконного и необоснованного уголовного преследования, существенно различается в зависимости от того, в каком порядке осуществляется уголовное преследование, — публичном, частно-публичном или частном. Понятно, что по делам частного обвинения объем таких гарантий является наименьшим, поскольку он снижается прямо пропорционально возрастанию допустимой в уголовном процессе меры усмотрения частных лиц, действующих в рамках судопроизводства произвольно, руководствуясь лишь своими личными интересами.

Во-первых, если по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения уголовное преследование осуществляют субъекты, не имеющие личного интереса в исходе уголовного дела, что обеспечивает им возможность сохранения объективности при принятии ключевых процессуальных решений, — дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа и прокурор, то по делам частного обвинения уголовное преследование возбуждает и поддерживает лицо, лично заинтересованное в исходе дела, — потерпевший.

Во-вторых, возбуждение уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения, равно как и принятие иных решений, связанных с осуществлением публичного уголовного преследования (задержание подозреваемого, привлечение лица в качестве обвиняемого, направление уголовного дела в суд и т.д.), возможны только при наличии предусмотренных законом оснований. При этом обоснованность соответствующих процессуальных решений гарантируется средствами прокурорского надзора и судебного контроля. Что же касается уголовных дел частного обвинения, то здесь не предусмотрено контрольных механизмов, обеспечивающих обоснованность выдвинутого обвинения: потерпевший по своему усмотрению решает, возбуждать или не возбуждать уголовное дело, поддерживать в суде частное обвинение, отказаться от него или примириться с подсудимым. [4]

Ввиду указанных различий вероятность необоснованного уголовного преследования по делам частного обвинения многократно возрастает (что обуславливает традиционно высокий процент оправдательных приговоров по данной категории уголовных дел. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о порядке возмещения вреда лицам, пострадавшим в результате выдвижения

и поддержания против них необоснованного частного обвинения, а также вынесения судами незаконных и необоснованных приговоров по таким делам.

К сожалению, в уголовно-процессуальном законе данный вопрос урегулирован крайне неудовлетворительно: законодатель ограничился лишь предоставлением суду права при оправдании подсудимого по делу частного обвинения взыскивать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному уголовному делу.

Как следствие, без ответа остались вопросы о том, в каком порядке возмещать гражданину, подвергнутому необоснованному частному обвинению, моральный вред, как поступать в случаях прекращения уголовного дела частного обвинения по реабилитирующим основаниям

Необходимость восстановления прав и законных интересов лиц, уголовное преследование в отношении которых осуществлялось в порядке частного обвинения, может возникнуть в тех случаях, когда:

1) в отношении подсудимого вынесен оправдательный приговор;

2) производство по уголовному делу в отношении подсудимого прекращено:

1) в связи с отказом частного обвинителя от обвинения;

2) в связи с неявкой потерпевшего на судебное заседание без уважительных причин (ч. 3 ст. 249 УПК РФ);

3) в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и:

1) вынесения оправдательного приговора судом апелляционной инстанции;

2) прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 1 или 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ;

3) вынесения оправдательного приговора при новом рассмотрении уголовного дела судом первой или апелляционной инстанции. [5]

Перечисленные процессуальные решения следует признать основаниями возникновения права на реабилитацию граждан, чьи права и законные интересы были нарушены в связи с производством по уголовному делу частного обвинения.

К числу реабилитирующих закон (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ) относит также предусмотренное п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основание прекращения уголовного дела — отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению. Такой подход справедливо оспаривается рядом авторов, которые полагают, что данное основание прекращения уголовного дела не должно влечь за собой реабилитацию гражданина

Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему основанию предполагает констатацию государственным органом или должностным лицом, ведущим производство по делу, того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления. Если взять этот критерий за основу, то рассматриваемое основание

прекращения уголовного дела не может быть признано реабилитирующим. Ведь если установлено отсутствие события преступления или его признаков, то уголовное дело следовало бы прекращать по совсем иным основаниям — тем, что предусмотрены п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. А вот когда признаки преступления и причастность к нему лица установлены, но продолжению процессуальной деятельности препятствует отсутствие заявления потерпевшего, для прекращения производства по уголовному делу применяется основание, предусмотренное п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [6]

Таким образом, разъяснение возможности реализации права на реабилитацию, предоставленного государством по делам частного обвинения, возбужденным судом, не может иметь места, поскольку возможность добиться вынесения оправдательного приговора для невиновного лица путем обжалования ранее принятого решения — это не реализация права на реабилитацию, а реализация права на обжалование судебного решения. Реабилитация — это устранение последствий неправосудного решения, каковые могут наступать лишь при вступлении в законную силу неправосудного решения, в противном случае это влечет нарушение закона, но если суд второй инстанции принимает решение об изменении или отмене решения суда первой инстанции, что возможно лишь при обращении с жалобой на решение суда, не вступившего в законную силу, следовательно, и юридические последствия, являющиеся следствием неправосудного решения, не наступают до вступления в законную силу решения суда, в частности решения суда апелляционной инстанции, а значит, и разъяснение права на реабилитацию является лишним, поскольку устранение последствий неправосудного решения не имеет смысла, ибо они не наступили до принятия решения судом второй инстанции, по крайней мере не должны наступить по закону. Что касается разъяснения права на реабилитацию при принятии решения судом апелляционной инстанции, вступающего в законную силу с момента его провозглашения, обжалуемого в вышестоящую инстанцию, то оно также не имеет под собой юридических оснований, поскольку вред причинен не государством, а частным лицом, также ответственным за свои действия и предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Если реабилитация касается назначенного судом наказания, частично или полностью отбытого до вынесения оправдательного приговора (а санкции ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 УК РФ предусматривают, помимо штрафа, обязательные работы, ис-

правительные работы, арест), то разъяснение права на реабилитацию, относительно отбытого наказания в виде исправительных работ, ареста, обязательных работ вообще нецелесообразно, поскольку наказание частично или полностью уже отбыто, уже затрачены энергия, здоровье лица, которому данное наказание было назначено, восстановить первоначальное положение невозможно, возможна лишь компенсация в денежном выражении, и, соответственно, сама идея реабилитации здесь теряет свою почву как таковая. [7] Несколько иначе обстоят дела с применением штрафных санкций. Государство теоретически в порядке реализации установленного им же права на реабилитацию должно возместить расходы по уплате штрафа, назначенного приговором суда, лицу, оправданному судом вышестоящей инстанции, однако, как уже было сказано выше, данное возмещение может быть осуществлено в порядке гражданского судопроизводства и взыскано с частного обвинителя, как и предусматривает ч. 5 ст. 133 УПК РФ, тем более что закон возлагает бремя расходов, связанных с осуществлением незаконного преследования лица по делу частного обвинения, на самого частного обвинителя, т.е. лицо, осуществляющее это преследование. Так, согласно ч. 9 ст. 132 УПК РФ при оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному уголовному делу.

В связи с вышеуказанным и с учетом того, что суд обязан принять к производству надлежащим образом оформленное заявление о привлечении к уголовной ответственности лица в порядке частного обвинения и возбудить уголовное дело, не имея при этом возможности предварительно исследовать предложенные доказательства и сделать вывод о наличии состава или события преступления, указанного частным обвинителем, и виновности лица, которое частный обвинитель просит привлечь к уголовной ответственности иным способом, нежели в судебном заседании, назначенном по постановлению суда, в котором частный обвинитель признан потерпевшим, а лицо, которое он просит привлечь к уголовной ответственности, — подсудимым, ответственность за незаконное уголовное преследование по делам частного обвинения должно нести лицо, по заявлению которого оно было возбуждено и которое осуществляло по нему уголовное преследование, — частный обвинитель, а не государство, соответственно, введение в действие нормы ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ не является целесообразным. [8]

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (в ред. от 02.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (в ред. от 02.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (часть вторая) (в ред. от 28.06.2012) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Чурилов, Ю. Ю. Проблемы эффективности оправдания по уголовным делам частного обвинения // Российский судья. 2007. № 7. с. 46–47.
5. Батулин, С. С. Может ли судья принимать решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий // Российский судья. 2013. № 3. с. 24–27.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2011. 5 дек.
7. Гаврилюк, Р. В., Ковтун Н. Н., Юнусов А. А. Реабилитация в российском уголовном процессе: Монография. Нижнекамск, 2007. с. 91–92.
8. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: Монография / Под ред. канд. юрид. наук, доц. И. С. Дикарева. Волгоград, 2011. с. 319–320.

Навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора в антимонопольном праве США: от правила незаконности по сути к правилу разумности

Бахаева Анна Вадимовна, аспирант
Российский университет дружбы народов

В настоящей статье рассматривается навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора как злоупотребление доминирующим положением в антимонопольном законодательстве США. Анализируется изменение подхода к такого рода злоупотреблениям в законодательстве и судебной практике, движение от правила незаконности по сути к правилу разумности в антимонопольных делах о злоупотреблении доминирующим положением путем навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство США, монополизация, злоупотребление доминирующим положением, навязывание невыгодных условий.

О навязывании контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора речь идет, например, в тех случаях, когда продавец ставит условием отчуждения одного товара, необходимого покупателю, приобретение покупателем другого товара, который возможно совершенно ему не нужен или его приобретение является обременительным для покупателя. В случае с обычным продавцом покупатель всегда может отказать от заключения невыгодного договора и найти другое предложение. Однако когда речь идет о продавце, обладающем монопольной властью, покупатель может оказаться в ситуации, когда он будет лишен выбора, и ему придется заключить с продавцом договор на невыгодных ему условиях и приобрести помимо необходимого еще и навязанный товар. В таком случае навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора может рассматриваться с точки зрения антимонопольного законодательства как злоупотребление доминирующим положением.

Навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора является неценовым вытесняющим злоупотреблением доминирующим положением, направленным на расширение монопольной власти хозяйствующего субъекта с товарного рынка ос-

новного (связанного) товара на смежный товарный рынок, рынок навязанного товара (так называемая «теория рычага»), что наносит потенциальный ущерб потребителям, ведет к вытеснению других участников со смежного товарного рынка и повышению входных барьеров на этот рынок.

Запрет на злоупотребление доминирующим положением в форме навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора регулируется в США несколькими нормами.

Во-первых, ст. 3 Закон Клейтона [1], которая запрещает [...] сдавать в наём или продавать или заключать соглашение о продаже [товаров], как запатентованных, так и непатентованных для использования, потребления или перепродажи [...] при условии, соглашения или договоренности, что наниматель или покупатель не будет использовать [товары] конкурента или конкурентов наймодателя или продавца, если последствиями такого найма, продажи или соглашения о продаже или такого условия, соглашения или договоренности может стать значительное снижение конкуренции или возможность создания монополии на любом товарном рынке. Важно отметить, что данная норма не распространяется на работы, услуги и неимущественные права.

Во-вторых, ст. 1 Закона Шермана [13], которая запрещает заключение договоров, ограничивающих конкуренцию, в том числе навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора. Эта норма относится к любым видам договоров.

В-третьих, ст. 2 Закона Шермана запрещает навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на товарном рынке, если последствиями таких действий является вытеснение конкурентов с товарного рынка.

В-четвертых, ст. 5 Закона о Федеральной торговой комиссии США [2] также может быть применена против навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение. Однако данная норма применяется только Федеральной торговой комиссией США.

Первые попытки борьбы со злоупотреблениями, включающими в себя навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора, были предприняты в США еще в начале XX века в патентных делах. Так в деле *Motion Picture Patents Co. v. Universal Film Manufacturing Co.* [10] компания *Motion Picture Patents*, являясь обладателем патента на кинопроектор, продала его компании *Universal Film Manufacturing* при условии, что данный кинопроектор будет использоваться исключительно для создания фильмов компанией *Motion Picture Films*, аргументируя это необходимостью защитой патентных прав. Суд счел такое условие злоупотреблением правом держателя патента, поскольку говорить о нарушении патентных прав можно было бы только в том случае, если покупатель стал производить такие же кинопроекторы.

Ранние дела по ст. 3 Закон Клейтона были рассмотрены в США также в начале XX века. Так в 1922 году действия корпорации *United Shoe Machinery* [17] были признаны противозаконными, поскольку договор аренды оборудования корпорации, хотя напрямую и не запрещал использование контрагентами оборудования конкурентов, тем не менее, предусматривал возможность одностороннего расторжения договора в случае использования для производства обуви контрагентами *United Shoe Machinery* также оборудования других производителей. В 1936 году навязывание компанией *IBM* [6] покупки своих перфокарт при заключении договора аренды ЭВМ также были признаны нарушающими норму ст. 3 Закона Клейтона.

Первым делом, в котором был сформулирован правовой стандарт, применяемый судами в делах о навязывании контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора, стало дело компании *International Salt* [8], в котором суд признал незаконным навязывание покупки соли при аренде двух запатентованных машин. В дальнейшей судебной практике [12] использованный в деле компании *International Salt* стандарт был обозначен судом, как правило *per se*, т.е. незаконности по сути.

Верховный суд США ни в одном из своих решений не сформулировал окончательного перечня признаков незаконности навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора. Наиболее часто используемой формулировкой признаков незаконности навязывания является формулировка, предусмотренная в решении Апелляционного суда Девятого округа США по делу *Siegel v. Chicken Delight, Inc.* [14], в котором суд установил, что действия хозяйствующего субъекта могут считаться навязыванием контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора при соблюдении следующих условий: во-первых, навязывание должно включать в себя два отдельных товара, при условии, что один товар («связанный товар») не может быть приобретен отдельно без необходимости приобрести другой товар («навязанный товар»); во-вторых, связанный товар должен обладать значительной экономической властью достаточной для ограничения конкуренции на товарном рынке навязанного товара; в-третьих, навязыванием должна быть затронута значительная («не незначительная») часть торговли. Некоторые другие апелляционные окружные суды также добавляли к данным признакам наличие антиконкурентных последствий на товарном рынке навязанного товара, а также не имеющий однозначного толкования признак принуждения [3, с. 196].

Согласно вышеупомянутой «теории рычага» (leverage theory) [3, с. 200] навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора является неценовым вытесняющим злоупотреблением доминирующим положением, направленным на расширение монопольной власти хозяйствующего субъекта на смежный товарный рынок, рынок навязанного товара, что наносит потенциальный ущерб потребителям, ведет к вытеснению других участников со смежного товарного рынка и повышению входных барьеров на этот рынок. Теория рычага исходит из того, что хозяйствующий субъект, обладающий монопольной властью на рынке основного (связанного) товара, вытеснив конкурентов и обеспечив себе монопольную власть на товарном рынке навязанного товара, установит на навязанный товар монопольно высокую цену и тем самым нанесет ущерб конкуренции и потребителям [5, с. 279].

Именно теория рычага легла в основу сформулированного Верховным судом США в 50–60-е годы XX века [8; 12; 15] правила незаконности по сути (*per se rule*), которое устанавливает, что во всех случаях, когда сторона имеет *значительную экономическую власть в отношении основного товара для того, чтобы ощутимо ограничить свободную конкуренцию на товарном рынке навязанного товара, если это существенно влияет на торговлю между штатами* [12, п. 6], действия по навязыванию контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора считаются противоречащими закону. При этом признаками, имеющими значение для признания действий незаконными по сути

являются: 1) наличие двух отдельных товаров; 2) наличие значительной экономической (монопольной) власти (которую помимо доли рынка обеспечивают также уникальность товара, наличие прав интеллектуальной собственности (патента) на товар); 3) факт навязывания товара; 4) существенное влияние на торговлю [16].

В последние годы судебная практика [7; 11; 18] все чаще отходит от правила незаконности по сути, исходя недопустимости признания навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора незаконным без проведения соответствующего анализа товарного рынка (правило разумности (*rule of reason*)). Кроме того, в решении 2006 года [7] Верховный суд США установил, что многие договоры, в рамках которых один товар навязывается при приобретении другого, полностью соответствуют закону. В этом же решении суд опроверг свою ранее сформулированную презумпцию о том, что наличие у субъекта прав интеллектуальной собственности (патента) на основной товар во всех случаях говорит о наличии у него значительной экономической (монопольной) власти. Теперь наличие у субъекта права интеллектуальной собственности (держателя патента) монопольной власти необходимо доказывать в общем порядке.

Против навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора могут быть применены частноправовые средства судебной защиты, такие как судебный запрет и возмещение убытков. Обращаться за судебным запретом навязывания контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора могут как государство, так и частные лица. Лица, чьи права и законные интересы были нарушены такими антиконкурентными действиями, также вправе в соответствии с ст. 4 Закона Клейтона требовать возмещения тройной суммы убытков. Такие иски могут быть заявлены как конкурентам, которые потерпели убытки вследствие того, что были вытеснены с товарного рынка [9], так и потребителями, которые потерпели убытки в связи с завышением цен на рынке навязанного товара. Часто потребительские

иски являются коллективными жалобами, поданными в результате принятия решения по уголовному делу о нарушении антимонопольного законодательства. Это связано с тем, что ст. 5 Закона Клейтона признает решение по уголовному делу презумпцией доказательства нарушения антимонопольного законодательства и, как следствие, права на возмещение причиненных этим убытков.

Изначально убытки по таким делам рассчитывались, исходя исключительно из сумм, которые переплачивались потребителями на товарном рынке навязанного товара [14]. В дальнейшем подход изменился; суды стали принимать во внимание также и то, насколько была занижена цена основного товара, и взыскивать в качестве убытков лишь разницу между рыночной стоимостью основного товара и завышенной стоимостью навязанного. При этом заявитель, который в отсутствие выгодного предложения на основной товар, вовсе не стал бы совершать подобную сделку, признается не потерпевшим убытков по смыслу антимонопольного законодательства [4].

Как видно из изложенного в последние годы подход к навязыванию контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора как злоупотреблению доминирующим положением значительно изменился, проделав долгий путь от правила незаконности по сути в 50–60-х годах XX века к правилу разумности в начале 2000-х годов. Если раньше истцам по антимонопольным делам было довольно просто взыскать убытки с монополиста в делах о навязывании контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора, т.к. им не нужно было доказывать противоправность таких действий, то в последние годы доказывание по антимонопольным искам о навязывании значительно усложнилось. В настоящее время применение судами правила незаконности по сути по антимонопольным искам о навязывании контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету условий договора является скорее исключением, чем правилом.

Литература:

1. Clayton Antitrust Act, 1914. URL: <http://teachingamericanhistory.org/library/document/clayton-antitrust-act/>
2. Federal Trade Commission Act, 1914. URL: http://www.ftc.gov/ogc/FTC_Act_IncorporatingUS_SAFE_WEB_Act.pdf
3. Hovenkamp, H. Black Letter Outline on Antitrust, 5th (Black Letter Outlines). — West, 2011. — P. 438.
4. Hovenkamp, H., Hovenkamp E. Tying Arrangements. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1999063
5. Hylton, K.N. Antitrust Law: Economic Theory and Common Law Evolution. — Cambridge University Press, 2003. — P. 430.
6. IBM, v. United States, 298 U.S. 131 (1936).
7. Illinois Tool Works, Inc. v. Independent Ink, Inc., 547 U.S. 28, 42 (2006).
8. International Salt Co. v. United States, 332 U.S. 392 (1947).
9. Moore, v. James H. Matthews, Inc., 682 F.2d 830, 836–37 (9th Cir.1982).
10. Motion Picture Patents Co. v. Universal film manufacturing Co., 243 U.S. 502 (1917).
11. Nat'l Collegiate Athletic Ass'n v. Bd. of Regents of the Univ. of Okla., 468 U.S. 85 (1984).
12. Northern Pacific Railway Co. v. United States, 356 U.S. 1 (1958).

13. Sherman Antitrust Act (Sherman Act), 1890. URL: http://www.civics-online.org/library/formatted/texts/sherman_antitrust.html
14. Siegel, v. Chicken Delight, Inc., 448 F.2d 43, 47 (9th Cir. 1971), cert. denied, 405 U.S. 955 (1972).
15. Standard Oil Co. v. United States, 337 U.S. 293, 305–306 (1949).
16. U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission Antitrust Enforcement and Intellectual Property Rights: Promoting Innovation and Competition, April 2007.
17. United Shoe Machinery Corp. v. United States, 258 U.S. 451 (1922).
18. United States v. Microsoft Corp., 253 F.3d 34, 65–67 (D. C. Cir. 2001), cert. denied, 534 U.S. 952.

Государственное регулирование рыночной экономики и право

Бережнова Ксения Игоревна, студент;

Хо Тхи Хань Хуиен, студент

Самарский государственный аэрокосмический университет имени С. П. Королева

1. Регулирование предпринимательской деятельности как функция государства

Одной из главных функций государства является необходимость создания и развития устойчивых экономических отношений. В условиях рыночной экономики такие отношения могут достигаться, при поддержании стабильности конечных экономических показателей и предельных показателей экономического роста на заданном уровне. Наиболее актуальной проблемой рыночной экономики является ограниченность производства общественных товаров. Создание правовой базы, как регулятора производства товаров и услуг, будет наиболее эффективным особенно в настоящее время, когда российская экономика только переходит к рыночному типу.

Рыночная экономика является непостоянной и иногда непредсказуемой и поэтому очень важно, государству распределить обязанности и взять на себя часть обязательств по регулированию рынка, ведь не только государство влияет на экономику, но и экономика влияет на государство. Государство должно выступать инициатором создания благоприятных условий функционирования предпринимательской деятельности, в первую очередь обеспечивать рынок необходимой информацией, создавать условия для развития свободной конкуренции, а также перераспределять материальные блага и устранять негативные последствия деятельности отдельных предпринимателей.

Выделяют несколько видов государственного регулирования. В зависимости от степени воздействия государственных структур на сегменты рынка и отношения в различных отраслях народного хозяйства можно выделить три уровня влияния государства: минимальный, средний, максимальный. В зависимости от территории применения средств воздействия можно выделить такие уровни как: федеральный, уровень субъекта Федерации, уровень автономной области и уровень автономных округов.

В реалиях настоящего времени можно заявить, что в РФ отсутствует надлежащая правовая основа государственного

регулирования экономики. Как показывает практика, законы в основном направлены на регулирование отдельных сфер хозяйственной деятельности, а чтобы грамотно осуществлять экономическую деятельность, необходимо также не в последнюю очередь обращать внимание на такие понятия как ценообразование и планирование. Чтобы привести механизм в действие нужно, прежде всего, разработать основной законодательный акт, в котором заключить определяющие основы государственного регулирования.

Власть должна осуществляться целостно по всем направлениям, путем правового взаимодействия трех ветвей власти, обеспечивая тем самым согласованный контроль экономической деятельности.

Особое внимание следует уделить государственному сектору экономики, с помощью которого возможно активное воздействие на рынок. Необходимо учитывать неоднородность структуры государственного сектора и отражать это в правовой основе.

2. Средства, формы и методы государственного регулирования предпринимательства

В ст. 8, 34 Конституции РФ заложены принципы государственного правового регулирования предпринимательской деятельности.

Хотелось бы начать с методов государственного регулирования, поскольку именно они будут определять в дальнейшем средства и формы. Итак, методы государственного регулирования бывают двух видов: прямые и косвенные. Прямой метод государственного регулирования заключается в непосредственном применении властного воздействия на регулируемые отношения и на поведение субъектов. Косвенный метод, наоборот, основан на опосредованном воздействии на регулируемые отношения и осуществляется путем создания условий, влияющих на мотивацию создания должного поведения.

По характеру воздействия на процесс экономического развития можно выделить три основные формы государ-

ственного регулирования экономики: краткосрочное антициклическое регулирование (конъюнктурная политика), а также среднесрочное и долгосрочное целевое регулирование (оно включает структурную политику и политику общего стимулирования экономического роста на определенную перспективу).

Одними из средств государственного регулирования предпринимательской деятельности являются прогнозирование и планирование.

Данные средства регулирования предпринимательской деятельности относятся к межотраслевым и тесно связаны как с административным, так и с налоговым и бюджетным регулированием. Согласно ст. 1 Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ» государственное прогнозирование представляет собой систему научно обоснованных представлений о направлениях социально-экономического развития РФ, основанных на законах рыночного хозяйства.

Прогнозирование является предпосылкой для планирования. Плановость в проведении регулирования предпринимательской деятельности со стороны государства означает мероприятия по формированию, распределению и использованию финансовых ресурсов на основе финансовых планов, разрабатываемых в соответствии с государственными программами развития экономики.

3. Система требований, предъявляемых к предпринимательской деятельности.

Требования отражают социально значимые интересы общества и государства, таким образом, мы можем классифицировать требования в зависимости от интересов, отражаемых в них.

Выделяют требования, которые касаются адресата:

- обязательные для всех субъектов предпринимательской деятельности;
- обязательные только для юридических лиц;
- обязательные только для определенной категории юридических лиц;
- обязательные для субъектов, занимающихся определенными видами деятельности;

В зависимости от субъекта, предъявляющего требования выделяют требования:

- установленные государством (РФ, субъектами РФ)
- органами местного самоуправления

Требования различают по характеру предъявляемых интересов:

- социальные
- финансовые
- производственные
- экологические
- противопожарные
- санитарно-эпидемиологические
- ветеринарные

- антимонопольные

В зависимости от развития предпринимательской деятельности и стадии её становления можно выделить такие требования как

1) Требования легитимации лиц в качестве предпринимателей, легитимации соответствующих видов деятельности.

2) Требования, предъявляемые на этапе подготовки к ведению предпринимательской деятельности, т.е. сразу же после регистрации, получения лицензии.

3) Требования, предъявляемые в процессе дальнейшего осуществления, расширения предпринимательской деятельности.

4. Право и обеспечение интересов государства, общества и граждан в условиях рыночной экономики

Государство должно охранять публичные и частные интересы граждан. В зависимости от этих интересов выстраивать грамотную экономическую стратегию, осуществляя экономическую функцию по таким приоритетным направлениям как:

- формирование государственного бюджета;
- обеспечение безопасности и обороны страны;
- защита окружающей среды;
- устранение безработицы;
- защита от монополизма;
- соблюдение правопорядка во внешнеэкономической деятельности предпринимателей и иностранном инвестировании.

Далеко не все направления помимо этого списка вошли в юридическую литературу, нам кажется целесообразным подойти к проблеме с научной точки зрения и определить критерии для классификации при формировании основных направлений государственного регулирования, чтобы исключить ущемление интересов и учесть все особенности российской экономической жизни.

5. Государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности.

Несмотря на все положительные черты рыночной экономики, она все-таки не способна в полной мере регулировать все социально-экономические процессы и действовать в интересах всего общества или конкретного гражданина. Частный бизнес вкладывает деньги в основном только в отрасли и проекты, приносящие высокую прибыль, но существуют также и другие жизненно-необходимые отрасли для государства и граждан, которые просто игнорируются предпринимателями.

Чтобы избежать социальной напряженности, спада производства, а также инфляции государство своевременно должно выполнять функции, которые на него возлагаются, ключевыми из которых являются:

- 1) Создание правовой основы.

- 2) Обеспечение надлежащего правопорядка в стране и ее национальной безопасности.
- 3) Стабилизация экономики.
- 4) Обеспечение социальной защиты и социальных гарантий.
- 5) Защита конкуренции.
- 6) Разработка, принятие и организация выполнения хозяйственного законодательства.

Подводя итог, следует сделать вывод, что проблема создания эффективного механизма государственного контроля в сфере предпринимательской деятельности представляет собой важную задачу государства, поскольку своевременное грамотное вмешательство государства в экономику и качественное исполнение надлежащих функций может существенно сказаться на благосостоянии нации.

Литература:

1. Бурмистрова, Т. В., Мартыненко Г. И. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: антимонопольная практика // Право и экономика, 2003, № 7–8.
2. Лебедева, Е. И. Предпринимательское право: Учебник. — М.: Высшая школа, 2004.
3. Мартыненко, Г., Мартыненко И. Правовое регулирование конкуренции и ограничения монополистической деятельности // Государство и экономика, 2004, № 9.

К вопросу об истории развития института долевого участия в строительстве

Бузун Елена Владимировна, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Бузун Мария Дмитриевна, главный специалист

Администрация муниципального района «Яковлевский район» (Белгородская область)

В статье рассматриваются предпосылки появления института долевого строительства жилья в России. Определены этапы развития нормативно-правового регулирования сферы жилищного строительства. Уделено внимание современному состоянию законодательства о долевом участии в строительстве.

Ключевые слова: долевое строительство; долевое участие в строительстве жилья; договор долевого участия; жилищная кооперация; договор подряда.

Обеспечение граждан жильем, причем жильем доступным и комфортным, всегда было актуальной для России проблемой. И в дореволюционное время, и в советский период, и сегодня жилищный вопрос в нашей стране нельзя назвать решенным — более 60% населения недовольны своими жилищными условиями. Главной проблемой сегодня является недостаточность финансовых ресурсов у населения для приобретения собственного жилья и улучшения жилищных условий.

В дореволюционный период в нашей стране государственного и муниципального жилого фонда не существовало, и большинство населения проживало в частных домах. В XVIII в. началось строительство доходных домов, и к началу XX в. в Москве они составляли около 40% всего жилья. Доходные дома строились на средства состоятельных владельцев, которые затем сдавали квартиры и комнаты населению, получая доход от аренды. В дальнейшем доходные дома начали строить товарищества, учебные заведения, акционерные общества. Арендаторами были представители самых различных социальных групп — от студентов до статских советников. Соответственно, и доходные дома были также различного уровня, в том числе и элитные — с собственными мини-электро-

станциями и котельными. Существовали доходные дома для среднего класса и для малоимущих граждан. Преимуществами аренды в доходных домах было то, что арендатору не нужно было следить за содержанием квартиры, платить налоги на недвижимость и т.д. Нужно заметить, что доходные дома — это не отечественное изобретение, их родиной считаются страны континентальной Европы. Как правило, в классическом доходном доме верхние этажи были отведены под квартиры, а нижний предназначен для торговых помещений.

Структура жилого фонда по формам собственности в начале XX века в крупных городах России была примерно следующей: частный односемейный дом — 50%; частный доходный дом — 40%; социальное жилье — 10%.

Еще во время Первой мировой войны жилой фонд начал приходить в упадок. С началом революции, в 1917 году жилые дома стали собственностью государства — в России произошла национализация. Однако, в период Новой экономической политики (1920-е гг.), когда была осознана неэффективность централизованного жилищно-коммунального хозяйства, стали появляться жилищно-строительные кооперативы. Жилищ-

но-строительные кооперативы — это дома коллективной собственности и управления, которые, после перерыва во время сталинской эпохи, приобрели широкую популярность в 70-е гг. XX века. Этот вид жилого дома выгодно отличался от обычных государственных — и своим внешним видом, и обслуживанием, хотя, конечно, права собственности и управления были существенно ограничены.

Также советский период ознаменован и появлением еще одного вида жилых домов — ведомственных. Это также государственное жилье, но переданное различным учреждениям, организациям, крупным предприятиям. Их управление и обслуживание производилось специальным органом соответствующей организации и за ее счет.

С 1955 года основным вектором жилищной политики стало массовое строительство индустриальным методом многоквартирных крупнопанельных домов низкой стоимости. Такие квартиры предоставляли органы местной власти в порядке очереди бесплатно. В то же время существовало большое количество специальных разрешений на выдачу ордеров вне очереди. Оплата коммунальных услуг за счет дотаций из бюджета была достаточно низкой для всех жильцов без исключения.

Индивидуальное жилищное строительство в советский период не поощрялось как элемент буржуазной идеологии. В городах, население которых превышало 100 тыс. человек, существовал запрет на строительство таких домов. Население должно было проживать исключительно в многоквартирных домах, и в результате, по сравнению с дореволюционным периодом, количество частных домов для одной семьи существенно сократилось. Таким образом, к 80-м гг. XX века структура жилого фонда в городах выглядела следующим образом: частный односемейный дом — 20%; государственный многоквартирный дом — 70%; кооператив — 10%; частный доходный дом — 0%.

С распадом СССР и переходом нашей страны к рыночной экономике, среди множества различных программ по реформированию жилищно-коммунального хозяйства стала преобладать либеральная концепция. Ее сущность заключалась в применении идей приватизации, в том числе была проведена бесплатная приватизация квартир в домах муниципального жилого фонда. Таким образом, в России сформировался своеобразный жилой фонд — муниципальные дома с приватизированными квартирами. Однако, полностью решить жилищную проблему в России это не помогло.

Долевое строительство в его современном понимании в России получило развитие только в начале 90-х годов XX-го века при переходе экономики страны на рыночные отношения. В условиях планово-распорядительной экономики данный правовой институт отсутствовал, поскольку в те годы потребность в жилье в основном обеспечивалась с помощью безвозмездной передачи жилья во владение и пользование лицам, нуждающимся в улучшении жилищных условий.

Обратимся к истории развития нормативно-правового регулирования сферы жилищного строительства.

В дореволюционный период российское законодательство в области строительства не получило широкого развития. Правовое регулирование договоров, используемых в сфере строительства в послереволюционный период, прошло несколько этапов, каждый из которых выражал неодинаковую оценку этих договоров, а вместе с ним и участников строительства со стороны законодателя. К числу первых актов советского правительства в сфере строительства следует отнести Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 1 декабря 1919 г., в котором проявилось весьма настороженное отношение к строительству как определенному виду деятельности, которое олицетворяла частное хозяйство и частный рынок. По отмеченной причине подряд подлежал особому контролю со стороны государства. Устанавливалось, что о каждом договоре подряда, которые имел предметом проведение строительства и сопутствующих работ, кем бы такой договор не был заключен, нужно было обязательно сообщать финансовым органам. Некоторое время спустя Постановлением Совета Труда и Обороне при Совете Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1920 г. государственным учреждениям и предприятиям, а также общественным организациям вообще запретили вступать в подрядные отношения; при этом ранее заключенные договоры вообще объявлялись с 1 января 1921 г. аннулированными. Это означало, что строить для себя можно было только своими силами. [2, с.106—107] В 1922 г. был принят Гражданский кодекс РСФСР, в котором содержалась гл.VII «Подряд» с ее общим для всех видов подряда режимом.

В 30-е гг. XX в. ситуация в рассматриваемой сфере изменилась — на законодательном уровне была признана эффективность подрядного способа строительства, прежде всего, при строительстве крупных промышленно-индустриальных и гражданских объектов. 11 февраля 1936 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР, которым окончательно провозглашался переход на подрядный способ ведения строительных работ. В подобных условиях стала остро ощущаться необходимость в разработке кодифицированных актов, охватывающих отношения, которые выделялись в особую отрасль — строительство. Эту роль сыграли Правила о договорах подряда на капитальное строительство и Правила финансирования строительства Промбанком СССР, которые урегулировали существенную часть отношений в сфере строительства.

Основы гражданского законодательства Союза СССР и Союзных республик от 8 декабря 1961 г. разделили договор подряда на собственно «Подряд» (гл. 7) и «Подряд на капитальное строительство» (гл. 8). Таким образом, строительный подряд был введен из рамок подрядных отношений и впервые за всю историю развития отношений в рассматриваемой сфере представлен как самостоятельный вид. Аналогичный подход содержался и в Гражданском кодексе РСФСР от 11 июня 1964 г., который также выделял подряд на капитальное строительство (гл. 31) из рамок подрядных отношений (гл. 30).

Необходимо также отметить, что в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г., помимо положений о подряде на капитальное строительство, были введены нормы, регулирующие договор о совместной деятельности (гл. 38). В соответствии со ст. 434 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. по данному договору стороны обязуются совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели, в том числе и для строительства жилых строений. Участники договора о совместной деятельности могли производить взносы, как деньгами, так и другим имуществом, а также путем трудового участия. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. допускал участие в договоре о совместной деятельности граждан, но только в случае заключения данного договора для удовлетворения личных бытовых нужд. Договоры о совместной деятельности между гражданами и социалистическими организациями не допускались.

Дальнейшему этапу развития законодательства в строительстве было присуще разделение правового регулирования по сферам социального функционирования возводимых объектов. В зависимости от назначения возводимых объектов, в этот период были приняты нормативные акты, регламентирующие порядок объединения предприятиями средств и их передачу единому заказчику для обеспечения строительства объектов здравоохранения, объектов бытового, торгового обслуживания и др. Кроме того, в этот же период был принят ряд нормативных актов, основной целью которых была детальная проработка правового положения единых заказчиков-застройщиков. Итогом законодательного регулирования правоотношений в сфере строительства в этот период стало принятие постановления Госстроя СССР № 16 от 02 февраля 1988 г., в котором нашли воплощение положения ранее принятых актов о заказчике-застройщике. Подход законодателя в отношении договора подряда на капитальное строительство был пересмотрен лишь в 90-х гг. XX в. [3, с.285–287]

Как справедливо отмечается, в социально-экономических условиях начала 90-х гг. прошлого столетия сложилась такая ситуация, при которой функционировавшая ранее государственная система строительства жилья была разрушена, а появляющийся частный сектор пока находился только в стадии накопления капитала. Соответственно, собственных средств, которые были необходимы для инвестирования в массовое жилищное строительство, участники данного сегмента рынка не имели. В то же время, существовавшая в России на протяжении десятилетий нерешенность жилищного вопроса способствовала росту предложения свободных инвестиционных ресурсов, которые направлялись населением на строительство жилья. В результате, население было готово авансом,

только под обещание в будущем предоставления квартир в строящихся домах, финансировать застройщиков. [4]

Появлению долевого строительства способствовало также изменение законодательства. Имеется в виду принятие Закона РФ от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики», в преамбуле которого было отмечено, что данный Закон определяет основные принципы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на жилище в новых социально-экономических условиях. Тем не менее, ни данным Законом, ни иными нормативными актами не был предусмотрен самостоятельный вид договора, с помощью которого застройщики могли бы привлекать денежные средства граждан для жилищного строительства.

В настоящее время институт долевого участия в строительстве жилья претерпел переход из существования на уровне исключительно договорного регулирования в нормативную фазу. Законодатель, очевидно, постаравшись учесть опыт развития строительства жилья, принял нормативный акт, посвященный рассматриваемому договору — Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Необходимость принятия закона была предопределена потребностями гражданского оборота, в связи с отсутствием непосредственного специального регулирования отношений по участию в долевом строительстве: стороны при заключении договоров в сфере долевого участия в строительстве, в частности многоквартирных домов, исходили из существующих и закрепленных Гражданским кодексом Российской Федерации договорных конструкций и принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Есть мнение, что именно это предопределило многочисленные нарушения прав участников долевого строительства многоквартирных домов — как граждан, так и юридических лиц. Названный закон закрепил договор участия в долевом строительстве в качестве самостоятельного договора, определил его наименование, определение понятия этого договора, его существенные условия, права, обязанности и ответственность сторон.

На сегодняшний день жилищный вопрос продолжает оставаться одним из приоритетных направлений повышения качества жизни населения, что, безусловно, способствует и дальнейшему активному распространению долевого строительства. Однако, по-прежнему, существует целый ряд моментов, требующих и уточнений, и корректировок. Свою положительную роль здесь должны сыграть практика применения принятого закона и разработки специалистов различных отраслей законодательства.

Литература:

1. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1, ч. I. — Ст. 40.

2. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг [Текст]. — М.: Статут, 2005. — 1055 с.
3. Бунина, Н. В. Договор участия в долевом строительстве и договор подряда: общее и особенное в правовом регулировании [Текст] / Н. В. Бунина // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 3. — С. 283–290.
4. Право собственности: актуальные проблемы [Текст] / Отв. Ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. Институт законодательства и сравнительного правоведения. — М.: Статут, 2008. — 731 с.

Планирование как часть процесса доказывания по уголовным делам

Гадималиев Эльвин Назар оглы, магистрант
Тюменский государственный университет

В статье обосновывается необходимость законодательного закрепления процесса планирования по доказыванию по уголовным делам с целью повышения качества доказательственной базы.

Ключевые слова: доказательство, уголовное судопроизводство, планирование, законодательное закрепление.

Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливает Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1], основанный на Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Уголовное судопроизводство основано на конституционных и процессуальных принципах, в частности, таких, как презумпция невиновности, обеспечение права на защиту, свобода оценки доказательств и др. Участникам уголовного процесса разъясняются их права, обвиняемому официально предъявляется обвинение и т. д. Ход и результаты следственных действий фиксируются в соответствующих протоколах, которые являются доказательствами [2].

Согласно статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия,

оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В предмет доказывания по уголовному делу входит выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Многие ученые посветили свои исследования вопросам планирования уголовно-процессуальной деятельности [3]. Для большей эффективности уголовно-процессуального познания вообще и процесса исследования доказательств в частности в специальной литературе рекомендуется составление письменного плана и следование ему, что обеспечивает его последовательный и целеустремленный характер [4, с. 65].

Анализ научных исследований и судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что планирование собирания доказательств по уголовному делу является залогом успеха к достижению поставленной цели по раскрытию преступления.

Насколько правильно, обоснованно и юридически грамотно будет составлен план собирания доказательств по уголовному делу, настолько качественнее будет доказательственная база.

Пределы и предмет доказывания, как качественные характеристики данной процессуальной деятельности, предполагают фактический объем доказывания, планируемый и реализуемый при производстве по уголовному делу следователем и дознавателем с учетом особенностей конкретного преступления, хода расследования, течение и результаты которого ни один закон не в состоянии заранее предусмотреть и описать [5, с. 863].

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Согласно ст. 8 УК РФ единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом. Поэтому для правильной квалификации необходимо установить все юридически значимые признаки совершенного деяния и правильно провести их сопоставление с признаками соответствующих составов преступлений.

Следует согласиться с мнением Петрова А. В. который полагает, что признаком преступления следует считать такое качество (свойство, черту, особенность) преступления, которое удовлетворяет следующим требованиям: а) вместе с другими признаками определяет общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния; б) выражает его отличие от других преступлений и правонарушений; в) прямо указано в законе или однозначно следует из него при толковании; г) не является производным от других признаков; д) присуще всем преступлениям этого вида [6, с. 52].

Законодательные основы использования результатов оперативно розыскной деятельности (далее — ОРД) в процессе доказывания закреплены в УПК РФ и в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] (далее — Закон № 144-ФЗ).

Согласно ч. 2 ст. 11 Закона № 144 — ФЗ результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Макаров А. В. и Фирсов О. В. отмечают, что уголовно-процессуальный закон в ст. 89 закрепляет возможность использования в доказывании результатов ОРД. Несмотря на то, что формулировка ст. 89 УПК РФ дана в форме запрета — «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом», из ее содержания следует вывод о возможности и необходимости использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам при условии соответствия их этим требованиям [8, с. 43].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Макаров, А. В., Фирсов О. В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Российский следователь. 2012. № 8. с. 42–45.
3. Антипов, В. П. Планирование расследования в проблемных ситуациях. М.: Юридическая литература, 1983. 115 с.; Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М.: МГУ, 1957. 199 с.; Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования. М.: Юридическая литература, 1972. 54 с.; Литвинов А. Н., Степанюк Р. Л. Прогнозирование и планирование в криминалистике. М., 2004. 160 с. и др.
4. Ароцкер, Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.
5. Картоев, И. М. Организационно-правовые вопросы установления пределов доказывания по делам об этнических преступлениях // Административное и муниципальное право. 2014. № 8. с. 860–865.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательства относительно процесса доказывания по уголовным делам требует реформирования в данной области. Планирования собирания доказательств по уголовному делу автору видится в следующем направлении:

1. Для установления события преступления определить круг лиц причастных к данному событию (допросить их), установить время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления (собрать доказательства, подтверждающие данные факты).

2. Установить лицо, совершившее преступление (доказать виновность лица в совершении преступления, определить форму его вины и мотивы, установить обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого).

3. Допросить (при необходимости установить) потерпевших по данному уголовному делу (установить характер и размер вреда, причиненного преступлением, доказать причинение вреда).

4. Рассмотреть обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; установить обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, и другие обстоятельства.

5. Определить все источники доказательств.

6. Спланировать дальнейшее собирание доказательств на основе выдвижения обоснованных версий с использованием полученной информации.

7. Установление и розыск вещественных доказательств, подлежащего конфискации имущества и т. д.

8. Установление следов, предметов, документов и иных объектов с целью отбора подлежащих судебно-экспертному исследованию.

9. Обеспечение процессуального исследования результатов применения средств, методов и приемов криминалистики с целью придания им статуса доказательств.

Подводя итог, следует отметить, что планирование собирания доказательств по уголовному делу и его законодательное закрепление приведет к положительной оценке результатов расследования преступления в целом.

6. Петров, А. В. Признаки преступления как элемент основания для возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 8. с. 51–55.
7. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Макаров, А. В., Фирсов О. В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Российский следователь. 2012. № 8. с. 42–45.

Цена как элемент договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ

Галкин Алексей Юрьевич, старший преподаватель
Ростовский институт защиты предпринимателя

Актуальность исследования договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее — договоры на выполнение НИОК и ТР) обусловлена стремлением нашего государства выйти на инновационный путь развития экономики [1, с. 236–237].

Рассматриваемые договоры выступают одними из основных «инструментов» для оформления правоотношений по выполнению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ [2, с. 8]. Поэтому роль данных договоров трудно переоценить [3, с. 13].

Настоящая статья посвящена цене как элементу договоров на выполнение НИОК и ТР.

Согласно ст. 769 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — ГК РФ) [4], по договору на выполнение НИР исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования. По договору на выполнение ОКР исполнитель обязуется разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него. По договору на выполнение ТР исполнитель обязуется разработать новую технологию. Заказчик по данным договорам обязуется принять работу и оплатить ее.

Договоры на выполнение НИОК и ТР, по своей правовой природе, являются возмездными договорами [5, с. 29].

Одной из главных обязанностей заказчика является оплата исполнителю выполненной по договору работы (результата работы) [6, с. 54].

Механизм договоров на выполнение НИОК и ТР можно проиллюстрировать следующей схемой:

- проведение научных исследований,
- разработка образца нового изделия, конструкторской документации на него,
- разработка новой технологии

Ценой договоров на выполнение НИОК и ТР является денежная оплата заказчиком исполнителю выполненной по договору работы и ее результата.

Согласно ст. 778 ГК РФ к цене договоров на выполнение НИОК и ТР применяются правила ст. 709 ГК РФ — «Цена работы» (§ 1 гл. 37 ГК РФ — «Общие положения о подряде»).

В юридической литературе, в отношении указанных отсылочных норм отмечается, что «подобная позиция законодателя не вполне логична. В целях экономии законодательного материала и устранения дублирования нарушен системный принцип особенной части обязательственного права. Ведь выполнению названных работ посвящен раздел гл. 38 ГК, не связанный структурно с гл. 37 о подряде» [7, с. 463].

В соответствии со ст. 709 ГК РФ, в договорах на выполнение НИОК и ТР указываются цена подлежащей выполнению работы или способы ее определения. При отсутствии в договоре таких указаний цена определяется в соответствии с п. 3 ст. 424 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) [8].

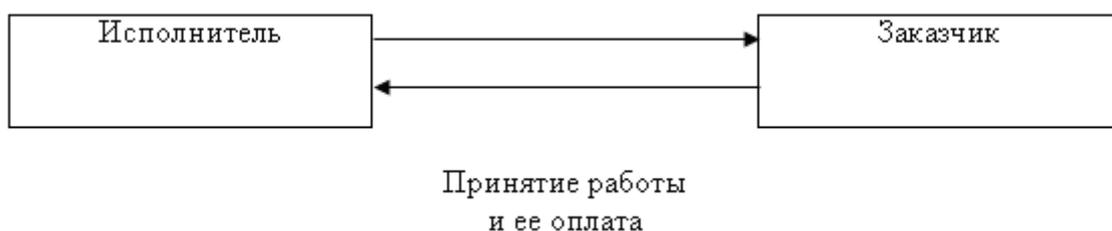

Рис. 1. Механизм договоров на выполнение НИОК и ТР

Согласно п. 3 ст. 424 ГК РФ в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные работы.

Цена в договорах на выполнение НИОК и ТР включает компенсацию издержек исполнителя и причитающееся ему вознаграждение.

Цена работы может быть определена путем составления сметы.

В случае, когда работа выполняется в соответствии со сметой, составленной исполнителем, смета приобретает силу и становится частью договора с момента подтверждения ее заказчиком.

Цена работы (смета) может быть приблизительной или твердой.

При отсутствии других указаний в договоре цена работы считается твердой.

Если возникла необходимость в проведении дополнительных работ и по этой причине в существенном превышении определенной приблизительно цены работы, исполнитель обязан своевременно предупредить об этом заказчика. Заказчик, не согласившийся на превышение указанной в договоре цены работы, вправе отказаться от договора. В этом случае исполнитель может требовать от заказчика уплаты ему цены за выполненную часть работы.

Исполнитель, своевременно не предупредивший заказчика о необходимости превышения указанной в договоре цены работы, обязан выполнить договор, сохраняя право на оплату работы по цене, определенной в договоре.

Исполнитель не вправе требовать увеличения твердой цены, а заказчик ее уменьшения, в том числе в случае, когда в момент заключения договора исключалась возможность предусмотреть полный объем подлежащих выполнению работ или необходимых для этого расходов.

При существенном возрастании стоимости материалов и оборудования, предоставленных исполнителем, а также оказываемых ему третьими лицами услуг, которые нельзя было предусмотреть при заключении договора, исполнитель имеет право требовать увеличения установленной цены, а при отказе заказчика выполнить

это требование — расторжения договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ.

Из перечисленного «следует допустимость включения в договор либо твердой, либо приблизительной цены, а также признание за исполнителем права при наличии соответствующих условий требовать увеличения цены работ» [9, с. 197].

Наряду с договорами на выполнение НИОК и ТР, имеют место государственные и муниципальные контракты.

Согласно ст. 34 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [10] при заключении государственного или муниципального контракта указывается, что цена контракта является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта. В контракт включается обязательное условие о порядке и сроках оплаты работы.

В разделе договоров на выполнение НИОК и ТР, посвященном цене работ и порядку оплаты, указывается соответственно цена работы. С начала указывается сумма цифрами, а затем, эта сумма в скобках расшифровывается прописью.

«Порядок расчетов избирается самими сторонами и может предусматривать единовременную оплату работ в установленный срок со дня подписания акта сдачи-приемки, оплату отдельных этапов работ, выплату аванса и т. д». [11, с. 424].

Обычно, как показывает практика, к договорам на выполнение НИОК и ТР прилагается протокол соглашения о договорной цене, подписанный сторонами договора. Исходя из этого, в разделе договора на выполнение НИОК и ТР, посвященном цене работ и порядку оплаты, делается ссылка на данный протокол, с указанием, что он является приложением к договору (указывается номер данного приложения) и является неотъемлемой частью договора.

В разделе договоров на выполнение НИОК и ТР о цене работ и порядку оплаты, указывается вид и размер налоговых вычетов, если таковые имеются.

Кроме того, в данном разделе также указывается, что включается в цену договора, наряду со стоимостью работ и налоговыми вычетами (если налоговые вычеты имеются), например, издержки, иные расходы и т.п.

В рассматриваемом разделе договора предусматривается порядок и сроки оплаты работ.

Рис. 2. Цена работы по договорам на выполнение НИОК и ТР

Если договором предусмотрен авансовый платеж, то такой договор должен содержать размер авансового платежа и сроки его оплаты.

Если договором предусматриваются отдельные этапы работы (промежуточные сроки) и предусмотрена оплата данных этапов, такой договор также должен содержать размер платежей за этапы выполненной работы и сроки их оплаты.

Приемка выполнения этапов работы по договору оформляется актами сдачи-приемки этапов выполненной работы, подписанными сторонами договора. Указанные акты являются основаниями для оплаты этапов выполненной работы по договору.

В разделе договора, посвященном цене работ и порядку оплаты, указывается порядок и сроки окончательного расчета за выполненную работу.

Приемка выполненной работы по договору оформляется актом сдачи-приемки выполненной работы, подпи-

санными сторонами договора. Указанный акт является основанием для оплаты выполненной работы по договору.

Поэтому, в рассматриваемом разделе договора указывается период, с момента принятия выполненной работы и подписания сторонами акта сдачи-приемки выполненной работы по договору, в течение которого заказчик производит оплату исполнителю.

В анализируемом разделе договора также предусматривается форма расчетов, например, путем перечисления денежных средств на расчетный счет исполнителя, указанный в договоре.

Ко всему прочему, в данном разделе договора может быть оговорено, что считается днем оплаты работ, например: день списания денежных средств с расчетного счета заказчика или день поступления денежных средств на расчетный счет исполнителя.

В рассматриваемом разделе договора могут предусматриваться и другие условия.

Литература:

1. Галкин, А. Ю. Особенности предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Креативность образовательной и предпринимательской деятельности / Материалы международного форума «Проблемы улучшения восприимчивости экономики инновационных преобразований» г. Ростов-на-Дону 23–27 апреля 2012 г. / Под ред. Паршина А. В., Харченко В. Н., Голуб Л. В. — Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2012. с. 236–242.
2. Галкин, А. Ю. Элементы договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). с. 8–9.
3. Галкин, А. Ю. Права и обязанности сторон по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). с. 13–15.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
5. Галкин, А. Ю. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Юрист-Правоведь. 2011. № 5 (48). с. 28–32.
6. Галкин, А. Ю. Понятия и правовая природа договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2014. № 3 (82). с. 53–55.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. — М.: Юрайт-Издат, 2005. 1045 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
9. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2005. 1055 с.
10. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.
11. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 848 с.

Социальное обеспечение ветеранов Великой Отечественной войны в РФ

Гусейнова Виктория Эдуардовна, студент

Научный руководитель Гусейнова Марина Фахрадиновна, преподаватель

Старорусский политехнический колледж (филиал) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

Приближающийся юбилей — 70-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов — является чрезвычайно важной и поистине знаменательной вехой для нашего государства. Прежде всего — это наша история, это память о беспримерном мужестве и героизме воинов, которые, не жалея сил и самой жизни, сражались за свободу.

Свидетелей Великой Отечественной войны, к сожалению, с каждым годом в России становится все меньше. В этот раз праздник Победы будут отмечать всего лишь 194,8 тысячи участников, 52 тысячи инвалидов и 161,5 тысячи бывших несовершеннолетних узников фашизма.

Всего же, по данным Пенсионного фонда, сегодня в нашей стране проживают более трех миллионов инвалидов, ветеранов Великой Отечественной войны и членов семей погибших или умерших ветеранов войны.

Социальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны — это одно из важных направлений государственной социальной политики Российской Федерации.

Участникам Великой Отечественной войны предоставляются льготы по пенсионному обеспечению [2]. Участники войны, инвалиды войны, родители и вдовы погибших военнослужащих, а также граждане, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда» имеют право на одновременное получение двух пенсий: страховой пенсии по старости и пенсии по государственному пенсионному обеспечению [4].

По данным Минтруда и социальной защиты населения, за уход на дому за инвалидами и гражданами старше 80 лет (в настоящее время таких граждан около трех миллионов человек) выплачивается компенсация [7].

Социальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны является одним из важных направлений социальной политики российского государства.

За последние несколько лет уровень доходов ветеранов существенно повышен. В текущем году значительно возросли размеры военных пенсий.

Ветераны ВОВ, в соответствии с Федеральным законодательством, относятся к федеральной льготной категории и имеют право на получение ежемесячной денежной выплаты (ЕДВ) и набора социальных услуг (НСУ). Граждане, которые предпочитают воспользоваться социальными услугами в натуральном виде, получают ЕДВ за вычетом стоимости размера социальных услуг (услуги) [1].

Важными в жизни ветеранов Великой Отечественной войны остаются вопросы совершенствования социаль-

ного обслуживания, социально-средовой реабилитации одиноких пожилых ветеранов, учреждения специальных домов для ветеранов, служб мобильной социальной помощи.

В целях формирования современной нормативной правовой базы социального обслуживания, повышения его уровня, качества, доступности, безопасности и эффективности был принят Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [3]. В законе отражены новые подходы к социальному обслуживанию граждан, они основаны на усилении адресности и индивидуальной нуждаемости, а также на развитии рынка социальных услуг.

В деятельности социальных служб стали более активно использоваться наиболее востребованные инновационные формы и технологии: помощь на дому, «социальное такси», «мобильные социальные бригады», «тревожная кнопка», «санаторий на дому», «хоспис на дому», «приемная семья» и другие.

Государственные органы субъектов РФ принимают активное участие в совершенствовании вопросов социальной защиты ветеранов.

В большинстве регионов приняты нормативные правовые акты, устанавливающие ветеранам Великой Отечественной войны дополнительные социальные услуги либо меры социальной поддержки в натуральной или денежной форме.

В частности, установлены меры социальной поддержки по проезду в городском общественном транспорте (в форме единого социального проездного билета, в натуральной форме или в виде ежемесячной выплаты).

В ряде регионов ветеранам войны за счет средств региональных бюджетов установлены дополнительные денежные выплаты. В регионах труженикам тыла установлены ежемесячные выплаты до 1693 руб., а также льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг, услуг связи, медицинскому обслуживанию, зубопротезированию.

Кроме того, регионами приняты решения по осуществлению ветеранам Великой Отечественной войны единовременных выплат в связи с 70 годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Помимо этого, активно оказывается помощь по социально-бытовому обслуживанию, ремонту жилья, санаторно-курортному лечению и реабилитации. При этом все большую популярность приобретает адресный подход в оказании социальной помощи с учетом потребностей и возможностей ветеранов.

Говоря о том, что уже сделано и что еще предстоит сделать, нужно обратить внимание на то, что за сухими цифрами статистики важно видеть конкретного живого человека, ветерана, окружить его вниманием не только

в преддверии этой знаменательной даты, но и в принципе стараться по возможности решать вопросы, за-

дачи, которые стоят перед этими пожилыми людьми, их семьями [6].

Литература:

1. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ ред. от 22.12.2014 «О ветеранах» // [Электронный ресурс] КонсультантПлюс — Режим доступа: СПС <http://base.consultant.ru/>
2. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ ред. От 21.07.2014 «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] КонсультантПлюс — Режим доступа: СПС <http://base.consultant.ru/>
3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] КонсультантПлюс — Режим доступа: СПС <http://base.consultant.ru/>
4. [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС <http://www.e-cis.info/page.php?id=24103>
5. [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС (<http://www.rg.ru/2014/05/08/veterani-site.html>)
6. [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС (<http://www.rg.ru/2014/05/08/veterani-site.html>)
7. Министерство труда и социальной защиты населения РФ // официальный сайт // [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС (<http://www.rosmintrud.ru/social/vetaran-defence/25>)

Отбор кандидатов в судьи — актуальная задача для государства

Досов Ж. Б., магистр;

Молдабеков Еркебулан Байгалиевич, магистр;

Урбисинова Н. Е., магистр

Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова (Казахстан)

Республика Казахстан — молодое государство, находящееся на пути своего становления и мирового признания.

Некоторые вопросы государственного устройства, несомненно, требуют совершенства и серьезных реформ. В том числе, на мой взгляд, созрели нужные изменения в судебной ветви власти.

В любой стране существуют различные юридические учреждения: органы дознания и расследования, прокуратура, нотариат, адвокатура и др. Особое место среди них занимает суд, являющийся носителем особой ветви государственной власти — судебной. [1]

Обновление судебно-правовой сферы и повышение конкурентоспособности нашей правовой системы во всех её базовых отраслях как публичного, так и частного права являются одними из главных задач Послания Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства».

Немаловажно отметить, что важнейшие направления развития национального судопроизводства определены и в Концепции правовой политики Республики Казахстан на 2010–2020 годы.

Еще 16 декабря 1996 года Глава государства Н. Назарбаев в своем выступлении по случаю 5-летия независимости Республики Казахстан отметил: «Справедливость в свободном независимом государстве с рыночной

экономикой — это прежде всего равенство всех перед законом. Извечные болезни молодых государств — коррупция, уголовный беспредел и бюрократический произвол — могут исказить смысл и содержание самых глубоких реформ. Именно здесь таится опасность массового неверия в справедливость реформ, именно это одна из главных задач конца столетия — создание реально работающих механизмов права». Сегодня можно констатировать, что правовой механизм в сфере правосудия развивается динамично и конструктивно. [2]

Судебная власть есть предоставленные специальным органам государства — судам — полномочия по разрешению отнесенных к их компетенции вопросов, возникающих при применении права, и реализация этих полномочий путем гражданского, уголовного, административного судопроизводства с соблюдением процессуальных форм, создающих гарантии законности и справедливости принимаемых судами решений. [3]

Существующая судебная система в Республике Казахстан, безусловно, нуждается в постоянном совершенствовании. В первую очередь развитие и модернизация необходимы в системе судейского образования, и, в частности, это касается отбора кандидатов в судьи всех судов Республики Казахстан.

Создание эффективной судебной системы, отвечающей потребностям современного общества, способной стоять на защите конституционных прав и свобод каж-

дого человека, является одной из приоритетных задач правовой политики государства, достижение которого во многом обеспечивается формированием профессионального кадрового состава судей.

В современном обществе требования к судьям должны быть весьма высокими, поскольку именно суды стоят на страже прав личности и демократических ценностей, и именно они защищают каждого человека от произвола и беззакония. А для этого нужен высокий профессионализм.

Стабильность в обществе, верховенство права, неуклонное соблюдение интересов общества и государства, защита прав и свобод казахстанцев является высочайшим смыслом служения народу судейского сообщества Казахстана.

Качественное комплектование судейского корпуса — проблема которая существовала всегда, но особенно актуальной она стала в настоящее время, когда в значительной степени изменились общественно-экономические отношения. В связи с этим перед нами стоит задача с максимальной объективностью выявлять лиц, способных осуществлять судебную деятельность.

В статье 29 Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» определены требования, предъявляемые к кандидату на должность судьи. В связи с тем, что в действующем законодательстве требования к кандидатам сформулированы в самом общем виде, Высший Судебный Совет, Верховный Суд, областные суды, представительные органы государственной власти не всегда располагают всей необходимой информацией при рассмотрении вопроса о назначении гражданина на должность судьи.

Для решения вопросов кадрового обеспечения судов необходим подбор граждан, пригодных для работы в должности судьи по профессиональным, индивидуально-психологическим и нравственным качествам. Специфика работы судей требует наличия у них необходимых кроме профессиональных качеств, запаса психологической прочности. [4]

Отметим, что с нынешнего года мы ввели в новой редакции Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный и Административный кодексы. Данные кодексы нацелены на существенное реформирование законодательства. К примеру одной из новелл в уголовном процессе является введение следственного судьи в суде первой инстанции к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве. И введение данной новеллы налагает на судей двойную ответственность. Безусловно, никто не может быть застрахован от ошибок, Но цена ошибок в работе судей слишком высока. И здесь важен профессионализм судейского корпуса, а это в свою очередь требует, прежде всего, модернизацию системы судейского образования.

Следует отметить что базовая подготовка кадров осуществляется на юридических факультетах университетов различного уровня.

Конституционный закон «О суде и статусе судей» предусматривает в числе квалификационных требований наличие высшего образования. В то же время после принятия этого закона система образования потерпела серьезные изменения, Казахстан перешел на трехуровневую систему высшего образования — бакалавриата, магистратуры и докторантуры (PhD).

В результате чего на должность судьи формально может претендовать человек, имеющий степень бакалавра юриспруденции. И здесь, на мой взгляд, нужны более высокие требования для кандидатов в судьи.

Мне видится, что необходимо уточнение квалификационных требований в части наличия степени магистра юриспруденции (магистра юридических наук). В связи с этим важна корректировка содержания магистерских программ, в которых необходимо предусмотреть не только углубленное знание законов, но и вопросов теории и практики принятия решений, более углубленные знания по социологии и психологии адаптированные под реальную деятельность судей и ввессти соответствующую специализацию.

Все специализированные магистерские программы должны иметь практическую направленность и скорее всего должны осуществляться на основе госзаказа.

Еще одним квалификационным требованием на которое следует обратить внимание является возраст. На сегодняшний день — это 25 лет.

Мне представляется, что сложно ожидать достаточного доверия со стороны общества даже к объективному решению, которое выносит 25–26-летний молодой человек. Так как доверие зависит не только от грамотности, но и оттого, кто выносит это решение.

Надо понимать, что бывают уникальные личности, зрелые не по возрасту, но квалификационные требования предъявляются к среднестатистическим претендентам. [5]

Полагаю что вопрос увеличения возрастного ценза с 25 до 30 лет поддерживают много профессионалов работающих в этой сфере.

Мы знаем, что главная роль в судебном заседании принадлежит судье. И поэтому к судье всегда предъявлены высокие требования, что связано с предоставленными ему полномочиями. Надо отметить, что работа судьи во многом носит исследовательский характер, поскольку связана с оценкой большого объема информации, с отбором необходимых фактов, оценкой доказательной базы, обобщением и анализом, выдвиганием гипотез, формулированием выводов, что не всегда может быть накоплено и достигнуто двухлетним стажем по юридической профессии для выполнения многокомпонентных функций судьи. Для решения этой задачи необходимо увеличить стаж по юридической профессии с двух на пять лет. Это обеспечит более профессиональное и зрелое видение правонарушения.

Далее, было бы немаловажным предусмотреть необходимость обязательного наличия у судей специализированных судов (военных, финансовых, экономических и других) дополнительного специального профессиональ-

ного образования. К примеру, судьи специализированных межрайонных экономических судов, уполномоченные рассматривать экономические споры, должны иметь дополнительное экономическое образование. Также судьи специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних должны иметь дополнительное педагогическое образование. Аналогичные требования к кандидату на должность судьи отражены в Республике Беларусь. Также в Республике Беларусь судьи военных судов и военной коллегии Верховного суда Республики Беларусь назначаются на должности из числа военнослужащих, имеющих воинские звания офицерского состава. Полагаем целесообразным применить данный опыт и в нашем законодательстве. Думаю, данное предложение позволит назначать на должности судей специализированных судов компетентных граждан имеющих не только знания законодательства и предметную теорию, но и жизненный опыт и профессиональную практику. Более того, времена, когда один судья мог с равным успехом разре-

шать уголовные, гражданские и административные дела, прошли. Знать все невозможно. [6]

Эффективная система отбора и назначения судей — это условие независимого правосудия и, как следствие, гарантия соблюдения прав в стране.

На прошедшем VI Съезде судей Республики Казахстан Глава государства отметил, что кадровая политика в системе правосудия пока не совершенна. Для разрешения вопросов, направленных на усовершенствование судебной системы, в нашей стране ведется постоянная и целенаправленная работа. При этом государством уделяется особое внимание также и законодательству зарубежных стран, чей опыт дает нам информацию для новых конструктивных решений, приемлемых нашей правовой и судебной системам.

Результаты проводимой работы по судебной независимости раскрывают перед нами новые перспективы в развитии судебной системы, и это безусловно положительно отразится в достижении поставленных целей.

Литература:

1. В. Чиркин. Конституционное право зарубежных стран. Москва 2010
2. Б. Бекназаров. Практика отбора судей Высшим Судебным Советом РК. //ЗАЦГЕР № 6, 2014.
3. Ерболатов, Е. Е. Судебная власть и принципы правосудия в РК. <http://pravo.zakon.kz/192288-sudebnaja-vlast-i-principy-pravosudija.html>
4. А. Куркбаев. Совершенствование отбора кандидатов в судьи областных и Верховного судов //ЗАЦГЕР № 6, 2014.
5. А. Байменов. Международные стандарты и опыт отбора судей. //ЗАЦГЕР № 6, 2014.
6. С. Акылбай. Совершенствование по отбору кандидатов в судьи — актуальная задача. //ЗАЦГЕР № 6, 2014.

Гуманизация уголовного законодательства

Екимов Алексей Александрович, студент

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

В статье исследуются вопросы современной уголовно-правовой политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства. Выделено понятие гуманизации уголовного законодательства и раскрыты его основные признаки, оценены некоторые изменения, вносимые в уголовный закон. Сделано предложение по изменению санкций в некоторых из статьях Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: гуманизация закона, гуманизация уголовного закона, понятие гуманизации УК РФ, признаки гуманизации, гуманизм в уголовном праве.

Криминальная защищенность прав и свобод человека и гражданина, а также законных интересов личности, общества и государства в первую очередь зависит от того, насколько эффективно используются нормы уголовного закона. Необходимым условием эффективного использования данных норм является отражение современных тенденций развития уголовного права в целом, и его конкретных институтов, в частности.

В современной уголовной политике направление по гуманизации уголовного законодательства является цен-

тральным. Такой вывод сделан на основании анализа ежегодных посланий Президента Российской Федерации, которые, исходя из содержания пункта «е» ст. 84 Конституции Российской Федерации, отражают положение в стране, и позволяют определить видение главой государства основных направлений внутренней и внешней политики.

Итак, в послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 года [1] впервые была поставлена задача по гуманизации уголов-

ного законодательства и системы исполнения наказаний. Постепенно эта задача переродилась в идею, и, начиная с 2002 года, в каждом ежегодном послании Президента РФ, так или иначе, затрагивается этот вопрос. Таким образом, можно утверждать, что использование этой идеи в послании стало доброй традицией.

С целью определения направления процесса внесения поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации, и, учитывая актуальность упомянутой тематики, необходимо произвести тщательное исследование данного понятия и определить его основные признаки.

Гуманизация — это распространение и утверждение в сфере общественной жизни идей, взглядов и убеждений, проникнутых гуманизмом [5]. Гуманизм — это признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений [2]. На основании данных определений понятий и анализа доктринальных положений уголовно-правовой науки возможно вывести понятие «гуманизация уголовного законодательства».

Гуманизация уголовного законодательства — это процесс изменения уголовного закона и практики его применения, осуществляемый с целью повышения степени криминальной безопасности человека, утверждения принципов равенства, справедливости, человечности, путем отказа государством от применения наказания в виде смертной казни, установления соразмерных опасности деяния санкций за совершение преступлений, декриминализации некоторых преступных деяний, где основным уголовно-охраняемым объектом не являются конституционные права граждан на жизнь, здоровье и личную свободу, расширения оснований для освобождения от уголовной ответственности, введения и применения наказаний, альтернативных лишению свободы.

В данном определении нуждаются в конкретизации следующие признаки:

1. Процесс изменения уголовного закона и практики его применения включает в себя все способы изменения нормативно-правовых актов: принятие новых нормативно-правовых актов, внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты и их отмену. Кроме того, важным критерием гуманизации считаем изменение направления правоприменительной практики. Важную роль в данном процессе имеет высшая судебная инстанция и руководство основных правоохранительных (Следственный комитет, органы прокуратуры, органы внутренних дел) и иных органов (например, Министерство юстиции и входящая в его состав Федеральная служба исполнения наказаний).

2. Признак повышения степени криминальной безопасности человека означает, что любые изменения уголовного законодательства должны осуществляться не только без ущерба для криминальной безопасности человека, но и в своей сущности повышать эту степень. Человек находится в центре гуманистических идей, его права и свободы

являются высшей ценностью и государство должно гарантировать защиту и соблюдение этих прав, в том числе, посредством использования уголовного закона. Поэтому, все изменения в уголовном законодательстве будут носить антигуманный характер, если будут подвержены криминализации деяния, которые были ранее обоснованно декриминализованы.

3. На наш взгляд, внесение в определение признака утверждения принципов равенства, справедливости, человечности в уголовном законодательстве уместно, так как эти принципы закреплены в ряде международно-правовых актов, в Конституции РФ и в Общей части Уголовного кодекса РФ в качестве идейных основ всех уголовно-правовых норм.

4. Отказ от наказания в виде смертной казни является не только критерием, но и необходимым условием для гуманизации. Кроме того, одним из критериев для оценки уровня развития государства считается обеспечение возможности на существование всех людей без исключения. Каждая личность является носителем человеческого многообразия. Развитое государство способно обеспечить либо надлежащую изоляцию лиц, которые по разным причинам неспособны к существованию в обществе, либо их исправление. Применение же смертной казни, напротив, — свидетельствует о признании государством своей слабости в части невозможности обеспечения изоляции или исправления лиц, которые подвергаются данному наказанию.

5. Признак установления соразмерных опасности деяния санкций за совершение преступлений заключается в том, что установленные в статьях Особенной части УК РФ санкции должны иметь логическую, социальную и юридическую обусловленность. Лицо, совершившее преступление, должно быть наказано справедливо, в том числе справедливость наказания свидетельствует о гуманистической направленности закона.

6. Признак декриминализации преступных деяний, не связанных с посягательством на личность означает, что государство не может допускать исключения в охране уголовно-охраняемых объектов, связанных с личностью. Такой подход основан на том, что проблема выбора способов защиты, восстановления принадлежащих каждому человеку от рождения прав и свободах не может решаться исключительно по воле законодателя [6, с.482]. Иначе говоря, государство не может решать вопросы освобождения от уголовной ответственности в одностороннем, императивном порядке, если речь идет о нарушении неотъемлемых конституционных прав человека, в частности, права на жизнь, здоровье, личную свободу. Однако, если деяния связаны с посягательством в том или ином виде на интересы государства, то в таком случае законодатель вправе безусловно декриминализовать деяния.

7. Суть освобождения от уголовной ответственности состоит в том, что государство прощает лицо, совершившее преступление, тем самым, оказывая ему доверие

и рассчитывая на его законопослушное поведение в будущем [4, с.72–73]. Именно поэтому, развитие и применение такого положительного института следует признать одним из признаков гуманизации уголовного законодательства. Кроме того, идея о том, что наказание не является «абсолютным оружием» [3, с.163] в борьбе с преступными явлениями носит гуманистический характер. Освобождение от уголовной ответственности дает возможность «побеждать» преступность «без боя с ней», то есть достигать целей наказания, не привлекая виновного к уголовной ответственности. Однако, применение этого института должно быть обусловлено позитивным посткриминальным поведением виновного.

8. Введение и применение наказаний, альтернативных лишению свободы со всей очевидностью является проявлением гуманизма. В некоторых иностранных государствах доля применения наказаний, альтернативных лишению свободы достигает 50% [7, с. 28–30]. Необходимо подчеркнуть очевидные преимущества этих видов наказаний: а) происходит «разгрузка» мест лишения свободы, что значительно экономит средства налогоплательщиков; б) данные виды наказаний (обязательные и исправительные работы) позволяют государству получать доход от деятельности осужденных, что так же приносит пользу обществу; в) цель по исправлению осужденного достигается более эффективно, нежели при применении реаль-

ного или же условного лишения свободы. Распространение практики

К сожалению, некоторые из поправок, вносимых в уголовное законодательство по линии его гуманизации, в действительности снижают степень криминальной безопасности человека. Примером таких поправок могут служить изменения уголовного закона, связанные с устранением нижних пределов санкций за ряд распространенных тяжких и особо тяжких преступлений против личности (ст. 111 УК РФ, — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, ст. 119 УК РФ, — угроза убийством и другие), преступлений против собственности (ст. 161 УК РФ грабёж, ст. 162 УК РФ разбой и другие) Учитывая нижний предел санкции, наказание, назначенное за тяжкие и особо тяжкие преступления, может быть меньшим, чем за преступления, не представляющие большой общественной опасности — например, побои или повреждение имущества по неосторожности. Таким образом, не все из называемых гуманизацией изменений в действительности ею являются.

Исходя из вышеизложенного, нуждаются в изменении санкции статей Особенной части УК РФ, где основным непосредственным объектом являются конституционные права граждан на жизнь, здоровье и личную свободу путем установления нижних пределов относительно определенных санкций.

Литература:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18.04.2002 // «Российская газета», № 71, 19.04.2002.
2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/111386> (дата обращения 04.04.2015).
3. Гальперин, И. М. Наказание: социальные функции, практика применения / И. М. Гальперин. — Москва: Юридическая литература, 1983. 208 с.
4. Ендольцева, А. В. // Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: Монография. — М: БНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 231 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.efremova.info/word/gumanizatsija.html#.VSASeBr56rZ> (дата обращения 04.04.2015).
6. Мальцев, В. В. «Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 692 с.
7. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М.: РОО «Центр содействие реформе уголовного правосудия», Penal Reform International, 2004. 90 с.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: новое в законодательстве

Жукова Юлия Владимировна, магистрант
Балтийский Федеральный университет имени И. Канта

В последнее время, в том числе в связи с активным участием страны в организации масштабных международных мероприятий, интенсивно развивается законодательство, касающееся изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Логичным этапом такого развития стала редакция Земельного

кодекса. В статье анализируются наиболее значимые, по мнению автора, изменения в законодательстве об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: Земельный кодекс, изменения в законодательстве, изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

1 апреля вступил в силу Федеральный закон от 31.12.2014 № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Указанный закон вносит изменения в Земельный и Гражданский кодексы в части, касающейся регламентирования процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд:

1) изменен перечень оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд;

2) в Земельный кодекс введена новая глава, регламентирующая порядок изъятия з/у для государственных и муниципальных нужд;

3) уточняются правила оценки земельных участков для расчета возмещения.

Нужно сказать, что первая версия указанного законопроекта внесена на рассмотрение в Государственную Думу еще в 2009 году, с тех пор текст законопроекта неоднократно существенно изменялся и подвергался критике, в том числе Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [1]. Однако, на наш взгляд, внесенные в Земельный кодекс изменения заслуживают не только критики. Законодателем сделан большой шаг в сторону упорядочения процедуры изъятия земельных участков и защиты прав собственников и пользователей земельных участков.

В новой редакции Земельного кодекса закрытого перечня оснований для изъятия земельных участков мы, по-прежнему, не увидим, однако важными по отношению к охране конституционных прав граждан на частную собственность являются изменения третьей части ст. 49 ЗК: если предыдущей редакцией допускались *иные* основания, установленные законами субъектов, то новая редакция допускает изменение перечня оснований только федеральными законами.

Федеральным законом № 499-ФЗ отменена ст. 55 ЗК «Условия и порядок изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд», вместо нее введена новая глава VII.1 «Порядок изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд».

Земельный кодекс теперь содержит исчерпывающий перечень органов, уполномоченных принимать решение об изъятии земельного участка. Однако новеллой в законодательстве является возможность организаций обратиться в органы, уполномоченные принимать решение об изъятии. То есть фактически инициировать изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд может негосударственная организация, причем перечень таких организаций устанавливается Правительством РФ.

Пока говорить однозначно об отрицательных/положительных характеристиках указанного нововведения довольно сложно. С одной стороны, как обозначено в пояснительной записке к законопроекту: «это устраняет посредничество государственных органов или органов местного самоуправления в оформлении сделок, оставляя за органами власти властно-распорядительные функции» [2], по мнению авторов Закона, такое положение властных органов противопоставляет их юридическим лицам, заинтересованным в изъятии земельных участков, что обеспечивает более взвешенное и объективное решение. При этом нельзя не согласиться и с мнением Совета по кодификации, что положение, при котором исключительной прерогативой власти остается только принятие решения об изъятии, способно повлечь нарушение гарантий изъятия именно для государственных и муниципальных нужд, а не в частных интересах [3]. Однако в современных условиях, когда строительство социально значимых объектов действительно часто происходит силами и средствами частных (с правовой точки зрения) лиц, указанное изменение предстает в исключительно положительном свете: представляется, что в соответствии с таким нововведением не только уменьшатся бюджетные траты, связанные с изъятием земельных участков, поскольку бремя выплаты возмещения возлагается на организацию — инициатора изъятия, но и избежит лишней бюрократизации сам процесс изъятия. К тому же контроль (принятие решения об изъятии) остается прерогативой государственных и муниципальных органов.

Несомненно положительной новеллой является введение в ЗК перечня обоснований для решения об изъятии з/у, которыми являются:

1) решение о создании или расширении особо охраняемой природной территории (в случае изъятия земельных участков для создания или расширения особо охраняемой природной территории);

2) международный договор Российской Федерации (в случае изъятия земельных участков для выполнения международного договора);

3) лицензия на пользование недрами (в случае изъятия земельных участков для проведения работ, связанных с использованием недрами, в том числе осуществляемых за счет средств недропользователя);

4) решение о признании многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (в случае изъятия земельного участка в связи с признанием расположенного на таком земельном участке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции).

Можно предположить, что введение перечня документов, являющихся основаниями для принятия решения об изъятии, может способствовать защите прав собственников и пользователей земельных участков, подлежащих изъятию.

Новый закон делает большой шаг вперед (что отмечается исследователями [4]), устанавливая правило принципиальной возможности изъятия только при соблюдении условия, что размещение объекта на конкретной территории должно быть предусмотрено утвержденными в соответствии с действующим законодательством документом территориального планирования и проектом планировки территории. В соответствии с градостроительным законодательством процедуры обсуждения и согласования документов территориального планирования и проектов планировки территории (публичные слушания) позволяют обсуждать все возможные варианты решения той или иной социальной задачи посредством размещения объектов федерального, регионального или местного значения и определять ту самую государственную нужду. Это условие становится гарантией участия граждан в определении необходимости строительства того или иного объекта на определенной территории. Таким образом, вопросы, связанные с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных нужд, начинают разрешаться еще на стадии согласования градостроительной документации (проектов планировки территории, генерального плана муниципального образования). С другой стороны, здесь появляется другая проблема — индифферентное отношение граждан к процедурам, предусмотренным Градостроительным кодексом РФ. К сожалению, организация публичных слушаний не может обеспечить действительное участие в них местного населения, всех заинтересованных граждан.

Литература:

1. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 304493–5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд» от 24 ноября 2014 г. N 136–6/2014 //СПС «Консультант плюс»
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты российской федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд»//СПС «Консультант плюс»
3. Экспертное заключение...
4. Поветкина, Е.Л. Изъятие имущества для публичных нужд: цивилистические устои и современные тенденции // «Закон», № 2, февраль 2014 г.

Также обновленный ЗК устанавливает особенности определения размера возмещения правообладателям земельных участков.

При определении размера возмещения в него включаются рыночная стоимость земельных участков, убытки, причиненные изъятием земельных участков, и упущенная выгода. ЗК устанавливает, что рыночная стоимость з/у определяется в соответствии с законом от 29 июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Важным нововведением, которое решает одну из проблем оценки стоимости земельного участка при расчете возмещения, является приравнивание нерыночных прав к их рыночному эквиваленту, так, в связи с изъятием стоимость права постоянного бессрочного пользования приравнивается к стоимости права аренды на установленный законом предельный (максимальный) срок, а в случае отсутствия такого срока — на сорок девять лет, право постоянного бессрочного пользования, принадлежащее гражданину, приравнивается к праву собственности, стоимость права безвозмездного пользования определяется как стоимость права аренды на соответствующий срок.

Итак, изменения ЗК в части изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд нельзя назвать совершенными и бесспорными: в частности закон, по-прежнему, не дает определения понятию «государственные и муниципальные нужды», которое объединяя основания для изъятия, могло бы стать гарантом соблюдения баланса частных и публичных интересов, как и не содержит исчерпывающего перечня оснований для изъятия. Однако установление на уровне федерального законодательства порядка изъятия земельных участков, на наш взгляд, позволит уйти от сложившейся практики создания отдельных федеральных законов под определенные ситуации изъятия.

Нетрадиционные способы получения необходимой информации для расследования преступлений: полиграф

Иващенко Майя Александровна, студент

Научный руководитель: Гареева Эльвира Рифовна, старший преподаватель
Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическая экспертиза, «детектор лжи», эксперт-полиграфолог.

При расследовании преступлений следственными органами используются как традиционные способы получения информации, так и нетрадиционные, для получения ориентирующей информации, среди которых можно выделить проведение психофизиологической экспертизы (ПФЭ) с использованием полиграфа, фиксирующего изменение психофизиологического состояния лица, подозреваемого в совершении преступления, в зависимости от воздействия словесных раздражителей. [4, С.390]

Полиграф или «детектор лжи» представляет собой аппаратный комплекс, служащий для объективной регистрации реакций допрашиваемого во время допроса на те или иные стимулы, путём присоединения к этому лицу датчиков, фиксирующих динамику давления крови, частоты пульса, глубины и частоты дыхания, кожно-гальванической реакции, степени мускульного напряжения (тремор), биотоков мозга и т.д.

Полиграф был создан в США в 1921 году и преимущественно применялся при ведении допроса в отношении подозреваемых в совершении преступлений лиц. В России использование полиграфа было легализовано весной 1993 г. и с этого момента в нашей стране официально мог использоваться полиграф.

Информация, полученная с использованием полиграфа не имеет доказательственного значения в суде, а является ориентирующей при расследовании преступлений. Согласно ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. [2] Исследования, полученные с использованием полиграфа не могут установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Нельзя доказать полученные данные или опровергнуть их, так как в основе проведения данной экспертизы лежит предположение.

Из судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам (Определение от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12): «Заключения по результатам проведённых психофизиологических экспертиз не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, и такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ». [11]

Согласно Конституции РФ, ч.2 ст. 47, у обвиняемого имеется право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. [1] Однако, в соответствии со ст.ст 334, 335 УПК РФ в ходе судебного разбирательства уголовного дела, присяжные разрешают только обстоятельства факта, поэтому присяжными «не могут быть исследованы доказательства, основанные на предположительном или вероятностном источнике их происхождения, поскольку данные, содержащиеся в таких доказательствах и с такими вероятностными признаками, способны вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого». [8, С.61] Этими данными, основанными на вероятности и предположении, являются данные, полученные с использованием полиграфа.

Таким образом, оглашать перед коллегией присяжных заседателей доказательства, полученные с использованием полиграфа, недопустимо, так как это может вызвать предубеждение у присяжных в отношении подсудимого.

Согласно ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ст. 8, эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. [3] Отсюда можно сделать вывод о том, что заключение полиграфолога не может быть использовано в качестве доказательства в суде и не является доказательством факта, потому что проверить достоверность полученных данных не представляется возможным: эксперт-полиграфолог работает с воспоминаниями подозреваемого, с его памятью и при составлении заключения, может сделать лишь вероятностный вывод о наличии или отсутствии в памяти испытуемого необходимой информации. Эксперт не может судить о причастности или непричастности подозреваемого к совершенному преступлению и не вправе написать, например: «В памяти испытуемого имеются воспоминания о том, что он стрелял в потерпевшего».

В экспертном заключении полиграфолог должен не только выявить реакции на те или иные вопросы, но и дать им экспертную оценку, описать эти реакции и пояснить, о чём они свидетельствуют. В заключении содержится информация следующего характера: «В памяти подэкспертного имеется информация о том, что...». и установленный процент вероятности (например: в 0,95 или 95%).

В памяти подэкспертного отсутствует информация о том, что...». и установленный процент вероятности (0,95%) или 95%. [7, С.87]. К заключению эксперта прикладываются графики, видеоматериалы, таблицы и схемы, подкрепляющие вывод эксперта.

По мнению М.А. Фомина, в основе опроса с применением полиграфа лежит предположение, что реакции, выявленные в ходе психофизиологического исследования, свидетельствуют о том, что подэкспертный располагает информацией о деталях случившегося. [8, С.64] Это лишь вопрос вероятности, так как эксперт-полиграфолог делает вывод, основываясь на данных полиграфа и на собственных наблюдениях. Однако, «детектор лжи» не способен читать мысли и, естественно, факт вины или невиновности он тоже не способен определить. Поэтому, эксперт не просто должен выявить реакции допрашиваемого на тот или иной вопрос, он должен изучить и выяснить, о чём эти реакции свидетельствуют.

Уровень результата зависит и от опыта эксперта-полиграфолога, который после тестирования должен проанализировать полученные данные. Для производства ПФЭ с применением полиграфа, эксперт-полиграфолог обязан пройти специальную подготовку, обладать глубокими познаниями в данной области и иметь соответствующую аттестацию. Эксперт должен обладать также необходимыми профессиональными навыками в области психологии, вербального и невербального общения, чтобы по жестам и мимике испытуемого сделать правильные выводы. Однако, на сегодняшний день большинство полиграфологов не обладает уровнем достаточных знаний, необходимых при проведении СПФЭ с использованием полиграфа.

Использованные методики должны быть проверены, а в нашей стране применение полиграфа находится на

стадии разработки, также нет нормативно-правовых актов, регулирующих применение полиграфа. В 2010 г. депутатом Государственной Думы Волковым А.Н. был внесён законопроект «О применении полиграфа». Однако, Совет Государственной Думы рассмотрев законопроект, вернул законопроект субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции Российской Федерации. [10]

В настоящее время существуют только разработанные методики по проведению СПФЭ с использованием полиграфа. МВД РФ в 2008 г. было разработано учебное пособие, в котором были собраны Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа. Данное пособие содержит требования к порядку проведения ПФИ, рекомендации, основные принципы и порядок проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа, а также деятельность эксперта-полиграфолога по решению поставленных перед ним служебных задач. В общем, существуют различные рекомендации, однако правового закрепления данная экспертиза не имеет.

Таким образом, изучив нормативную базу, мы выяснили, почему информация, полученная при использовании полиграфа, не может быть принята в качестве доказательства в суде, а является ориентирующей информацией. Быть может, когда в нашей стране этот метод будет более исследован и разработан, станет возможным использование полученной информации в суде в качестве доказательства по делу. Но, на данный момент, такого рода непроцессуальный способ получения необходимой для расследования информации позволяет решать важные задачи, направленные на достижение истины при раскрытии преступлений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Российская Газета» № 237, 25.12.1993.
2. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.11.2014) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // «Российская газета», N 106, 05.06.2001
4. Белкин [и др.]. Криминалистика: Учебник для вузов / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. — М.: НОРМА. 2001. — 990 с.
5. Мотлях, А.И. Инструментальная детекция и очередные шаги в механизме ее совершенствования / А.И. Мотлях // Вестник криминалистики. — 2013. — № 1. — с. 44–48
6. Орлов, Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Вестник криминалистики. 2012. № 4. с. 28–34.
7. Орлов, Ю.К., Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: проблема допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С.87–90
8. Фомин, М.А. Экспертиза с применением полиграфа как доказательство в суде присяжных // Уголовный процесс. 2014. № 8. С.59–65.
9. Холодный, Ю.И. Совершенствование методического обеспечения криминалистических исследований с применением полиграфа // юридическая психология. 2012. № 3. С.9–16.

10. Федеральное Собрание Российской Федерации. Официальный сайт Государственной Думы РФ // [сайт] URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/> (дата обращения: 25.03.2015 г.)
11. Официальный сайт ВС РФ. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // [сайт] URL: <http://ппвс.рф/2013/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-ri/2013.04.03-kassatsiya.html> (дата обращения: 25.03.2015 г.)

Особенности правового статуса города федерального значения Севастополь в Российской Федерации

Исаченко Павел Андреевич, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Тучкин Евгений Игоревич, магистрант
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Крымский кризис марта 2014 года привел к проведению в Республике Крым 16 марта 2014 года референдума о возможности присоединения к Российской Федерации. На основании результатов референдума и принятой Декларации о независимости, 17 марта 2014 в одностороннем порядке была провозглашена суверенная Республика Крым, в состав которой вошёл город Севастополь в качестве города с особым статусом.

Правовое регулирование процедуры вхождения в состав Российской Федерации новых субъектов федерации осуществляется нормами Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года N 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (далее — Закон) [3].

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона принятие в Российскую Федерацию нового субъекта — процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части.

В силу ст. 4 Закона принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным (межгосударственным) договором о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, заключенным Российской Федерацией с данным иностранным государством. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 марта 2014 года N 147 «О признании Республики Крым» по итогам волеизъявления народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 года, Республика Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, признана суверенным и независимым государством [7].

В последующем Федеральным Собранием Российской Федерации 21 марта 2014 г. были приняты Федеральный закон N 36-ФЗ «О ратификации Договора между Рос-

сийской Федерацией и Республикой Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» и Федеральный конституционный закон N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее — Закон о принятии). С этого момента Российская Федерация стала включать 85 субъектов [6].

Рассмотрим положения Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (далее — Договор), подписанного 18 марта 2014 года в городе Москве, и принятых в связи с ним вышеуказанных законодательных актов, регулирующих порядок вхождения новых субъектов в состав Российской Федерации.

Прежде всего, обращают на себя внимание положения Договора и названных законов о присвоении Севастополю статуса города федерального значения, поскольку согласно ч.4. ст. 4 Закона в случае принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства этому субъекту предоставляется статус республики, края, области, автономной области или автономного округа в соответствии с международным договором [5]. Таким образом, возникает вопрос о возможности принятия в состав Российской Федерации нового субъекта с присвоением ему статуса города федерального значения [3].

Еще одним вопросом, на который необходимо обратить внимание, является возможность принятия в состав Российской Федерации двух новых субъектов на основании одного международного договора. Так, из положений ст. 4 Закона следует, что принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части Республики Крым и города Севастополя, соответственно, осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства

(его части) в соответствии с международным договором, заключенным Российской Федерацией с данным иностранным государством. Из смысла указанного Закона следует, что каждый новый субъект Федерации должен быть принят по отдельному международному договору, заключенному между Российской Федерацией и иностранным государством.

Однако необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 марта 2014 г. N 147 «О признании Республики Крым» город Севастополь входит в состав Республики Крым, которая признается независимым государством, а, следовательно, заключения отдельного международного договора на принятие его как части иностранного государства не требуется [7].

В соответствии с положениями ст. 2 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в Российской Федерации был образован новый субъект — город федерального значения Севастополь. В связи с этим, возникает необходимость определения конституционно-правового статуса данного субъекта федерации.

Под конституционно-правовым статусом города федерального значения Российской Федерации понимается основанная на принципах федеративного государства совокупность предметов ведения, прав и обязанностей (или компетенций), ответственности субъекта Федерации, гарантий реальности его правового состояния, а также юридических признаков, определяющих правоспособность данного города как субъекта Российской Федерации [9, с.4].

Для выявления особенностей правового статуса города федерального значения Севастополь как субъекта Российской Федерации необходимо определить, каковы отличия конституционно-правового статуса городов федерального значения от иных субъектов Российской Федерации, а также те элементы, которые отличают статус города федерального значения Севастополь от статуса иных городов федерального значения — Москвы и Санкт-Петербурга.

Правовой статус таких субъектов Российской Федерации как края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа, в соответствии с ч. 2 ст. 66 Конституции Российской Федерации, определяется Конституцией Российской Федерации и уставом края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, принимаемым законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта Российской Федерации [1].

Конституция Российской Федерации определяет положение субъектов Российской Федерации как равноправное. Однако равноправие субъектов не означает их тождественность в государственно-правовом отношении, ввиду того, что на их статус существенное влияние оказывают нацио-

нальные, политические, экономические, культурные и иные условия. Таким образом, некоторые субъекты, например, города федерального значения, имеют существенные отличия своего конституционно-правового статуса от статуса других субъектов Российской Федерации.

Исключительное положение городов федерального значения обусловлено их историческим развитием, выполнением «столичных» функций, политической, экономической, правоохранительной и культурной значимостью [8, с.22].

Особенности конституционно-правового статуса городов федерального значения взаимообусловлены содержанием в них общих признаков, характерных для всех субъектов Российской Федерации и специальных признаков. К таким специальным признакам можно отнести следующие:

1. В соответствии с законодательством Российской Федерации на территории городов Москвы и Санкт-Петербурга находятся федеральные органы власти, что предполагает законодательную-регламентацию их взаимоотношений.

2. В соответствии с Законом Российской Федерации от 15.04.1993 N 4802-I «О статусе столицы Российской Федерации» город Москва является столицей Российской Федерации.

3. Города федерального значения являются административными центрами Московской и Ленинградской областей;

4. Ряд законодательных актов, например, Градостроительный кодекс, Бюджетный кодекс, предусматривают специальные нормы, регулирующие соответствующие общественные отношения в городах федерального значения;

Города федерального значения имеют свои особенности в организации местного самоуправления, связанные со спецификой, которая обусловлена их статусом — городского поселения, города федерального значения и субъекта Российской Федерации. Такие особенности установлены в ст. 79 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 N 131-ФЗ.

Необходимо обратить внимание на то, что Конституция Российской Федерации не выделяет вышеуказанные признаки в качестве критериев разграничения городов федерального значения и субъектов федерации иных видов. Исходя из анализа действующего законодательства, можно говорить о том, что единственный критерий такого разделения — указание на такой статус в ст. 65 Конституции Российской Федерации — формально-юридический критерий.

Однако наличие статуса города федерального значения является основанием для действия в таких субъектах федерации норм специального законодательства: отдельных положений градостроительного, бюджетного законодательства, законодательства, регулирующие вопросы организации и функционирования системы органов местного самоуправления.

Наделение города Севастополя статусом субъекта Российской Федерации в форме города федерального значения влечет распространение на определенные отношения действие норм вышеуказанного специального законодательства. Отличия его правового статуса от правового статуса иных субъектов Российской Федерации будет проявляться в тех же чертах, в которых выражаются отличия правового статуса всех субъектов федерации в виде городов федерального значения от правового статуса субъектов Российской Федерации в иных формах.

Главное отличие проявляется в сфере законодательства в области организации и функционирования системы органов местного самоуправления. Наличие таких отличий обусловлено соответствующими положениями Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Такие положения содержатся

в нормах ст. 79 данного закона. В целом, все эти особенности определяет общий признак — особая роль субъекта Российской Федерации в организации и функционировании системы местного самоуправления [4].

Необходимо отметить, что такие отличия в решении вопросов организации и функционирования системы местного самоуправления будут присутствовать и в городе федерального значения Севастополе.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время принципиальных отличий в правовом статусе города федерального значения Севастополь от правового статуса иных городов федерального значения в законодательстве не присутствует (за исключением норм, действующих в так называемый «переходный период»). Однако это не исключает возможности осуществления реформ законодательства, которые могут повлечь соответствующие изменения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. — N 31. — Ст. 4398.
2. О статусе столицы Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 21 апреля 1993 года N 4802-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 19. — Ст. 683.
3. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации [Текст]: Федеральный конституционный закон от 17 дек. 2001 года N 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4916.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ [Текст]: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
5. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [Текст]: Федеральный закон 21 марта 2014 года N 36-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 12. — Ст. 1202.
6. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Текст]: Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года N 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 12. — Ст. 1201.
7. О признании Республики Крым [Текст]: Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2014 года N 147 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 12. — Ст. 1259.
8. Добрынин, Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. — Новосибирск: Наука, 2003. — 468 с.
9. Изингер, А.В. Конституционно-правовой статус городов федерального значения в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.11) / Изингер Александр Викторович; Акад. упр. МВД РФ. — Москва, 2008. — 21 с.
10. Изингер, А.В. Конституционно-правовой статус городов федерального значения в Российской Федерации [Текст]: дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.11) / Изингер Александр Викторович; Акад. упр. МВД РФ. — Москва, 2008. — 210 с.
11. Ученые записки юридического факультета. Вып. 34 (44) / Под ред. А.А. Ливеровского. — СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2014. — 104 с.

Понятие и функции судебных органов

Ковальчук Анастасия Викторовна, магистрант

Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск)

В демократическом государстве существует три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Основной задачей судебной власти является реализация принципа справедливости в правоприменительной практике, ограждении прав и законных интересов физических и юридических лиц от произвола, который может быть допущен как со стороны других граждан, так и со стороны самого государства, его органов и должностных лиц. Кроме того, необходимо отметить, что судебная власть является средством «сдержек и противовесов» по отношению к законодательной и исполнительной властям, поскольку выступает своеобразным арбитром в спорах о праве и практике его применения.

Судебные органы (суд) — это специализированные государственные органы, осуществляющие судебную власть.

В науке существует мнение, что судебная власть и правосудие выражают одно и то же понятие. Например, утверждается, что судебная власть — это система органов, осуществляющих данную власть, а правосудие выступает содержанием судебной власти. Данная позиция нуждается в уточнении. Судебная власть как разновидность государственной власти, это прежде всего соответствующая деятельность государства, при этом государственные органы являются одним из элементов механизма государственной власти. В то же время, правосудие, выражая характеристику судебной власти, ее не исчерпывает. Судебная власть, кроме разрешения социально-правовых конфликтов, распространяется и на другие области жизнедеятельности общества.

Можно выделить несколько функций судебных органов:

- 1) осуществление правосудия;
- 2) разрешение применения отдельных мер процессуального принуждения и производства следственных действий;
- 3) проверка законности и обоснованности действий (бездействия) и решений прокурора, следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, дознавателя;
- 4) разрешение проведения отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий;
- 5) рассмотрение жалоб граждан на действия и решения, нарушающие их права и свободы;
- 6) официальное удостоверение фактов, имеющих юридическое значение;
- 7) принятие в определенных случаях решения об ограничении правосубъектности граждан;
- 8) толкование норм права.

Основной судебной функцией является отправление правосудия. В ходе данной деятельности исследуются

и разрешаются споры о праве, которые возникают между различными участниками общественной жизни. Кроме того, в процессе отправления правосудия решаются вопросы наказания виновных в совершении правонарушений, возложения на них определенных обременений и лишений, а так же восстановления нарушенного правового состояния.

К числу важнейших направлений деятельности судов общей юрисдикции относятся дача разрешений на применение мер уголовно-процессуального принуждения и производство отдельных следственных действий. Так, к компетенции суда относятся принятия следующих решений:

- 1) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога;
- 2) о продлении срока содержания под стражей или срока домашнего ареста;
- 3) о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы;
- 4) о возмещении имущественного вреда;
- 5) о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
- 6) о производстве обыска и (или) выемки в жилище;
- 7) о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи;
- 8) о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ;
- 9) о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;
- 10) о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи;
- 11) о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях;
- 12) о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ;
- 13) о реализации, об утилизации или уничтожении вещественных доказательств, указанных в подпункте «в» пункта 1, подпунктах «б», «в» пункта 2, пунктах 3, 6 и 7 части второй статьи 82 УПК РФ;
- 14) о контроле и записи телефонных и иных переговоров;

15) о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Кроме того, к компетенции суда так же относится рассмотрение жалоб на действия органов предварительного следствия. В соответствии со ст. 125 УПК РФ все постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, а так же иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования.

Жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора.

После рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

В случае принесения жалобы, производство обжалуемого действия (бездействия) и исполнение обжалуемого решения не приостанавливается, если это не найдено нужным сделать орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья.

Так же, предметом особого контроля суда являются законность и обоснованность производства в исключительных случаях следственных действий, на которые в обязательном порядке требуется судебное решение (пп. 4–9 и 11 ч.2 ст. 29 УПК РФ).

Законом предусмотрено, что в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска, выемки в жилище, личного обыска, а так же выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество не терпит отлагательства, перечисленные следственные действия производятся на основании постановления следователя без получения судебного решения. В данном случае следователь в течении 24 часов с момента начала производства следственного действия в обязательном порядке уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия (ч.5 ст. 165 УПК РФ).

Судья, после получения указанного выше уведомления, в срок не позднее 24 часов с момента поступления уведомления, проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В том случае, если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, будут признаны недопустимыми.

Федеральным законом от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена задача судом разрешений на проведение отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии с указанным выше законом, именно на суд возложено принятие окончательного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища. К указанным мероприятиям относятся контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, обследование жилых помещений. Основания и условия проведения указанных мероприятий урегулированы законом.

Судья, после рассмотрения материалов, предоставленных субъектом оперативно-розыскной деятельности, выносит постановление о разрешении проведения оперативно-розыскного мероприятия (в случае когда имеются необходимые основания и соблюдены обязательные условия для проведения), либо об отказе в проведении указанного мероприятия (в случае отсутствия оснований и условий для проведения).

Кроме того, на судебные органы возложено рассмотрение жалоб на действия (решения), нарушающие права и свободы граждан. Законом Российской Федерации от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» предусмотрено, что гражданин вправе обратиться в суд, если считает, что неправомерным действием (бездействием либо решением) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, организаций, предприятий, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы, созданы препятствия их осуществлению, на него возложены не предусмотренные законом обязанности, либо он незаконно привлечен к какой-либо ответственности.

Так, в суд могут быть обжалованы:

1) нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации в случаях нарушения ими прав и свобод граждан в конкретных ситуациях;

2) правоприменительные акты органов государственной власти, органов местного самоуправления, негосударственных организаций, должностных лиц, нарушающих конкретные права и свободы граждан;

3) фактические неправомерные действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, негосударственных организаций и должностных лиц;

4) бездействие органов государственной власти, органов местного самоуправления, негосударственных организаций и должностных лиц вопреки требованиям закона.

Основаниями для обжалования указанных выше актов и действий (бездействия) являются:

- 1) прямое нарушение права или свободы;
- 2) создание препятствий для осуществления права или свободы;
- 3) незаконное возложение обязанности либо установление запрета;
- 4) невыполнение (ненадлежащее выполнение) возложенной законом обязанности.

Суд, в результате рассмотрения, может признать обжалуемое действие (бездействие либо решение) незаконным и обязать соответствующие органы, должностные лица удовлетворить требования гражданина, а так же принять иные меры по восстановлению нарушенных прав и свобод. В случае признания обжалуемого действия (бездействия либо решения) законным суд отказывает гражданину в удовлетворении жалобы.

Официальному судебному установлению подлежат факты, возникающие в результате возникновения, изменения или прекращения личных, либо имущественных прав граждан и организаций. В соответствии со ст. 264 ГПК РФ к данным фактам относятся: родственные отношения, нахождение лица на иждивении, регистрация рождения, усыновления, брака, развода и смерти; состояния в фактически брачных отношениях, если регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния не может быть произведена вследствие смерти одного из супругов; принадлежности правоустанавливающих документов в определенных случаях; владения строением на праве собственности; несчастного случая; смерти лица при отказе органов загса в регистрации события смерти; принятия наследства и места открытия наследства; другие факты имеющие юридическое значение, если законодательством не предусмотрен иной порядок их установления.

Кроме того, судебной функцией является так же принятие в строго определенных законом случаях решений на

ограничение прав и свобод граждан. В данном случае речь идет о случаях, связанных со слабоумием человека, его душевным заболеванием, болезнью и т.д. Так, например, только суд может признать человека недееспособным вследствие психического расстройства, когда он не может принимать значение своих действий или руководить ими. Так же, в компетенцию суда входит ограничение дееспособности гражданина, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит в тяжелое материальное положение свою семью. По судебному решению осуществляется принудительная госпитализация лица, имеющего заболевание, представляющее опасность для окружающих или страдающего тяжелым психическим расстройством.

В исключительных, экстремальных ситуациях судами осуществляется толкование норм права. К данным случаям относятся возникновение пробелов, неясности в Конституции Российской Федерации и нормах права, что приводит к спорам прежде всего в правоприменительной практике.

Рассмотренные выше функции не вправе осуществлять никакая другая государственная или общественная организация. Только судебные органы наделены полномочиями вершить правосудие, рассматривать и разрешать гражданские, арбитражные, уголовные и иные дела, возникающие в связи с нарушением закона, а также решать иные вопросы, относящиеся к компетенции судебной власти.

Необходимо так же подчеркнуть исключительность принимаемых судами решений, которые обязательны для всех государственных органов, должностных лиц, общественных объединений, организаций всех форм собственности, граждан и подлежат исполнению в те сроки и в том объеме, которые были предписаны судом при вынесении решения. В случае неисполнения судебного решения, в действие вступает механизм государственного принуждения.

Литература:

1. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. — 4-е изд., испр. И доп. — М.: Спарк, 2002. — 400с.
2. Рыжаков, А.П. Правоохранительные органы: Учебник для вузов. — М.: Инфра, 2004. — 438 с.
3. Гуськова, А.П., Шамардин А.А. Правоохранительные органы (судоустройство): Учебник. — М.: ИГ «Юрист», 2005. — 321 с.
4. Черников, В.В. Правоохранительные органы: Учебник-М.: «Проспект», 2011. — 552с.
5. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет).
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет).
8. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 г. (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет).
9. Федеральный конституционный закон N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет).

10. Федеральный конституционный закон N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 07.02.2011 г. (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет)
11. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» N 144-ФЗ от 12.08.1995 г. (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет).
12. Закон РФ от 27.04.1993 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» N 4866-1 (с изменениями и дополнениями) // информационно-правовое обеспечение «Гарант» (интернет)

Система судебных органов Российской Федерации

Ковальчук Анастасия Викторовна, магистрант

Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск)

Основополагающим принципом правового демократического государства является соблюдение норм права гражданами, должностными лицами и органами государства, а также соотношение применяемых ими решений и действий с действующими нормами права. Задачи по предотвращению и разрешению возникающих правовых конфликтов, обеспечению законности и правопорядка выполняют специализированные органы государственной власти — суды, образующие в своей совокупности судебную систему государства.

Основываясь на вышеизложенном, можно сказать, что суд — это орган государственной власти, на который возлагается выполнение соответствующих функций судебной власти. Судебной системой Российской Федерации является система специализированных органов государственной власти (судов) осуществляющих правосудие на территории Российской Федерации.

Суд образуется в установленном государственном порядке, наделяется определенной компетенцией, государственно-властными полномочиями, материальными и организационными средствами, а также имеет свою структуру. Кадровым составом суда являются люди, состоящие на государственной гражданской службе, осуществляющие полномочия судебной власти на профессиональной основе.

Организационно-правовое положение судебной системы Российской Федерации определено следующими нормативно-правовыми актами: Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федеральным конституционным законом от 07.02.2011 № 1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

В Российской Федерации все суды подразделяются на федеральные суды и суды субъектов Российской Федерации.

Федеральные суды — это судебные органы созданные Российской Федерацией для осуществления функций судебной власти от имени Российской Федерации на соответствующей территории.

К федеральным судам относятся:

Конституционный Суд Российской Федерации;

Верховный Суд Российской Федерации;

Верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды;

Арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды.

К судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи.

Конституционные (уставные) суды выполняют судебный контроль за соответствием правовых актов субъектов Российской Федерации и уставами субъектов Российской Федерации.

Мировые судьи занимаются выполнением определенного объема судебной власти по уголовным, гражданским делам, делам об административных правонарушениях.

Суды в Российской Федерации являются независимыми, что является отличительной чертой организационно-правового положения. Каждый суд вершит правосудие и выполняет иные судебные функции в соответствии с законом и возложенной на него компетенцией.

В судебной системе выделяют звенья и инстанции.

Звенья судебной системы — это совокупность судов, обладающих однородными судебными полномочиями и занимающих одинаковое организационное место в судебной системе.

В Российской Федерации лежит трехзвенная структура в основе построения федеральной судебной системы.

Первичным звеном судов общей юрисдикции являются районные суды. Вторым звеном являются верховные суды республик, краевые и областные суды, суды автономной области и автономных округов, суды городов федерального значения. Третьим высшим звеном является Верховный суд Российской Федерации.

Систему арбитражных судов составляют арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды), арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды первой инстанции в республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных

округах (арбитражные суды субъектов Российской Федерации), специализированные арбитражные суды.

Систему военных судов составляют гарнизонные военные суды, окружные (флотские) военные суды, судебная коллегия Верховного суда Российской Федерации по делам военнослужащих.

Большинство судебных дел рассматривают суды первого звена, которые являются основными в судебной системе.

Нижестоящими судами являются суды, чьи решения могут быть проверены. Суды, в чью компетенцию входит проверка законности и обоснованности решений нижестоящих судов, являются вышестоящими (это суды второго и третьего звена).

Судебная инстанция — это суды, обладающие однородной процессуальной компетенцией.

Выделяют суды первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции.

Суд первой инстанции — это суд, выносящий первичное решение по судебному делу.

Апелляционная инстанция повторно рассматривает дело с учетом дополнительно представленных доводов и доказательств.

Суд кассационной инстанции проверяет законность и обоснованность не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции.

Суд надзорной инстанции проверяет законность и обоснованность вступивших в законную силу решений суда первой инстанции.

Необходимо отметить, что суды всех звеньев имеют право на пересмотр вынесенных ими судебных решений в случае новых или вновь открывшихся обстоятельств. К вновь открывшимся обстоятельствам относятся:

1) отмена приговора, определения, постановления суда или решения другого органа, послужившие основанием для данного судебного решения;

2) установление вступившим в законную силу приговором суда заведомой ложности показаний потерпевшего, свидетеля, заключения эксперта, заведомой неправомерности перевода, подложности процессуальных документов или вещественных доказательств, в результате чего был вынесен незаконный или необоснованный судебный акт;

3) установление вступившим в законную силу приговором суда преступных действий сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей или преступных действий судей, совершенных при рассмотрении данного дела.

Новым обстоятельством по делу является существенное обстоятельство, которое не могло быть известно заявителю или суду. Примером может послужить факт признания закона, применённого при рассмотрении дела, не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Каждый суд и звено судебной системы имеют свою подсудность и являются носителями и исполнителями судебной власти по определенному кругу вопросов на определенной территории.

Подсудность — это компетенция суда по осуществлению правосудия.

Подсудность разделяют на предметную, территориальную и субъектную (персональную).

Предметная подсудность заключается в наличии строго определенных законом полномочий по рассмотрению дел в первой инстанции у каждого звена судебной системы. В основе предметного разделения полномочий лежит сложность рассматриваемого дела, вид и характер правонарушения. Подсудность звеньев судов определена гражданско-процессуальным, административно-процессуальным, уголовного-процессуальным, арбитражно-процессуальным законодательством.

Под территориальной подсудностью понимается рассмотрение судами дел о правонарушениях, совершенных на определенной территории. Данный вид подсудности наиболее ярко проявился в уголовном судопроизводстве, поскольку уголовное дело подлежит рассмотрению судом первой инстанции, на территориальной юрисдикции которого совершено преступление. В гражданском судопроизводстве иск предъявляется по месту жительства ответчика, а иск к организации предъявляется по месту ее нахождения.

Кроме того, существует так же разграничение компетенций судов в зависимости от субъекта, в отношении которого рассматривается дело. Примером может послужить разграничение рассмотрения дел между военными судами и судами общей юрисдикции.

Образование и упразднение судов в Российской Федерации происходит только на основании актов высшей юридической силы — законов. При этом такие суды как Конституционный суд Российской Федерации, Верховный суд Российской Федерации созданы в соответствии с Конституцией Российской Федерации, и упразднены они могут быть только в результате внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Остальные федеральные суды создаются и упраздняются на основании федеральных законов. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации.

Также необходимо отметить, что в случае упразднения суда, те вопросы, которые были отнесены к его ведению, передаются в юрисдикцию другого суда.

Суды Российской Федерации являются юридическими лицами, которые имеют печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и своим наименованием.

Необходимо отметить, что важнейшим является тот факт, что каждый суд является необходимым компонентом судебной системы. В случае исключения какого-либо вида суда из судебной системы, либо невыполнение судом функции, изменится качественное состояние всей судебной системы в целом.

На сегодняшний день реформа по преобразованию и развитию судебной системы в Российской Федерации

продолжается и приносит свои положительные результаты. Так, например, после введения в судебную систему института мировых судей и передачи им части компетенции по рассмотрению уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях, значительно снизилась нагрузка на федеральные суды первой инстанции. Упразднение Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и создание судебной коллегии по экономическим спорам при Верховном суде Российской Федерации имеет своей целью унификацию судебной практики и выработку единых подходов в правоприменительной практике.

В настоящее время судебная реформа продолжает развиваться. Решается вопрос о введении ювенальных судов, в чью компетенцию будет входить рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних. Необходимость создания таких судов обусловлена спецификой работы именно с несовершеннолетними детьми.

Можно сказать, что результаты работы судебной системы напрямую влияют на политическую и экономическую жизнь общества, а суды были и остаются основным связующим звеном по обеспечению законности и правопорядка в государстве.

Литература:

1. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. — 4-е изд., испр. И доп. — М.: Спарк, 2002. — 400с.
2. Рыжаков, А.П. Правоохранительные органы: Учебник для вузов. — М.: Инфра, 2004. — 438 с.
3. Гуськова А. П., Шамардин А. А. Правоохранительные органы (судоустройство): Учебник. — М.: ИГ «Юрист», 2005. — 321 с.
4. Черников, В. В. Правоохранительные органы: Учебник-М.: «Проспект», 2011. — 552с.
5. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
8. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 г. (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
10. Федеральный конституционный закон N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
11. Федеральный конституционный закон N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 07.02.2011 г. (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
12. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
13. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru
14. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О Мировых судьях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // официальный интернет-портал www.pravo.gov.ru

Историческое развитие института районных (городских) судов в Российской Федерации

Ковальчук Анастасия Викторовна, магистрант

Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск)

Исторические аспекты нашего Российского государства, крайне интересны. Истоки образования судов, уходят своими корнями в древнюю Русь.

Единое Русское государство простиралось от Белого и Баренцева морей на севере до Чернигова, Путивля

и рязанских земель на юге; от берегов Финского залива и Смоленска на западе до Северного Урала и нижегородских земель на востоке.

Это была огромная страна, площадь которой достигала 2. 8 млн. кв. км. Народы, населявшие северный Урал

и Зауралье, издавна входили в состав Русского государства.

В Древнерусском государстве, представлявшем собой совокупность Киевского и местных феодальных княжеств, князья которых находились в вассальной зависимости от великого князя судебных органов как особых судебных учреждений не существовало. Судебные функции выполняли органы власти и управления в центре и на местах. Суд не был отделен от администрации. Судили князья, посадники, волостели, представители княжеской власти. Их помощниками были тиуны и многие другие вспомогательные лица.

Так, Русская правда упоминает мечника, метельщика, ябедника. Оформлялась и церковная юрисдикция. Церковь имела право судить. Зависимое население своих земель, судить духовенство по всем делам, а все население по определенным категориям дел (преступления против религии, семьи, нравственности). [1]

Во второй половине XIV в. — первой половине XVI в. во время образования русского централизованного государства и развития права, когда во главе государства стоял великий князь и с конца XV в. являлся главой государства, обладавшим большими правами в области законодательства, управления и суда и распространявший свою власть на всю территорию сложившейся единой Руси так же как и ранее, специальных судебных органов все еще не существовало.

Интересным фактом являлось то, что, «приговора», как принято в настоящее время называть решения судов, выносились князьями, либо местными чиновниками. До появления церковных судов на Руси, свои нарушенные права люди решали самостоятельно, так называемым «Правом кровной мести».

На Руси, в эпоху ее Крещения, действующее гражданское право не вышло еще за рамки обычного народного права, оно несравнимо было с филигранно разработанным римским правом, которое лежало в основе юридической жизни Византии, поэтому церковная иерархия, пришедшая к нам из Византии после Крещения Руси, получила в свою юрисдикцию много таких дел, которые в самой Византии были подсудны гражданским магистратам. Компетенция церковного суда в Древней Руси была необычайно обширна. По уставам князей св. Владимира и Ярослава, все отношения гражданской жизни, которые касались религии и нравственности, были отнесены к области суда церковного, епископского. Это могли быть дела, по византийским юридическим воззрениям, чисто гражданские. Уже в Византии брачные дела подлежали ведению по преимуществу церковного суда; на Руси Церковь получила в свое исключительное ведение все дела, связанные с супружескими союзами. Святительскому суду подлежали и дела, касающиеся взаимоотношений между родителями и детьми. Церковь своим авторитетом защищала как родительские права, так и неприкосновенность личных прав детей.

Дела по наследству тоже были подсудны Церкви. В первые века христианской истории Руси такие дела случались часто, поскольку весьма много было «невенчальных» — незаконных, с церковной точки зрения, браков.

Права детей от таких браков на отцовское наследство подлежали усмотрению церковных судов. Русская практика, в отличие от византийской, склонялась к признанию за детьми от таких браков прав на часть наследства. Все споры, которые возникали по поводу духовного завещания, тоже подлежали ведению церковных судов. Правовые нормы уставов св. Владимира и Ярослава сохраняли полную силу вплоть до Петровской реформы. В Стоглаве приводится полный текст церковного Устава св. Владимира как действующего закона.

В XVII веке церковная юрисдикция по гражданским делам расширилась в сравнении с более ранней эпохой. В «Выписке о делах, находившихся в патриаршем Разряде», сделанной для Большого Московского Собора 1667 г., перечислены такие гражданские дела, как:

- 1) споры по действительности духовных завещаний;
- 2) тяжбы о разделе наследства, оставленного без завещания;
- 3) о неустойках по брачным сговорам;
- 4) споры между женой и мужем о приданом;
- 5) споры о рождении детей от законного брака;
- 6) дела об усыновлениях и о праве наследования усыновленных;
- 7) дела о душеприказчиках, которые женились на вдовах умерших;
- 8) дела по челобитьям господ на беглых холопов, принявших постриг или женившихся на свободных. По этим делам все лица — и клирики, и миряне — на Руси были подсудны церковному, епископскому суду.

Говоря о судебной системе того времени, необходимо так же отразить тот факт, что с формированием самого права, формировалась и структура судебных учреждений. Епископский суд разбираал дела, связанные с преступлениями против общественной нравственности (блуд, изнасилование, противоестественные грехи), а также браки в запрещенных степенях родства, самовольный развод, жестокое обращение мужа с женой или родителей с детьми, неуважение детьми родительской власти.

Святительскому суду подлежали и некоторые случаи убийства; например, убийство в кругу семьи, изгнание плода, или когда жертвами смертоубийства были лица бесправные — изгои или рабы, а также личные обиды: оскорбление целомудрия женщины грязной бранью или клеветой, обвинение невинного в еретичестве или волшебстве.

Что касается духовенства, то оно в допетровскую эпоху по всем уголовным обвинениям, кроме «смертоубийства, разбоя и татьбы с поличным» отвечало перед святительскими судьями. Как пишет профессор А. С. Павлов, «в древнем русском праве заметно преобладание принципа, по которому юрисдикция Церкви определялась не

столько существом самых дел, сколько сословным характером лиц: лица духовные, как по преимуществу церковные, и судились у церковной иерархии». Но ведению церковной власти подлежали и все гражданские дела духовенства. Только архиереи могли рассматривать тяжбы, в которых обе стороны принадлежали духовенству. Если же одной из сторон был мирянин, то назначался суд «смесный» (смешанный). Бывали случаи, когда духовные лица сами искали суда у гражданских, то есть княжеских, а впоследствии царских судей.

В данный период времени, суд не был отделен от администрации и судебные функции исполняли великий князь, Боярская дума, дворцовые ведомства, приказы, наместники и волостели. Продолжал существовать церковный суд. По мере создания губных органов многие уголовные дела (о разбоях, убийствах) были переданы им. В судах действовали вспомогательные должностные лица, выполнявшие различные функции: вызов в суд, расследование преступлений, исполнение приговоров, взыскание судебных пошлин.

Более четко по сравнению с предыдущими периодами истории определились судебные инстанции. Высшие органы стали рассматривать жалобы на решения местных судов. [2]

Если рассматривать исторические данные, имеющиеся в рамках данного вопроса, то необходимо заметить, что районным судом в те времена признавался именно святительский суд, именно данный судебный орган рассматривал большинство дел. Однако сравнивая положения настоящего времени о районном суде, и то, что происходило тогда, нельзя натолкнуться на вопрос, о том, что являлось судом первой инстанции. Так как районный суд, в настоящее время — это именно суд первой инстанции, то вворачиваясь на многие тысячелетия назад, мы наблюдаем совершенно иную картину, а именно, что апелляционной инстанции в принципе не существовало, суд вынесший решение предполагал в своем приговоре наказание, которое исполнялось сиюминутно. При этом исполнителем приговора являлся сам же пострадавший. Говорить о правовой справедливости того времени не приходится потому как на лицо картина, суровых нравов. Такая судебная система предполагала только одну инстанцию и о существовании института обжалования судебных решений, тем более апелляции, не могло быть и речи. [3]

Ни «Русская правда» (XI в.), ни Псковская и Новгородская судные грамоты (XIV—XV в.в.) ничего не говорили о возможности обжалования постановлений суда. А Договор Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г. прямо закреплял недопустимость «пересуда» рассмотренного дела, вводя окончательное решение в суде первой инстанции (ст. 34 и ст. 18 указанного Соглашения). Иными словами, все имеющиеся суды в древней Руси, были судами первой инстанции, и только суды, образованные в определенной волости (город, местность) могли по нашему мнению приравняться к районным.

В 1547 г. был принят первый Судебник Русского централизованного государства, который основывался на предшествующем законодательстве — Русской Правде, устных грамотах, псковской судной грамоте.

В период сословно представительной монархии (середина XVI в. — середина XVII в.) так же как и ранее, специальных судебных органов не существовало. Суд не был отделен от администрации. В отличие от предыдущего периода более четко определялись юрисдикция некоторых учреждений (например, Земского, разбойного и Поместного приказов). Так, как решения местных органов можно было подавать жалобы в приказы, а лишь затем в Боярскую думу и царю.

Сохранялся и церковный суд, но юрисдикция его несколько изменилась. Продолжает существовать и вотчинная юстиция. Из многочисленных правовых документов данного периода имел Судебник 1550 г., в основе которого лежали нормы судебника 1547 г.

В период образования и развития абсолютной монархии (вторая половина XVII в. — XVIII в.) в результате проведения реформы органов управления произошла дальнейшая централизация государственного аппарата. Вместо большого количества приказов было создано несколько коллегий. Юстиц-коллегия являлась центральным учреждением, ведавшим судебной частью, на нее возлагались обязанности по организации местных судебных учреждений, назначению на судебные должности, надзору за судами. Юстиц-коллегия являлась апелляционной инстанцией в отношении губернских надзорных судов.

Особое место в истории отечественного судоустройства принадлежит надворным судам первой трети XVIII. Идея организации надворных судов возникла у руководства страны в 1718 году. Эта идея складывалась в русле намерения Петра I создать в России иерархию невиданных прежде специализированных судебных инстанций. За образец в данном случае, как известно, было избрано судоустройство Швеции.

Уже 8 января 1719 г. состоялся именным указом о создании надворных судов в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Казани, Курске, Нижнем Новгороде, Смоленске, Тобольске и Ярославле. От своего зарубежного прообраза российский гофгерихт номинально унаследовал:

- 1) Преимущественно апелляционный характер компетенции;
- 2) Всесословный характер юрисдикции;
- 3) Коллегиальное устройство;
- 4) Дислокация российских надворных судов не повторяла административно-территориальное деление страны.

Надворные суды обладали прерогативой утверждения приговоров по особо тяжким преступлениям, вынесенным нижестоящими судами и стал второй инстанцией — по отношению к взаимно не соподчиненным городским и провинциальным судам (после 1722 года — по отношению к губернским и провинциальным канцеляриям и судебным комиссарам). [4]

Д. О. Серов, опираясь на архивные материалы, выделяет следующие направления практической деятельности надворных судов:

- 1) рассмотрение уголовных и гражданских дел в качестве первой инстанции;
- 2) рассмотрение гражданских дел в качестве второй инстанции;
- 3) отмеченное выше утверждение приговоров по особо тяжким преступлениям, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями;
- 4) судебное управление нижестоящими судебными органами (образовывавшими своего рода судебный округ);
- 5) руководство местами содержания под стражей подсудимых;
- 6) руководство борьбой с профессиональной преступностью (разбоями);
- 7) осуществление судебно-исполнительной деятельности;
- 8) руководство органами нотариата.

Судебное управление нижестоящими судебными органами надворные суды осуществляли в форме указаний о повторном или об ускоренном рассмотрении дел, о переносе дел из производства одной подчиненной инстанции в другую, а также в форме регулярного истребования судебной отчетности.

Еще в 1769 г. был подготовлен законопроект «О судебных местах», в котором регламентировались начала судебного права «просвещенного абсолютизма».

Предполагалось установить несколько видов судов: духовный (по делам веры, закона и внутрицерковным делам); уголовный, гражданский, полицейский (по делам о благочинии); торговый (по купеческим и маклерским делам); военный: придворный (по уголовным делам придворных чинов); специальный (по таможенным делам).

Уголовные, гражданские и полицейские суды предполагалось создать по территориальному принципу — земские и городские.

В городах, кроме того, должны были создаваться цеховые суды.

Все суды входили в единую систему по трехзвенной подчиненности — уезд — провинция — губерния.

Именно в данный период и зародился прототип районного суда, им в то время был уездный суд. Суды земские и губернские являлись судами высшей инстанции.

20 ноября 1864 года Александром II были утверждены четыре законодательных акта, а именно:

- 1) Учреждение судебных установлений;
 - 2) Уставы гражданского судопроизводства;
 - 3) Устав уголовного судопроизводства;
 - 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.
- Учреждение судебных установлений;
- 5) Уставы гражданского судопроизводства;
 - 6) Устав уголовного судопроизводства;
 - 7) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Общепризнанным является тот факт, что судебная реформа 1864 года являлась наиболее демократичной и по-

следовательной из всех реформ 60–70-х годов XIX столетия. В результате утверждения указанных выше актов были провозглашены и реализованы следующие принципы судостроительства и судопроизводства:

- 1) Отделение суда от администрации;
- 2) Создание всеобщего суда;
- 3) Равенство всех граждан перед судом;
- 4) Несменяемость судей,
- 5) Гласность, устность, состязательность процесса,
- 6) Презумпция невиновности.

Закрепление указанных принципов на тот момент было существенным шагом вперед. Однако самодержавие не могло смириться с самостоятельностью судов, с гласностью судебного разбирательства и вскоре после опубликования Судебных Уставов 1864 года в России началась судебная контрреформа, результатом которой стало существенное ограничение провозглашенных принципов правосудия.

В результате проведения в России судебной реформы 1864 года было создано две системы судов: местные и общие суды. К местным судам относились мировые суды. Они рассматривали мелкие уголовные дела (проступки против общественного порядка, личные оскорбления и побои, мошенничества и кражи на сумму до 300 рублей), а также гражданские дела с ценой иска первоначально до 500 рублей, позднее — до 1500 рублей.

Второй (апелляционной) инстанцией для мировых судов являлся уездный съезд мировых судей, который включал в себя всех участковых и почетных мировых судей уезда. Приговоры съезда суда мировых судей считались окончательными. На них допускались лишь жалобы сторон и протесты товарища прокурора в кассационном порядке. Жалобы и протесты рассматривались уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената. [5] Как мы видим в данном историческом контексте, районными судами в данный период признавался уездный съезд.

Что касается системы общих судов, то ее в пореформенной России составляли окружные суды и судебные палаты. Окружным судам были подсудны для рассмотрения по первой инстанции все дела, неподсудные мировым судьям. Гражданские дела рассматривались в составе трех постоянных судей. Уголовные дела, в зависимости от характера дела, могли рассматриваться в двух составах: либо в составе трех судей, либо в составе судей окружного суда с участием присяжных заседателей (в этом составе рассматривались дела о тяжких преступлениях). Судьи окружных судов назначались царем по представлению министра юстиции. В качестве второй инстанции для окружных судов были учреждены судебные палаты. Они состояли из департаментов по гражданским и уголовным делам. Их председатели и члены также назначались царем по представлению министра юстиции.

Всего в начале XX века в России действовали 105 окружных судов и 14 судебных палат. Таким образом, одним из результатов проведения судебной реформы

1864 года стало создание стройной системы судебных органов и вполне ясной и логичной системы инстанционного деления.

Вступление России в XX век не внесло существенных изменений в систему ее судостроительства и судопроизводства, однако необходимо отметить, что она чутко реагировала на политические процессы, происходившие в обществе, и тем самым адекватно отражала конкретно-историческую обстановку.

Уже с конца XIX века начались крупные кодификационные работы с целью обновления устаревшего законодательства. В частности, разрабатывался проект Гражданского уложения. Проект нового Уголовного уложения был подготовлен, и в 1903 году утвержден Императором (правда, в действие введены были только главы о преступлениях государственных и против православной веры).

Что касается в целом судебной системы России в начале XX века, то она претерпела некоторые изменения. В соответствии с Указом Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» было предписано для обеспечения равенства перед судом лиц всех состояний, установить должное единство в устройстве судебной части империи. Фактически речь шла о проведении реформы местного суда и восстановлении в полном объеме института мировых судей, ликвидированного в 1889 году.

К весне 1906 г. был разработан проект реформы местного суда, являвшийся составной частью столыпинской реформы. Он предусматривал возрождение института мировых судей. Причем изменялся порядок их комплектования: если ранее (по Судебной реформе 1864 г.) судьи выбирались, то согласно проекту они могли назначаться Министерством юстиции. Законом от 15 июня 1912 г. институт мировых судей был восстановлен, их зависимость от Министерства юстиции возросла. Однако правительство не торопилось реализовать этот закон: до Первой мировой войны мировые судьи были введены лишь в 13 губерниях, а к 1917 году — в 20 губерниях, тогда как Россия насчитывала в то время 97 губерний и областей. [6]

Во время первой мировой войны правительственный аппарат перестраивался на военный лад, и это нашло отражение в воссоздании системы военно-полевых судов. Законом от 20 июля 1914 г. учреждались полковые и этапные, корпусные суды, военно-окружные и главный военный суд. Был изменен Военно-судебный устав, в частности его IV раздел, в котором говорилось о суде в военное время. В главе II «О судостроительстве» указывалось, что военно-судебная власть в районе театра военных действий принадлежит полковым, этапным, военно-окружным судам, главному военному суду или кассационному присутствию. [7]

События начала XX века — две революции, участие в Первой мировой войне — безусловно повлияли на систему судостроительства и судопроизводства России. Она была вынуждена подстраиваться под те катаклизмы, которые переживало сначала самодержавие, а потом и Вре-

менное правительство. Политическая нестабильность, отсутствие четких ориентиров и разноплановость интересов привели к тому, что Временное правительство не смогло удержать власть. После Октябрьской революции 1917 года большевистское правительство полностью разрушило правительственный аппарат, в том числе и судебную систему.

Специальными актами Советской власти вся старая судебная система была упразднена (исключение составляла просуществовавшая незначительное время мировая юстиция). 12 декабря 1917 г. было отменено прежнее деление Министерства юстиции на департаменты и создано шесть отделов Наркомата юстиции, который возглавила коллегия. [8]

Начался новый, советский, этап истории российского суда.

В рассматриваемый период судебная система РСФСР претерпела некоторые изменения.

В 1924–1925 гг. в Республике вводилось новое административное деление на основе экономического районирования. Вместо губернского, уездного и волостного деления в отдельных местах появилось краевое (областное), окружное и районное деление. Цель районирования — упрощение и удешевление государственного аппарата.

В 1938 г. в СССР был принят Закон о судостроительстве. Судебная система подверглась реорганизации. До принятия нового Закона (в 1958 г.) судебные органы подверглись различным изменениям. В данной статье раскрывается история этих изменений. Анализом советской судебной системы при Сталине занимались современники, в том числе принимавшие непосредственное участие в ее создании. Исследователи просто описывали систему советского судостроительства с перечислением элементов судебной системы без всякого анализа. [9]

Самую подробную и до сих пор непревзойденную работу по истории советского суда написал М. В. Кожевников. Первый вариант издания вышел в 1948 г. Второй вариант вышел в 1957 г. Во втором издании Кожевников осторожно рассказал о некоторых проблемах, существовавших в сталинской юстиции. Ученый подробно проанализировал эволюцию структуры советского суда и органов юстиции за 40 лет, проследил, как изменялась компетенция этих органов, внимательно изучил основные НПА. Работа Кожевникова еще долго будет служить настольным пособием для всех желающих описать историю советского суда. Кожевников указывал на трудности, с которыми сталкивались суды и органы судебного управления, кратко остановился на взаимоотношениях между отдельными органами юстиции. [10]

Эмигранты оценивали советское правосудие гораздо более негативно, чем зарубежные исследователи.

В 1938 г. П. Гарви проанализировал характер судебной реформы в СССР. По его словам, новый Закон о судостроительстве выглядел как шаг вперед в сравнении с Основами 1924 г. Но это ложь, утверждал автор. Не было никаких гарантий независимости суда. [11]

Своего рода итог истории советского судостроительства подвел А. С. Смыкалин. [12] В поздний советский период выходит много работ, посвященных истории республиканских судебных органов. Исследователи в первую очередь описывали структуру судебных органов. Но причины изменений не анализировали. [13] В настоящее время в трудах отдельных исследователей можно встретить описания экспериментов с судебной системой СССР в 30–50-е годы XX в. [14]

В последние десятилетия история судов стала привлекать к себе большое внимание историков и юристов. Выходит много публикаций по истории судебных органов отдельных областей и республик. Среди них можно отметить работу А. П. Абрамовского по истории Челябинского областного суда. Автор подробно описал структуру суда и его деятельность, провел тщательный анализ. Интерес представляет книга В. М. Вдовенкова о судебной власти в Хабаровском крае. Автор не только подробно проанализировал эволюцию структуры судебных органов, но и выявил специфику дальневосточной юстиции. Деятельность самарских (куйбышевских) судов подробно проанализирована в коллективной монографии, вышедшей в 2005 г. В 2004 г. вышла монография Л. Павловой о деятельности судов на Урале в советский и досоветский период. Фактически работа посвящена региональным судам, располагавшимся в разное время в Свердловске.

Фактически работа посвящена региональным судам, располагавшимся в разное время в Свердловске. Во многих работах по истории судов содержится информация по составам судов, выборам и т. д. Поскольку не все авторы использовали архивы, они допускали фактические ошибки. [15]

В августе 1938 г. Верховный Совет СССР принял долгожданный Закон о судостроительстве. В целом можно отметить высокий уровень демократичности этого акта. Существенные изменения затронули институт народного суда. Выборы судьи производились на три года гражданами района (ст. 22). При этом сохранялась участковая система народных судов. Существование специальных участков народных судей, действовавших в 20–30-е годы XX в., не предусматривалось. Суды второго звена формировались областными Советами депутатов трудящихся сроком на пять лет. Суды третьего и четвертого звена избирались Верховными Советами также на пять лет. Суды второго звена и Верховные Суды (далее — ВС) союзных республик больше не включали в свой состав президиумы и пленумы и состояли только из двух коллегий — по уголовным и по гражданским делам. Верховный Суд союзной республики провозглашался высшим судебным органом республики. ВС союзной республики больше не определяли судебную политику и не обладали административными полномочиями. Все их влияние сводилось только к пересмотру в кассационном или надзорном порядке конкретных дел поступивших из нижестоящих судов, а также в вынесении определений по судебным делам. В отличие от общих судов все судьи специальных судов отныне

должны были избираться Верховным Советом СССР на пять лет (ст. 54). В них не образовывались коллегии, и по смыслу закона они рассматривали только уголовные дела. Также в такие суды впервые вводились народные заседатели (ст. 55). Высший суд страны должен был состоять из пяти коллегий.

В судебной системе оставался единственный Пленум — в составе Верховного Суда СССР. Он включал председателя суда, его заместителей и отдельных судей ВС СССР. В работе Пленума участвовали прокурор СССР и нарком юстиции СССР (ст. 76). Заседания Пленума должны были проводиться не реже одного раза в два месяца (ст. 77). [16]

После принятия нового Закона о судостроительстве в СССР 1938 г. Наркомат юстиции СССР занялся перестройкой системы судов. 20 сентября 1938 г. на Политбюро был утвержден новый состав Верховного Суда СССР в составе 37 человек (на сессии Верховного Совета СССР в августе 1938 г. было избрано 45 судей). По новому Закону вне коллегий остались председатель ВС СССР — И. Т. Голяков и его заместители И. Т. Никитченко и А. П. Солодилов. Другой заместитель, В. В. Ульрих, по-прежнему возглавлял военную коллегия Верховного Суда СССР (всего 10 судей). Состав Судебной коллегии по уголовным делам (далее — СКУД) был определен в семь судей (председатель П. А. Камерон). Судебная коллегия по гражданским делам (далее — СКГД) состояла из четырех судей во главе с А. А. Романовой (единственный руководитель ВС СССР без воинского звания). Железнодорожную коллегия (далее — ЖК) возглавлял И. М. Зарянов (девять судей), воднотранспортную (далее — ВТК) — Б. И. Иевлев, а с 1939 г. — Н. А. Наумов (руководитель коллегии на 15 лет) (всего четверо судей).

Составы ВС союзных республик также согласовывались с управлением кадров ЦК, после чего утверждались на Верховных Советах республик. 29 июля 1939 г. вторая сессия Верховного Совета РСФСР I созыва избрала ВС РСФСР в количестве 75 человек. Вторая сессия Верховного Совета БССР в июле избрала ВС БССР в составе 24 судей и 50 народных заседателей. В 1939 г. на второй сессии Верховного Совета Казахской ССР был избран ВС КазССР в составе 25 судей и 43 народных заседателей. ВС союзных республик состояли только из двух коллегий и не имели президиумов и пленумов.

Облсполкомы (областные советы) и Верховные Советы автономных республик также формально избирали судей региональных судов. Например, 15 июля 1939 г. по постановлению Пленума Челябинского облсполкома (далее — ЧОИК) в состав Челябинского областного суда (далее — ЧОС) было зачислено четверо судей. 18 июля 1940 г. ЧОИК отозвал шесть судей из состава областного суда. Верховный Совет Каракалпакской АССР принял 3 августа 1939 г. закон об избрании ВС КК АССР. Суд должен был включать 50 членов и народных заседателей. Вскоре он был избран на сессии Совета республики.

25 декабря 1940 г. Политбюро ЦК приняло решение о проведении выборов краевых, областных и окружных судов в СССР. Они были проведены в феврале — марте 1941 г. Из старого состава 157 членов судов не попали в новый список. Также было избрано 13817 народных заседателей. Областные суды состояли только из двух коллегий и не имели президиумов. [17]

Приказ наркома юстиции СССР Н. М. Рычкова № 78 от 23.09.1938 года, оформил перестройку судебной системы. После ликвидации спецколлегий их члены вошли в СКУДы областных и верховных судов. Ликвидировались отделения верховных и областных судов при ИТЛ, их дела также поступали в СКУДы. Согласно п. 7 Приказа для обслуживания ИТЛ были организованы постоянные выездные сессии соответствующих судов. Фактически это было простое переименование лагерных отделений. Сессии сохранили свой аппарат и делопроизводство. Председатели областных судов не вмешивались в их деятельность. Сессии сохранились во всех крупных ЛАГах.

Например, при Дальлаге НКВД продолжала действовать постоянная сессия Хабаровского краевого суда (далее — ХКС) в Комсомольске-на-Амуре и Магадане. В Свердловской области действовали постоянные сессии по лагерным делам — Ивдельская и Североуральская. По сути дела, они в существенной степени оставались карманными судами ГУЛАГа. По настоянию Рычкова сессии постоянных судов постепенно закрывались в течение 1939—1941 гг.

Реализация Закона о судостроительстве находилась под особым контролем со стороны Комиссии советского контроля (далее — КСК) СССР. 15 декабря 1938 г. уполномоченные КСК по областям/республикам получили директиву от заместителя председателя КСК — Р. С. Землячки. Была организована новая тотальная проверка работы органов юстиции. В том числе рассматривались вопросы организации работы.

Постепенно число судов увеличивалось. Так, после разукрупнения Дальневосточного края в январе 1939 г. был ликвидирован Дальневосточный краевой суд. В Хабаровском крае кроме краевого суда остались областные суды. В Казахстане число областных судов возросло с 6 до 14. В Туркмении, Таджикистане и Киргизии в 1938 г. были введены окружные суды (в Туркмении с 1939 г. областные суды). Также система окружных судов была введена в прибалтийских республиках. Средний суд, например Свердловский областной суд, мог включать в себя 75 человек, в том числе 16 судей судебной коллегии по уголовным делам и 11 судей СКГД. [18]

В системе специальных судов в 1939 г. существовало 244 судебных органа. 34 линейных железнодорожных суда и 22 воднотранспортных суда подчинялись соответствующим коллегиям ВС СССР. 188 военных трибуналов подчинялись военной коллегии Верховного Суда СССР. Накануне войны число ВТ постоянно увеличивалось. Например, число ВТ войск НКВД выросло с 1939 по 1941 г. с 63 до 76. Система военных трибуналов войск

НКВД была привязана к административно-территориальному делению страны. Низовые военные трибуналы находились в областях или в малых союзных республиках.

Второе звено составляли ВТ округов. Кроме того, существовали отдельные трибуналы в наиболее крупных ЛАГах. В структуре военной коллегии Верховного Суда СССР сохранялось разделение на четыре отдела, в том числе 1-й Отдел судебного надзора, 2-й Отдел ВТ РККА, 3-й Отдел ВТ войск НКВД, 4-й Отдел ВТ ВМФ.

Военный трибунал РККА включали в себя ВТ гарнизонов, дивизий, корпусов, армий, округов, фронтов. Состав специальных судов должен был избирать Верховный Совет СССР на пять лет. Вскоре возник вопрос о создании 3—4 военных коллегий в составе ВС СССР и о выделении их из состава ВС СССР. [19]

В годы войны общегражданские судебные органы почти не претерпели существенных изменений. Сфера деятельности органов военной юстиции расширяется, гражданских судебных органов сокращается. Основные изменения затронули органы военной юстиции. Появляются военно-полевые суды, различные виды военных трибуналов и прокуратур. Многие общие суды прифронтовой полосы реорганизуются в военные трибуналы. Закрываются почти все постоянные сессии областных судов и на их основе создают военные трибуналы ИТЛ.

Так, постоянная сессия Хабаровского краевого суда была закрыта в Магадане в июле 1941 г. и в Комсомольске-на-Амуре в апреле 1943 г.

Транспортные суды и прокуратуры преобразуются в военные трибуналы и прокуратуры. Выборы народных судей и народных заседателей не проводились, их назначало управление наркомата юстиции союзной республики напрямую. В областных судах создают специальные части. Начальник части назначался председателем облсуда по согласованию с УНКГБ. Секретная часть вела секретное делопроизводство, обрабатывала секретную информацию, наблюдала за ходом передвижения секретных материалов, вела секретную переписку, проводила военно-мобилизационную работу, секретный архив. В годы войны расширяется сеть специальных участков народных судов, рассматривающих дела по трудовым преступлениям, хулиганству, хищениям собственности, по делам несовершеннолетних и т.д. Во исполнение постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. об усилении мер с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством были созданы специальные судебные участки народных судов по делам несовершеннолетних.

Согласно указам ПВС СССР в апреле—августе 1943 г. были организованы городские суды в Свердловске, Молотове, Челябинске, Новосибирске, Саратове, Куйбышеве, Горьком. В октябре 1944 г. их ликвидировали. [20]

После принятия Положения о военных трибуналах (1941 г.) начался непрерывный рост числа военных трибуналов, который продолжался до конца войны. 14 декабря 1941 г. ГКО преобразовала большинство линейных железнодорожных и водных судов в ВТ. ЖК реоргани-

зовано в Военно-железнодорожную коллегия (далее — ВЖК) 28 июля 1942 г. ВТК в Военно-воднотранспортную коллегия (далее — ВВТК). По Указу ПВС СССР от 15 апреля 1943 г. на железных дорогах вводится военное положение, а 9 мая 1943 г. на морском и речном транспорте. После этого все линейные суды стали военными трибуналами. Наиболее крупной оставалась Военная коллегия, которая по-прежнему включала в себя четыре отдела (по родам войск) и три отделения. По данным Ю. Стецовского, в начале войны в СССР было 298 военных трибуналов (766 судей). К 1 марта 1942 г. уже 1121 ВТ и 3735 судей. Число военных трибуналов войск НКВД в конце войны составило 152.

Всего в годы войны было сформировано 250 ВТ дивизий и укрепрайонов РККА (3000 судей). Численность военных трибуналов выросла к концу войны в пять раз.

Создавались новые виды трибуналов. 28 октября 1941 г. Московский городской суд был реорганизован в военный трибунал г. Москвы. В городских районах были организованы его секции (по три члена ВТ в каждой). С лета 1942 г. часть секций переименовали в районные военные трибуналы г. Москвы, подчиненные ВТ столицы. Три оставшиеся сессии рассматривали контрреволюционные преступления, хищения соцсобственности и бандитизм. ВТ г. Москвы был реорганизован в Московский городской суд в 1945 г. (все авторы по ошибке называют датой реорганизации 1943 г.).

В дальнейшем, по данным В. В. Обухова, военные трибуналы РККА были созданы в городах и областях. Их подсудность не была четко определена. [21]

В 1942 г. военные трибуналы включали: ВТ РККА, в том числе военные трибуналы дивизий, бригад, корпусов, дивизионов, районов авиабазирования, укрепрайонов, армий, городов, областей, авиации дальнего действия, групп; ВТ фронтов, округов, отдельных армий; военные трибуналы ВМФ, в том числе ВТ центральных учреждений и частей ВМФ, военно-морских баз, военно-морских гарнизонов, соединений морской пехоты, укрепленных районов, флотилий, флотов, ВВС ВМФ; военные трибуналы войск НКВД, в том числе ВТ областей/республик, округов, лагерей, дивизий, бригад, железных дорог, водных бассейнов, охраны тыла фронтов, охраны тыла армий, гарнизонов, Дальстроя, управлений строительства. Одновременно существовали военные прокуратуры фронтов, армий, соединений (корпусов, дивизий, бригад), войск НКВД по охране тыла фронта, железнодорожных войск, фронтов ПВО, авиации дальнего действия, военных округов, районов авиабазирования, учебных бригад, флотов, флотилий, военно-морских баз, морских оборонительных районов, секторов береговой обороны и т.д.

В марте 1943 г. военные трибуналы войск охраны тыла фронтов были расформированы. Но вскоре вновь восстановлены. По данным В. В. Обухова, в системе ВТ войск охраны тыла царил невообразимая путаница. Приказы по структуре военных трибуналов менялись ежеквар-

тально. По штатам 1944 г. военные трибуналы войск НКВД округов делились на литеры «А», «Б», «В», «Г». Штаты ВТ областей/республик — на литеры от «А» до «Ж». Составы судов колебались от 53 до 8 человек, от 17 до 2 судей.

Верховный Совет СССР вопреки Закону о судостроительстве не избирал судей военных трибуналов, кроме членов военной коллегии. 28 июля 1942 г. вышел Указ ПВС СССР о введении народных заседателей в ВТ, и временных членов просто переименовали в заседателей, а выдвигало их по-прежнему политуправление. С этого момента вместо трех постоянных членов в ВТ действовали судья и два заседателя. [22]

Реорганизация судебной системы после принятия Закона о судостроительстве СССР 1938 г. способствовала унификации органов юстиции. Была сформирована единая структура судов и ликвидированы многие специальные судебные органы (камеры народных судов, лагерные отделения, спецколлегии областных и верховных судов, «городские» суды). В годы войны стройность системы была нарушена. Вновь создаются многочисленные, разношерстные судебные органы (камеры, городские суды и т.д.). Возрастает роль военных судов. Органы юстиции в существенной степени милитаризируются.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны и переход к мирной жизни поставили перед органами юстиции страны новые задачи. Во-первых, прекратило свое действие законодательство, вызванное чрезвычайными условиями военного времени. Во-вторых, требовалась реорганизация судебной системы, особенно военных трибуналов, и в связи с этим ускорение процедуры рассмотрения в них уголовных дел. В-третьих, необходимо было поднимать на новый уровень систему юридического образования, поскольку в годы войны судьями в силу понятных причин работали в основном те, кто не подлежал призыву в армию, и поэтому вопрос профессионализма судебных кадров был вынужденно отодвинут на второй план.

Большое значение для судебной системы имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей».

Образование в указанных судах президиумов имело целью усилить роль этих судебных органов в осуществлении судебного надзора. Президиумы образовывались в составе председателя суда, заместителей председателя, двух членов суда и помимо судебного надзора выполняли и функции судебного управления.

С целью дальнейшего совершенствования судебной системы, устранения излишней централизации в руководстве работой судебных учреждений и органов юстиции 30 мая 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое признало необходимым упразднить Министерство юстиции СССР, воз-

ложив его функции в отношении руководства работой судебных учреждений и органов юстиции союзных республик на Министерства юстиции союзных республик.

Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил первое Положение о выборах народных судей 25 сентября 1948 г., второе — 29 октября 1951 г., третье — 4 октября 1954 г. В положениях отмечалось, что народные судьи избираются гражданами района сроком на три года на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании.

К подсудности народного суда, в частности, были отнесены дела о мелких хищениях государственного и общественного имущества, дела о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

В завершении данного параграфа, необходимо отметить тот факт, что вступая в современную Россию, судостроительство опять таки претерпело существенные изменения, в соответствии с Законом «О судостроительстве РСФСР» суды основного звена судов общей юрисдикции именовались районными или городскими народными судами.

На первый взгляд кажется, что из всех звеньев системы судов общей юрисдикции — районные суды в наи-

меньшей степени оказались затронуты судебной реформой. Они по-прежнему являлись «основным звеном» системы судов общей юрисдикции, доля рассматриваемых ими дел — более 90% от общего количества судебных дел — практически мало изменилась.

Авторами многих изданий высказывалось мнение, что «реформирование судов на уровне районного звена еще не началось». Произшедшие в конце 1990 г, и начале 2000 — х годов, изменения организации и компетенции районных судов — наиболее значимая часть судебной реформы, несмотря на то, что эти реформы не столь заметны на первый взгляд и не привлекали такого внимания общества, как создание судов присяжных в судах среднего звена или Кассационной коллегии в Верховном Суде РФ.

Наиболее важными законодательными новеллами последнего 1996–2005 гг. применительно к районным судам являются:

- изменение порядка наделения полномочиями судей районных судов;
- расширение круга дел, подсудных районным судам;
- практически полный отказ от коллегиальной формы судопроизводства в районных судах;
- наделение районных судов функциями вышестоящей судебной инстанции по отношению к мировым судьям.

Литература:

1. Абрамовский, А. П. Челябинский областной суд. 70 лет. Люди события, факты. Челябинск, 2004. С.16–97. [15];
2. Амирханян, Б. Х. Возникновение и развитие судебных органов Армянской ССР: Дис. ... канд.юрид.наук. Ереван, 1949.; Лякас А. Основные черты истории советского государства в Литве (1918–1958 гг.). [13];
3. Борисова, Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. — М.: Городец, 2002. — С.19. [3];
4. Вдовенков, В. М. Становление и развитие судебной власти на территорию Хабаровского края. Хабаровск, 2003. С.37–49. [18], С.49 [20];
5. Винокуров, А. К вопросу о новом положении о судостроительстве Союза ССР и союзных республик// СЗ. 1935 № 1. С 35–38. [9];
6. Власов, В. И. История судебной власти России. Кн.2 (1917–2003 гг.). М.,2004. [14];
7. Гарви, П. Судебная реформа // Социалистический вестник. 1938. № 15–16. с. 9–11. [11];
8. История государства и права России. Учебник /Под ред.Титова. — М.: Проспект, 2006. С.23 [1]; С.73 [2];
9. История советского государства и права Узбекистана: Т. 3 (1937–1958). Ташкент, 1968.С.44. [17];
10. Карев, Д. С., Голунский С. А. Судостроительство. Ашхабад, 1942. С.15; Кожевников М. В. Указ.соч. С.296–298. [19], С.26–33. [21][22];
11. Кожевников, М. В. История советского государства (1917–1947).М., 1948; Кожевников М. В. История советского государства (1917–1956).М.,1957, [10];
12. Курас, Т. Л. Российская судебная система: история и современность// Сибирский юридический вестник. — № 13. —2000. С.14. [5];
13. Серов, Д. О. Надворные суды в судебной системе России (1719–1722 гг.) // Журнал Российского права. № 12. —2004. [4];
14. Смыкалкин, А. Судебная система России в начале XX века // Российская юстиция. — № 12. —2001. С.29. [6];
15. Смыкалкин, А. Довоенный период развития советской судебной системы // Российская юстиция. — № 6. —2002. С.32. [8];
16. Смыкалкин, А. С. Советское судостроительство: источник, систематизация, литература // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР: Сб-к.науч.: трудов. Свердловск, 1986.С.10–21. [12];
17. Справочник народного судьи/ Под ред. В. О. Антонова-Саратовского. М.,1946. С.32–39. [16];
18. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие/ Под ред. Ю. П. Титова. — М.: Проспект, 2006. С.261. [7].

Юридикация как проблема правового регулирования

Котова Алёна Игоревна, студент;
Денисенко Владислав Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Воронежский государственный университет

Ключевые слова: юридикация, переизбыток права, правовое регулирование, аутопоэзис, косвенное правовое регулирование, бюрократизация, первичные нормы, вторичные нормы.

Государство все сильнее «пускает корни» в общественные отношения, стремится урегулировать как можно больше областей жизни своих граждан. Расширение поля правового регулирования — тенденция, присутствующая не только Российской Федерации, но и большинству развитых стран мира. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что обилие правовых актов в российской правовой системе затрудняет не только нормотворческую, но и правоприменительную деятельность, а в отечественной науке практически отсутствуют фундаментальные исследования природы юридикации.

В целях наиболее наглядного представления заявленной темы остановимся на следующих основных моментах:

Сам термин «юридикация» имеет немецкое происхождение. О. Кирххаймер первым предложил использование термина «*verrechtlichung*» (буквально — «легализация»), который позднее был переведен на английский язык как «*juridification*» («юридикация»). Важное значение имеет тот факт, что в российской правовой науке термин «юридикация» появился относительно недавно, а потому в научных кругах имеет место дискуссия относительно понятия и значения юридикации для общества и государства.

Юридикация общества — порождение государства благоденствия. Концепция государства благоденствия заключается в том, что попечение государства распространяется на все сферы жизни общества. Такое государство — даже больше, чем «ночной сторож» и даже партнер, оно — опекун, гарант, защитник, оценщик и контролёр [1, с. 16]. Если в классическом либерализме говорят о «невидимой руке» рынка, регулирующей экономические процессы, то в данном случае можно отметить, по словам Н. Бусовой, «видимую лапу» государства, которое вмешивается в рыночные процессы с тем, чтобы ограничить власть рынка [2, с. 53].

Особое внимание заслуживает точка зрения, согласно которой юридикацию можно рассматривать в широком смысле и в узком.

В широком смысле под юридикацией понимают действия государства по правовому регулированию общественных отношений, которые до этого не были легально упорядочены. Например, как отмечает Т. Я. Хабриева, на современном этапе в России юридикация охватывает как новые явления (генная инженерия, биотехнологии, социальные интернет-услуги и т.д.), так и давно суще-

ствующие, но не регулируемые правом семейные, жилищные и иные отношения [3, с. 7].

В науке резонно возникает вопрос о соотношении понятий «правовое регулирование» и «юридикация». Стоит обратить внимание на позицию В. Ю. Скоробогатова [4, с. 98]: правовое регулирование является более широким понятием, включающим в себя юридикацию. То есть любая сфера общественных отношений, которая в дальнейшем попала под правовое регулирование, изначально была юридифицирована. Как пример можно привести Англию, где долгое время сфера «ночной жизни» не регулировалась, но со временем клубная индустрия превратилась в целую отрасль экономики и впоследствии деятельность организаций, работающих в этой области, была лицензирована государством.

Юридикация может осуществляться как экстенсивным путём (расширение поля правового регулирования — экспансия), так и интенсивным путём (детализация действующего законодательства). Оба пути имеют большое значение в условиях современного быстро развивающегося мира, где ежемгновенно появляются новые отношения, новые связи, новые технологии. Стоит отметить появление в связи с юридикацией новых типов нормативно-правовых актов (например, административные регламенты в России).

В процессе юридикации появляются новые субъекты правоотношений, наделенные правами, обязанностями и несущие ответственность за свои действия (бездействие); определяются органы власти, уполномоченные на совершение определенных юридически значимых действий в регулируемой сфере; определяется процедура привлечения ответственности за нарушение установленных государством правил. Юридикация оказывает влияние и на характер коммуникации между гражданином и государством — появляется возможность обращения к правовой системе с запросом. Происходит постепенное увеличение доступа к правовым средствам с целью разрешения юридических споров.

Следует согласиться с мнением В. В. Денисенко [5, с. 57], отмечающего положительные стороны юридикации:

– Правовое регулирование позволяет реализовать государству свою социальную функцию — обеспечение социальной защищенности граждан и нормальные условия жизни для всех членов общества; предупреждение и преодоление различных социальных конфликтов. В рос-

сийской правовой системе данный аспект реализуется в соответствии со ст. 7 ч. 1 Конституции Российской Федерации [6], устанавливающей, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

– Расширение сферы действия права связано с обеспечением гарантий прав человека в современный период и увеличением свободы личности. Ю. Хабермас одной из главных тенденций развития современного права называет расширение сферы реализации конституционных принципов, которые постоянно привносятся в новые сферы общественных отношений. В соответствии с принципом равенства расширяется сфера защищаемых в судебном порядке интересов. Происходит признание основных прав: ребёнка перед родителями, жены перед мужем и т.д.

Юридикация в узком смысле — избыточное правовое регулирование. У юридикации в таком понимании есть большое количество нелицеприятных синонимов: «правовое загрязнение», «неконтролируемое размножение правовых норм», «ползучий легализм», «правовой взрыв», «наводнение норм», а также, по словам Ю. Хабермаса, «колонизация жизненного мира» [7, с. 356–373].

Юридикация в рассматриваемом узком смысле представляет собой перенапряжение правовой системы, причиной которого является дисбаланс между первичными и вторичными нормами. В правовой концепции Г. Л. А. Харта под первичными правилами понимаются правила, непосредственно регулирующие поведение людей («касаются действий, состоящих в физических движениях или изменениях» [8, с. 85–104]), а вторичные нормы оказываются в некотором роде паразитическими по отношению к первым, ибо они позволяют людям путем совершения определенных действий ввести новые правила первого типа, удалить или изменить старые или различными способами изменить сферу их применимости и установить контроль над их исполнением. По мнению Г. В. Мальцева, нормативная «инфляция» возникает в результате неудачного образования вторичных норм, просчетов законодателей, которые увлекаются излишней детализацией, игнорируют самоочевидность некоторых положений, не могут избежать соблазна наставлять, инстинктивно структурировать людей по всяким поводам вплоть до мелочей [9, с. 745].

Суть юридикации в узком понимании не сводится лишь к разрастанию права, но также к последствиям избытка права — его неэффективности либо разрушительной силе.

Примером неэффективности по Тойнберу служит ситуация с антитрестовским законом в Германии. Частые поправки делают невозможным доктринальный анализ закона, а юристы в такой ситуации не имеют ориентиров в применении закона, хотя бы в виде каких-то общих принципов. Как выразился один из критиков, такой плод

законотворчества представляет собой роман, а не действующий закон [10, с. 22].

В качестве примера разрушительного воздействия права на регулируемую сферу общественных отношений Н. Бусова [2, с. 54] приводит программы по оказанию социальной помощи. В этом случае право вторгается в «жизненный мир», привнося в него собственные критерии и образцы организации. Многообразие индивидуальной жизни подвергается «насильственному абстрагированию», что ведет к снижению активности людей в оказании взаимопомощи друг другу. Н. Бусова подчеркивает, что гражданам довольно сложно ориентироваться в запутанной системе законов, а потому они не только не могут воспользоваться своими правами, но и испытывают бессилие и страх перед этой системой.

В теории Н. Луманом и его сторонниками разработана концепция, объясняющая данные провалы в регулировании и способах их нейтрализации. Данная концепция носит название аутопоэсиса. Суть заключается в том, что в современном обществе право, экономика, политика и ряд других сфер жизни являются автономными друг от друга и кризис правового регулирования объясняется невозможностью в современном обществе регуляторами одной системы регулировать другие. Решение сложившейся ситуации последователь Н. Лумана Г. Тойнбер видит в косвенном правовом регулировании. Иллюстрировать данное явление можно на примере трудового права, которое лишь устанавливает параметры для принятия сторонами решений [5, с. 60].

Что касается ситуации в России, то Т. Я. Хабриевой отмечается излишняя раздробленность законодательного регулирования субъектов РФ. Так, в сфере образования некоторые субъекты РФ приняли по пять-шесть законов, но их содержание сводится в основном к нескольким небольшим по объему статьям, что не дает существенного эффекта в законодательном содействии социальному развитию. А современное развитие законодательства не сопровождается сокращением числа ведомственных актов. Например, в целях реализации Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» было отменено около 440 и вновь принято более 400 приказов Министерства образования и науки РФ [3, с. 10].

Следует признать справедливыми слова о том, что право не может взять на себя ответственность за всеобъемлющее регулирование жизни общества. Многие социальные отношения (семейные, нравственные, религиозные, творческие) в принципе не могут подвергаться правовой регламентации. Такие крайности, как детальная правовая регламентация всех сторон жизни граждан, не только не принесут никакой пользы, но и усложнят правоприменительную деятельность и излишне загрузят правовую систему. А. С. Пиголкин пишет о том, что нынешний бум законотворчества приводит к тому, что наряду с крупными основополагающими нормативными актами готовятся и принимаются сравнительно мелкие, по узким вопросам. Тенденция мелкотемья нормативных актов при-

водит к существенному «затовариванию» законодательного «хозяйства», его громоздкости, дублированию одних и тех же норм, расхождению, несогласованности и проблемам действующего регулирования в регионах [11, с. 89].

Борьба с «перепроизводством» нормативных актов, их укрупнение и объединение приобретают все более актуальное значение. Следует прислушаться к словам А. С. Пиголкина о том, что нужны единые по целям и содержанию крупные акты, входящие в качестве составных частей, блоков в единую, внутренне согласованную систему законодательства [11, с. 89]. Необходима оптимизация законодательного регулирования, которая бы способствовала устранению многих дефектов законодательства и приданию ему устойчивости. Снижения бюрократизации

(главной спутницы юридикации) можно добиться созданием специализированных центров, в которых по типу «одного окна» будет организован прием, оформление и выдача юридических документов, а также предоставление иных услуг. Так мы сможем минимизировать негативные проявления юридикации в современной России.

Итак, проблему юридикации необходимо рассматривать комплексно, учитывать внешние факторы, а именно то, как и в каких условиях она проводится. Сказать однозначно, является ли юридикация негативным явлением или нет, нельзя, так как она может рассматриваться не только как «переизбыток права», но и как расширение правового регулирования на новые сферы общественных отношений.

Литература:

1. Синченко, Г. Ч. Юридикация и перформативные презумпции позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России. — Омск: ОНИРИО Омской академии МВД России, 2010, № 2 (37). — с. 15–19.
2. Бусова, Н. Проблема кризиса правового регулирования в свете теории социальных систем Н. Лумана // Социология: теория, методы, маркетинг. — Киев, 2000. — № 01. — С. 52–61.
3. Хабриева, Т. Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. Москва: ИНФРА-М. V. 2. I. 8. С. 5–15.
4. Скоробогатов, В. Ю. Саморегулирование как свойство правовой системы: дис... кандидат. юрид. наук: 12.00.01 / Скоробогатов В. Ю.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования. — Москва, 2013. — 186 с.
5. Денисенко, В. В. Юридикация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2008. № 2. с. 56–62.
6. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.
7. Habermas, J. The Theory of Communicative Action. — Cambridge, 1987. — Vol.2. — P. 356–373.
8. Харт, Г. Л. А. Понятие права: пер. с англ. / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
9. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. — Москва: Норма: Инфра-М, 2011. — 800 с.
10. Teubner, G. (ed.). The Juridification of Social Spheres: A Comparative Analyse in the Areas of Labor, Corporate, Antitrust and Social Welfare Law. — Berlin, 1987.
11. Оформление проектов нормативных правовых актов (законодательная техника) // Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации: Научно-метод. пособие / Отв. ред. А. С. Пиголкин. М., 1998. с. 272.

Проблемы административной юрисдикции таможенных органов на современном этапе

Кургалимова Александра Юрьевна, магистрант
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

Действующие в стране органы исполнительной власти играют большую роль в формировании успешной экономической политики государства. Федеральная таможенная служба, являясь одним из таких органов, призвана осуществлять функции по выработке государственной по-

литике и нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в области таможенного дела, функции агента валютного контроля, функции по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, функции по проведению транспортного контроля в пунктах пропуска

через государственную границу РФ, а также санитарно-карантинного, карантинного фитосанитарного контроля и государственного ветеринарного надзора в части проведения проверки документов в специально оборудованных и предназначенных для этих целей пунктах пропуска через государственную границу РФ (специализированные пункты пропуска), функции по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов Российской Федерации, а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений [1].

В ст. 10 ФЗ «О таможенном регулировании в РФ» говорится, что система таможенных органов имеет свою особую специфическую структуру, которая включает в себя четыре звена и имеет иерархически строгую форму: федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области таможенного дела, региональные таможенные управления, таможни, таможенные посты. [2]

Юрисдикция — это установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности или неправомерности, применять юридические санкции к правонарушителям. [3]

Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов рассматривает и решает довольно обширный круг административно-правовых вопросов, тем самым являя собой особый вид административно-процессуальной деятельности. Содержанием ее, по сути, являются производство по делам об административных правонарушениях, производство по обращениям граждан и дисциплинарное производство.

Производство по делам об административных правонарушениях можно представить как совокупность осуществляемых уполномоченными субъектами на основе закона процессуальных действий, состоящих в возбуждении и разрешении дел об административных правонарушениях, а также исполнении вынесенных по ним постановлений о наложении административных взысканий.

Производство по жалобам в административной деятельности таможенных органов представляет собой совокупность норм права как материального, так и процессуального характера, реализуемых в рамках административно-юрисдикционного процесса и призванных защищать права и законные интересы физических, юридических лиц (участников внешнеэкономической деятельности), а также индивидуальных предпринимателей в таможенных правоотношениях. [4]

Дисциплинарное производство, осуществляемое таможенными органами Российской Федерации, представляет

собой регламентированную административно-процессуальными нормами и нормами таможенного законодательства деятельность уполномоченных должностных лиц таможенных органов Российской Федерации, направленную на применение дисциплинарных мер взыскания и воздействия. [5]

Обобщая все вышеизложенное, следует сказать, что административная юрисдикция таможенных органов является многогранной сферой деятельности таможенных органов. Она направлена на обеспечение соблюдения таможенного законодательства физическими и юридическими лицами при перемещении ими товаров и транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации.

Административная юрисдикция берет свое начало в процессе ежедневной административной деятельности субъектов таможенных органов. И, как любая деятельность, имеет ряд проблем. Так, помимо нормативных правовых актов федерального значения действует целый ряд ведомственных актов, которые регулируют административную юрисдикционную деятельность таможенных органов. Огромное их количество влияет на «качество», так как порой они вступают в противоречия между собой. Круг субъектов таможенных органов, занимающихся непосредственно и повседневно административной юрисдикцией, весьма обширен. Но организационно функционал данных субъектов четко не определен, и их задачи не отличаются последовательной процедурной регламентацией. Это, по сути, «отодвигает» на задний план юрисдикционную деятельность как таковую. Также проблемой является то, что источники правового регулирования таможенного администрирования имеют разноотраслевую принадлежность, так как детерминированы совокупностью норм конституционного, административного, финансового, гражданского и других отраслей права. Еще одной проблемой является дублирование функций административно-правового характера, а также тот факт, что исполнение контрольных, надзорных и квазисудебных функций требует высокого уровня внутриведомственной координации. На современном этапе в период формирования Таможенного союза и создания единой таможенной территории нормативные правовые акты, регулирующие в целом деятельность таможенных органов, и вопросы административной юрисдикции в частности, имеют переходный характер, так как должны быстро реагировать на изменяющиеся условия деятельности.

Большой массив проблемных вопросов требует оперативного решения, поэтому совершенствование административной юрисдикционной деятельности в настоящее время играет все более значимую роль в общей целенаправленности развития таможенных органов.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 16.09.2013 N 809 (ред. от 27.12.2014) «О Федеральной таможенной службе». Собрание законодательства РФ, 23.09.2013, № 38, ст. 4823.

2. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О таможенном регулировании в Российской Федерации»
3. Большой юридический словарь под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М. 2003. С.696
4. Шеметов, М. Н. Административно-правовое регулирование производства по жалобам в таможенных органах Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Шеметов Максим Николаевич; [Место защиты: Моск. гуманит. у-т]. — Москва, 2010. — 201 с.
5. Пономарева, Т.Л. Дисциплинарное производство в таможенных органах Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Пономарева Татьяна Леонидовна; [Место защиты: Юж. — Ур. гос. ун-т]. — Челябинск, 2011. — 200 с.

Практика применения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части

Михеев Александр Александрович, студент

Научный руководитель: Красовская Оксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части является специальным наказанием, применяемым исключительно к военнослужащим. В новом Уголовном кодексе РФ 1996 г. возрастает внимание законодателя к анализируемому виду наказания, так как его характеристика содержится не только в одной самостоятельной специальной норме (ст. 55 УК РФ), но имеется ещё 9 статей, в которых прямо упоминается содержание в дисциплинарной воинской части и в той или иной мере раскрываются общие вопросы его применения.

Данный вид уголовного наказания был известен и в советском уголовном праве. При изучении наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, можно выделить существенные изменения, которые претерпел данный институт, по сравнению с наказанием в виде направления военнослужащих, совершивших преступления, в дисциплинарный батальон, предусмотренным УК РСФСР 1960 г. К таким изменениям можно отнести:

- расширен круг лиц, которые могут быть подвергнуты этому наказанию, за счёт включения военнослужащих, проходящих службу по контракту;
- уменьшен срок лишения свободы, который может быть заменен содержанием в дисциплинарной воинской части, с трех до двух лет;
- сняты ограничения на применение этого вида наказания к лицам, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

Согласно статье 55 УК РФ содержание в дисциплинарной воинской части является реальной альтернативой лишению свободы и наказанием, обладающим определённой ценностью в свете проводимой государственной политики гуманизации уголовного законодательства. Однако на практике существует тенденция на уменьшение случаев назначения данного вида наказания. Причины этого различны. В частности, на практике определённые

трудности возникают у судов при назначении содержания в дисциплинарной воинской части в порядке замены лишения свободы в ситуации, когда военнослужащий осуждается по статье УК РФ, безальтернативная санкция которой имеет нижний предел строже двух лет лишения свободы. В подобных ситуациях представляется недопустимым назначение содержания в дисциплинарной воинской части на основании ст. 64 УК РФ в качестве более мягкого вида наказания [1, с. 185].

Однако, Красноярским гарнизонным военным судом был осуждён сержант О. за совершение преступления, предусмотренное ч. 3 ст. 286 УК РФ, санкция которой предусматривает только лишение свободы на срок от трех до десяти лет. Согласно приговору О., являясь должностным лицом и существенно превышая предоставленные ему должностные полномочия, применил насилие в отношении своего подчиненного, чем существенно нарушил его законные интересы. Усмотрев основания для применения ст. 64 УК РФ, суд определил О. наказание в виде лишения свободы на срок один год и шесть месяцев и только после этого, сославшись на ст. 55 УК РФ, заменил лишение свободы на содержание в дисциплинарной воинской части на тот же срок. Думается, что такой алгоритм назначения наказания, применительно к обсуждаемой ситуации, является приемлемым и максимально соответствующим законодательным требованиям, поскольку положения ч. 1 ст. 55 УК РФ не позволяют назначить содержание в дисциплинарной воинской части в порядке замены лишения свободы на срок свыше двух лет.

Так же суду следует правильно толковать ч.1 Ст. 55 УК РФ, в которой указано что рассматриваемый вид наказания применяется к военнослужащим проходящим военную службу по призыву, если они на момент вынесения приговора не отслужили установленный законом срок. Так, кассационная инстанция отменила приговор

военного суда гарнизона в отношении военнослужащего войсковой части 42651 Б., осужденного за превышение должностных полномочий по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК на 1 год 6 месяцев лишения свободы, с заменой этого наказания в соответствии со ст. 55 УК содержанием в дисциплинарной воинской части на тот же срок. Рассматривая данное дело по кассационному протесту прокурора, окружной суд указал, что согласно ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы для военнослужащих по призыву составляет 24 месяца. На день постановления приговора срок службы Б. составил 26 месяцев и 10 дней, т.е. он отслужил установленный законом срок службы по призыву. Следовательно, суд не вправе был применять в отношении осужденного ст. 55 УК, в которой прямо запрещено заменять данной категории осужденных лишение свободы содержанием в дисциплинарной воинской части [4]. В итоге Окружным военным судом дело было отправлено на новое рассмотрение.

Вместе с тем в практике суда встречаются случаи, когда назначение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части не допускается. Так Новосибирским гарнизонным военным судом допущена ошибка в назначении наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Согласно приговору, Лебедев был осужден по совокупности совершенных преступлений к лишению свободы сроком на 2 года, без штрафа. В соответствии со ст. 55 УК Российской Федерации лишение свободы Лебедеву заменено содержанием в дисциплинарной воинской части на тот же срок. Вместе с тем при назначении наказания судом не было учтено, что мать осужденного является инвалидом 2 группы и он в соответствии с пунктом 4 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» имеет право на досрочное увольнение с военной службы, а следовательно, к нему не могло быть применено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Западно-Сибирский окружной военный суд, рассмотрев дело по кассационной жалобе адвоката, приговор изменил, исключив ст. 55 УК Российской Федерации и применил в отношении него условное осуждение [5].

Некоторые ученые, например, О. В. Шарыкина, склоняются к мнению о необходимости ликвидировать в настоящее время «институт дисциплинарных воинских частей» [3, с. 69]. Она аргументирует свою позицию тем, что в настоящий момент из 23 имевшихся в Советский период дисциплинарных частей функционируют всего две — в Западном (пгт. Мулино) и Восточном (г. Чита) военных округах. Столь значительное сокращение и удаленность дисциплинарных частей от мест дислокации линейных войск могут привести к тому, что суды прекратят назначать наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части. С данным утверждением трудно согласиться, так как закрепление данного вида наказания предусматривает достижение государством не только общих целей наказания, но и специфических целей. При

анализе данного вида наказания, к таковым можно отнести: 1) сохранение в составе Вооруженных сил Российской Федерации тех осужденных, которые могут быть исправлены под воздействием на них специфических уголовно-правовых мер; 2) обучение в мирное время военному делу осужденных, которые в дальнейшем могут быть призваны для защиты Отечества.

Отрицательное отношение к такому наказанию существует не только в науке, но и у должностных лиц федеральных органов исполнительной власти. Так бывший Министр обороны РФ Сергей Иванов в 2006 году назвал дисциплинарные воинские части «анархизмом», от которого пора отказаться [2, с. 174]. С данным мнением трудно согласиться, так как проблема «анархизма» присуща не только наказанию виде содержания в дисциплинарной воинской части, но и другим видам наказания (например, издевательства над заключенными в местах лишения свободы). Поэтому данную проблему не решить тем, что исключить это наказание из системы. И Министерство обороны должно обеспечивать порядок в Вооруженных силах РФ, в том числе и в дисциплинарных воинских частях.

Отмена института «дисциплинарных воинских частей» оставит, к примеру, санкцию ч. 1 ст. 337 УК РФ без реально применяемого наказания. В санкциях семи норм Особенной части УК РФ не останется наказаний, которые могут применяться в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (ч. 1 и 3 ст. 332, ч. 1 и 2 ст. 336, ч. 1 ст. 339, 344, 349 УК РФ), поскольку в них будет предусмотрено только ограничение по военной службе.

В науке не только критикуется институт дисциплинарных воинских частей, но и существуют мнения о его положительных свойствах. Так Сивовым В. В. выделяются следующие положительные черты [1, с. 185]:

– во-первых, хотя оно и является наиболее строгим из всех специальных воинских видов наказаний и ограничивает свободу осужденного военнослужащего, вместе с тем, законодательная регламентация правового статуса осужденных строго выдержана в рамках требований, предъявляемых к прохождению военной службы. Осужденные остаются в сфере воинских правоотношений, на них распространяются уставы Вооруженных сил РФ, приказы и наставления, поэтому не возникает проблем с ресоциализацией лиц, возвратившихся из дисциплинарной воинской части после отбытия наказания к месту прохождения военной службы.

– во-вторых, по объему уголовно-правовых последствий, он предстает гораздо менее суровым в сравнении с наказанием в виде лишения свободы. Судимость в отношении лиц, осужденных к содержанию в дисциплинарной воинской части, как к наказанию более мягкому, чем лишение свободы, погашается по истечении одного года после его отбытия (осужденных к лишению свободы за преступления даже небольшой тяжести — по истечении трех лет), а она учитывается при рецидиве престу-

плений, как следствие — при определении вида режима исправительного учреждения, а также при назначении наказания.

— в-третьих, то обстоятельство, что за продолжительную историю своего существования это наказание неоднократно исключалось из системы наказаний, но впоследствии, видоизменяясь, всегда восстанавливалось в ней, свидетельствует о его действенности и способности успешно достигать цели, заявленные в ст. 43 УК РФ и в ст. 1 УИК РФ.

Литература:

1. Сивов, В. В. Проблемы назначения наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2. с. 184–187.
2. Степашин, В. М. Особенности назначения специальных наказаний военнослужащим. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 1 (26). С. 170–175.
3. Шарыкина, О. В. О ликвидации дисциплинарных воинских частей // Право в Вооруженных силах. 2007. № 6. с. 69–70.
4. Обзор судебной практики Военной коллегии Верховного Суда РФ «Обзор судебной работы гарнизонных военных судов за 2000 год» [Документ официально опубликован не был] Доступ из «Гарант» (дата обращения: 01.04.2015). СПС.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор судебной работы гарнизонных военных судов» «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2015). СПС.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что потенциал такого вида наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части, еще не реализован до конца. И исходя из принципа гуманизма, закрепление в УК РФ наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части служит средством реализации этого принципа. Поэтому необходимо на практике повышать эффективность данного вида наказания, так как он является более лояльным, по сравнению с лишением свободы, и способствует укреплению обороноспособности страны.

История становления института административных комиссий

Нестерова Алёна Алексеевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Появление института административных комиссий было определено новым этапом развития отечественной государственности — в период становления и укрепления советской власти. Административные комиссии при местных органах власти, но только не в современной их интерпретации, так как на тот период данные органы не назывались как административные комиссии, стали образовываться после того, когда государственные органы Советского государства были созданы на территории всей страны. Именно тогда и были приняты первые нормативные акты, регламентирующие их деятельность.

Самым первым был Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1922 г., который утвердил «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» (далее — Положение 1922 г.) [20]. В п. 1 Положения 1922 г. Губернские в Уездные Исполнительные Комитеты и Президиумы их имели право издавать для населения своего района в пределах своей компетенции, обязательные постановления по предметам управления и охранения порядка, а также в развитие действующих декретов и положений, со включением в эти постановления указаний на ответственность, налагаемую в администра-

тивном порядке за их несоблюдение. Административный порядок регламентировался п.п. 7 и 8 указанного постановления, согласно которых в случае нарушения обязательного постановления составлял протокол, который подписывался уполномоченным на его составление должностным лицом, равным образом нарушителем и свидетелем.

В 1925 году был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1925 г., который принял постановление «О порядке издания волостными и районными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении ими административных взысканий» (далее — Постановление) [26]. Согласно п. 8 данного акта наблюдение за исполнением населением обязательных постановлений возлагалось на милицию и сельские советы.

На основании ст. 15 декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1925 г. Народному Комиссариату Внутренних Дел совместно с Народным Комиссариатом Юстиции было поручено издать в двухнедельный срок инструкцию по применению настоящего Постановления. Однако спустя почти только год был принят Циркуляр Наркомюста РСФСР № 42, НКВД РСФСР № 70 от 26 февраля 1926 г. «О порядке издания волостными и рай-

онными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении ими административных взысканий» (далее — Циркуляр) [17].

Затем было утверждено в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Положение об издании исполнительными комитетами и городскими Советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» (далее — Положение 1926 г.) [25], которое по существу можно называть первой посылкой содержательного аспекта будущего Кодекса об административных правонарушениях РСФСР [15]. Согласно п. 21 данного Положения 1926 г., субъектами наложения административных взысканий в зависимости от вида местного Совета могли быть начальник областного (автономной области), губернского, окружного или уездного административного отдела или его заместитель; президиум городского Совета; начальник районного административного отделения или его заместитель — с утверждения районного исполнительного комитета. Членами таких органов могли быть, как правило, местные депутаты. С точки зрения некоторых современных исследователей, членство местных депутатов в таких органах, оценивается положительно [28, с. 21].

21 ноября 1927 года было принято постановление ВЦИК, СНК РСФСР, которое утвердило «Положение об издании волостными и районными исполнительными комитетами, городскими советами заштатных городов и сельскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» (далее — Положение 1927 г.) [23], в п. 13 которого было закреплено право в случае нарушения действующего обязательного постановления составлять протокол следующим субъектам: сотрудникам милиции; членами сельского совета; сельскими исполнителями; должностными лицами, которым это право предоставлено специальными узаконениями, как-то: должностными лицами санитарной, технической, торговой инспекций, пожарного надзора, инспекции труда, лесной стражи и т.п.

В современном понимании исследуемые нами органы государственной власти нашли свое прямое закрепление только лишь в 1931 году, когда постановлением ВЦИК, СНК РСФСР 30 марта было утверждено «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» (далее — Положение 1931 г.) [24]. Таким образом, самое главное, что имеет существенное значение для темы нашего исследования, является то, что в указанном Положении содержится и интересующая нас правовая норма. Так, согласно п. 23 указанного нормативного акта для рассмотрения дел по нарушениям обязательных постановлений и наложению за их нарушение административных взысканий образуются комиссии. В состав комиссий входят: начальник соответствующего управления милиции или его заместитель в качестве председателя и члены административ-

но-правовых секций советов или исполкомов, а где эти секции не образованы — члены соответствующих советов и исполкомов, в качестве членов комиссий. Вместе с тем подход законодателя, предусматривающий, что комиссии должны были возглавлять в общих случаях начальники милиций, свидетельствует о приоритете принудительного характера в деятельности такого рода комиссий.

В дальнейшем административные комиссии при исполкомах местных Советов депутатов трудящихся были предусмотрены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» [16]. Согласно положений абзаца 15 п. 13 данного указа штраф в качестве меры административного взыскания может налагаться комиссиями по борьбе с пьянством при исполнительных комитетах районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов — за нарушения, связанные с распитием спиртных напитков на производстве или пребыванием на работе в нетрезвом состоянии, и за нарушение правил торговли спиртными напитками. Таким образом, необходимо, на наш взгляд, констатировать, что этот акт имел существенное значение, поскольку явился исходным документом, на основании которого в дальнейшем определялся институт административных комиссий при местных Советах.

В 1961—1962 гг. указами Президиумов Верховных Советов союзных республик были утверждены специальные нормативные акты, регулирующие организацию и деятельность административных комиссий. В РСФСР таким актом стало Положение об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся и о порядке производства по делам об административных нарушениях, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. (далее — Указ) [22].

Анализируя данный нормативный акт, который существенно повлиял на формирование исследуемого института, следует отметить. Так, в частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что издание законов об административных комиссиях свидетельствовало об определенном повышении их статуса, поскольку административные комиссии были признаны основными органами, рассматривающими дела об административных проступках. Анализ законов об административных комиссиях при местных Советах депутатах трудящихся позволяет сделать ряд обобщений. Прежде всего, необходимо отметить, что административные комиссии входили в систему местных органов государственного управления. Они создавались при исполкомах районных (городских) Советов и были им подотчетны.

Главной задачей административных комиссий согласно ст. 2 Указа являлось «воспитание граждан в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, честного отношения к государственному и общественному долгу,

уважения прав, чести и достоинства граждан и соблюдения правил социалистического общежития». К лицу, совершившему административное нарушение, административные комиссии могли применять одно из следующих взысканий: а) предупреждение; б) штраф; в) иное взыскание, которое предусмотрено актом, устанавливающим ответственность за данный вид нарушения (ст. 4 Указа). Постановление административной комиссии о наложении административного взыскания могло быть отменено исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся, при котором состояла комиссия, что существенно отличает статус комиссий, функционирующих в настоящее время.

В дальнейшем в регулировании отдельных аспектов формирования и деятельности административных комиссий при местных Советах были внесены определенные коррективы, связанные среди прочего и с принятием новой Конституции СССР 1977 г. [14], которые нашли отражение в новом обобщающем законе — Кодексе об административных правонарушениях РСФСР от 20 июня 1984 г. [15].

В связи с введением в действие Кодекса РСФСР об административных правонарушениях 1984 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1982 года «Об изменении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов СССР об административных правонарушениях» [18] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. утратил силу в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 января 1986 г. [19].

В этом законе институт административных комиссий нашел достаточно подробное регулирование. Анализируя соответствующие нормы КоАП РСФСР, отметим, в частности, что в перечне органов (должностных лиц), уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (ст. 194), административные комиссии при исполнительных комитетах районных, городских, районных в городах, поселковых, сельских Советов народных депутатов были названы в первую очередь. Согласно положений абзаца 1 ст. 195 КоАП РСФСР административные комиссии при исполнительных комитетах районных, городских, районных в городах, поселковых, сельских Советов народных депутатов решают все дела об административных правонарушениях, за исключением отнесенных в соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях к компетенции иных органов (должностных лиц). Подведомственность административным комиссиям дел об административных правонарушениях была определена в ст. 199 КоАП РСФСР.

До 1991 г. административные комиссии, являясь коллегиальными органами, занимали ведущее место среди органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, затрагивающих различные сферы хозяйственной, социально-культурной и административно-политической деятельности. Однако

административная реформа, проводимая в нашей стране в период 1991—2001 гг., по своему отразилась на исследуемом нами институте. Сами комиссии собирались нерегулярно и довольно редко, а основная ее задача свелась к общей оценке работы [27]. Отсутствие должного внимания к административной реформе подтверждалось тем, что принимаемые в этот период нормативные правовые акты практически не регламентировали деятельность административных комиссий.

Принятый в 2001 году Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] в п. 4 ч. 2 ст. 22.1 закрепил, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, рассматриваются в пределах полномочий, установленных этими законами, административными комиссиями, иными коллегиальными органами, создаваемыми в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

В свете такого законодательного решения рядом субъектов РФ были приняты многочисленные нормативные акты [10]. Кроме того, например, только в г. Москве действуют Закон г. Москвы от 18.12.02 № 66 «О коллегиальных органах по рассмотрению дел об административных правонарушениях в г. Москве» [6], Положение об административной комиссии по рассмотрению правонарушений в сфере учета, регистрации и использования объектов нежилого фонда, утв. постановлением Правительства Москвы от 27.08.2002 № 699 [21], Положение об административной комиссии при Правительстве Москвы по делам об административных правонарушениях, утв. постановлением правительства Москвы от 06.05.2003 № 322 [11] и т.д. Упомянутые комиссии (коллегиальные органы) в основном являлись негосударственными (или полугосударственными) и рассматривали дела об административных правонарушениях коллегиально.

Статьей 1.3 КоАП РФ определены предметы ведения Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях.

Правовое регулирование вопросов установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации и нормативных правовых актов органов местного самоуправления отнесено подп. 39 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2] к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета). Пунктом шестым указанной статьи установлен запрет на передачу данного полномочия органам местного самоуправления. При этом необходимо учитывать, что законодательство об административных право-

нарушениях, которое согласно Конституции Российской Федерации находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, включает в себя не только нормы, устанавливающие административную ответственность за те или иные правонарушения, но и нормы, определяющие органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях. Положения ст. 14, 15, 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], в которых перечислены вопросы местного значения, также не наделяют органы местного самоуправления полномочиями по образованию органов административной юрисдикции. Часть 2 ст. 22.1 КоАП РФ, установившая перечень субъектов региональной административной юрисдикции, не содержит указания на допустимость рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, органами административной юрисдикции, созданными на основании нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Как нами уже было отмечено, в соответствии с ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ создание и деятельность административных комиссий и иных коллегиальных органов, уполномоченных рассматривать указанную выше категорию дел, должны регулироваться только законами субъектов Российской Федерации.

Таким образом, системное толкование действующего законодательства свидетельствует о том, что создание и функционирование административных комиссий неразрывно связано с осуществлением функций субъекта Российской Федерации по установлению административной ответственности. Поэтому субъект Российской Федерации не может по своему усмотрению наделять органы местного самоуправления полномочием на создание административной комиссии и иного коллегиального органа, имеющих право привлечения к административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Исходя из изложенного Пленум Верховного Суда Российской Федерации в подп. «е» п. 18 постановления от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [12] обратил внимание судов на необходимость при проверке компетенции органа, издавшего оспариваемый нормативный правовой акт, учитывать, что субъекты Российской Федерации не вправе передавать органам местного самоуправления государственные полномочия по образованию административных

комиссий в целях привлечения к административной ответственности. Ранее определением Верховного Суда РФ от 01 декабря 2004 г. № 89-Г04-13 [13] было признано правомерным решение об удовлетворении заявления прокурора Тюменской области о признании недействующим Закона Тюменской области «Об административных комиссиях в Тюменской области» [9], так как нормы административного законодательства могут применяться лишь уполномоченными на то законом органами государственной власти, к которым органы местного самоуправления не относятся.

Вместе с тем положения ст. 132 Конституции Российской Федерации [1] и ст. 19 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не исключают возможность наделения органов местного самоуправления на основании закона субъекта Российской Федерации государственными полномочиями субъекта Российской Федерации по организационному обеспечению деятельности административной комиссии и иного коллегиального органа, образованного законом субъекта Российской Федерации для рассмотрения определенных категорий дел об административных правонарушениях

Для разрешения указанных противоречий Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 380-ФЗ [5] глава 1 КоАП РФ была дополнена статьей 1.3.1. Согласно п. 5 ч. 1 указанной статьи к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях в настоящее время относится создание административных комиссий, иных коллегиальных органов в целях привлечения к административной ответственности, предусмотренной законами субъектов Российской Федерации.

Однако, несмотря на все указанные нами законодательные новеллы, и на то, что все же административные комиссии сохранены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. в качестве органов административной юрисдикции, их полномочия ограничены по сравнению с КоАП РСФСР. Теперь они вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных исключительно законами субъектов РФ и в пределах полномочий, установленных этими законами, но не КоАП РФ. Со вступлением в силу нового КоАП РФ указанные комиссии утратили свой статус основного звена в системе административной юрисдикции и лишились права рассматривать дела об административных правонарушениях федерального значения. Кроме того, и правовой статус комиссий не определяется в КоАП РФ, в отличие от КоАП РСФСР.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.): по сост. на 21 июля 2014 г. // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: по

- сост. на 04 ноября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: по сост. на 24 ноября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (часть I). — Ст. 1.
 4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ: по сост. на 22 октября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
 5. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 380-ФЗ: по сост. на 14 октября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 1. — Ст. 1.
 6. О коллегиальных органах по рассмотрению дел об административных правонарушениях в городе Москве: закон г. Москвы от 18 декабря 2002 г. № 66: по сост. на 13 июля 2005 г. // Ведомости Московской городской Думы. — 2003. — № 2. — Ст. 342.
 7. О создании административной комиссии и утверждении Положения об административной комиссии городского округа Химки Московской области: постановление главы городского округа Химки МО от 18 октября 2007 г. № 1594 // Химкинские новости. — 2007. — № 79.
 8. Об административных комиссиях в Тюменской области: закон Тюменской области от 28 декабря 2004 г. № 322: по сост. на 11 октября 2013 г. // Вестник Тюменской областной Думы. — 2004. — № 15. — Ч. 1. и др.
 9. Об административных комиссиях в Тюменской области: закон Тюменской области от 7 октября 2002 г. № 71: по сост. на 26 декабря 2012 г. // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 05.11.2014). (утратил силу)
 10. Об административных комиссиях Санкт-Петербурга: принят ЗС СПб 07 апреля 2004 г.: по сост. на 31 мая 2010 г. // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. — 2004. — № 7–8.
 11. Об утверждении Положения об административной комиссии при Правительстве Москвы по делам об административных правонарушениях: постановление Правительства Москвы от 06 мая 2003 г. № 322: по сост. на 04 марта 2014 г. // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2002. — № 40.
 12. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48: по сост. на 09 февраля 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2008. — № 1.
 13. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01 декабря 2004 г. № 89-Г04–13 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 05.11.2014).
 14. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 07 октября 1977 г.: по сост. на 14 марта 1990 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1977. — № 41. — с. 617. (утратила силу)
 15. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: утвержден Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г.: по сост. на 20 марта 2001 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1984. — № 27. — Ст. 909. (утратил силу)
 16. О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке: указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1961. — № 35. — Ст. 368. (утратил силу)
 17. О порядке издания волостными и районными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении ими административных взысканий: циркуляр Наркомюста РСФСР № 42, НКВД РСФСР № 70 от 26 февраля 1926 г. // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. — М., 1926. (утратил силу)
 18. Об изменении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов СССР об административных правонарушениях: указ Президиума Верховного Совета СССР от 08 сентября 1982 г. № 7880-X // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1982. — № 37. — Ст. 698. (утратил силу)
 19. Об изменении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов РСФСР об административных правонарушениях: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 января 1986 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1986. — № 6. — Ст. 175. (утратил силу)
 20. Об утверждении Положения о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1922. — № 48. — Ст. 603. (утратил силу)
 21. Об утверждении Положения об административной комиссии по рассмотрению правонарушений в сфере учета, регистрации и использования объектов нежилого фонда: постановление Правительства Москвы от 27 августа 2002 г. № 699 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2002. — № 40. (утратило силу)

22. Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся и о порядке производства по делам об административных нарушениях: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1961. — № 13. — Ст. 166. (утратил силу)
23. Об утверждении Положения об издании волостными и районными исполнительными комитетами, городскими советами заштатных городов и сельскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 ноября 1927 г.: по сост. на 07 мая 1928 г. // Собрание узаконений. — 1927. — № 120. — с. 812. (утратило силу)
24. Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1931. — № 17. — Ст. 186. (утратило силу)
25. Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28 июня 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1926. — № 39. — Ст. 304. (утратил силу)
26. Об утверждении Постановления о порядке издания волостными и районными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении ими административных взысканий: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1925 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1925. — № 93. (утратил силу)
27. Краснов, М. От концепции 1991 года до сегодняшнего дня. Попытка инвентаризации // Российская юстиция. — М.: Юрид. лит., 2001. — № 11. — с. 2–6.
28. Пономарев, К. А. Административные комиссии в муниципальных образованиях: проблемы правового регулирования и организации деятельности: дис... канд. юрид. наук: 12.00.14 / К. А. Пономарев. — Ростов-на-Дону, 2011. — 27 с.

Понятие административных комиссий и содержание их правового статуса

Нестерова Алёна Алексеевна, магистрант
Тюменский государственный университет

КоАП РФ не закрепляет понятия административной комиссии, вследствие чего нечеткость правового регулирования деятельности административных комиссий на федеральном уровне приводит к разнообразию нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность административных комиссий на региональном уровне, и содержанию их правового статуса.

В большинстве субъектов Российской Федерации понятие административных комиссий по-разному закрепляется в специальных законах об административных комиссиях [4]. Определения административных комиссий, закрепленные в законах субъектов РФ, условно можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся определения, в которых находит отражение коллегиальный характер данных органов и определяется сфера их деятельности [7]. Во вторую группу входят определения, в которых уточняется характер подведомственности дел, рассматриваемых административными комиссиями, и уровень их правового регулирования [8]. Например, закон Тюменской области от 28 декабря 2004 г. № 322 «Об административных комиссиях в Тюменской области» [9] в ст. 1 следующим образом трактует понятие административных комиссий, понимая под ними постоянно действующие коллегиальные органы, уполномоченные рассматривать дела об административных пра-

вонарушениях, отнесенные к их компетенции законами Тюменской области.

Нередки случаи, когда определения административных комиссий даются в законах субъектов Российской Федерации о наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по образованию и организации деятельности административных комиссий [11], а также в региональных законах об административных правонарушениях [12].

Что касается исследования теоретических аспектов представленного в работе института, то достаточно большое внимание его понятийному аппарату уделялось в период функционирования советской государственности. В связи с этим следует констатировать, значительное количество ученых советского периода выделяли следующие определения административных комиссий.

Ф.С. Разаренов, Л.М. Розин указывали на два основных направления деятельности административных комиссий: «административные комиссии призваны рассматривать дела о нарушениях и налагать взыскания на граждан.» [23]. В то же время наложение взыскания представляет собой заключительную часть стадии рассмотрения дела.

А.П. Ключниченко, А.П. Шергин понимали под административными комиссиями «специальные юрисдик-

ционные органы коллегиального рассмотрения дел об административных проступках, образуемые при исполнительных комитетах местных Советов депутатов трудящихся» [15]. И. Н. Гоголев, А. П. Ключниченко характеризовали административные комиссии как «специальные государственно-общественные юрисдикционные органы коллегиального рассмотрения дел об административных проступках, организуемые и состоящие при исполнительных комитетах местных Советов депутатов трудящихся» [14].

В. Д. Сорокин указывал, что «административные комиссии выступают в качестве основных органов, на которые возложено применение административных взысканий за нарушение правил, установленных нормативными актами Союза ССР и союзных республик» [24].

При этом, несмотря на то, что с момента опубликования указанных суждений прошло более 40, а то и более лет, они и в настоящее время не теряют своей актуальности. Этому подтверждение мы находим в многочисленных исследованиях посвященных институту административных комиссий, в которых авторы вновь и вновь предпринимают попытки интерпретировать каждый по своему понятие административной комиссии.

Так, А. А. Макаревич, И. А. Нестеренко условно разделяют определения административных комиссий, закрепленных в законах субъектов Российской Федерации, на несколько групп: определения, в которых находит отражение коллегиальный характер данных органов и определяется сфера их деятельности; определения, в которых определяется также характер подведомственности дел, рассматриваемых административными комиссиями, и уровень их правового регулирования [21].

О. А. Лакаев определяет понятие «коллегиальных органов административной юрисдикции как предусмотренных нормами административно-деликтного права органов, в которых дела об административных правонарушениях рассматриваются и разрешаются коллегиально, на заседаниях членов этих органов посредством голосования с принятием соответствующих процессуальных актов большинством голосов» [17]. Представляется спорным включение в определение двух тождественных понятий: «рассмотрение» и «разрешение», что порождает необходимость уточнения содержания деятельности административных комиссий.

К. А. Пономарев под административной комиссией муниципального образования понимает постоянно действующий коллегиальный орган административной юрисдикции, уполномоченный рассматривать дела об административных правонарушениях, совершенных на территории муниципального образования, в соответствии со своей подведомственностью, определяемой в законодательстве субъекта Российской Федерации [22]. На наш взгляд, не совсем корректным представляется закрепление К. А. Пономарев полномочий административных комиссий на территории определенного муниципального образования. Действующим законодательством

не исключается возможность существования административных комиссий, чьи юрисдикционные функции распространяются на территории нескольких муниципальных образований, либо, напротив, функционирования на территории одного муниципального образования нескольких административных комиссий.

Завершая исследование подходов к понятию административных комиссий, необходимо констатировать, что практически, сущность и содержание данного понятия на протяжении длительного периода времени деятельности указанных органов административной юрисдикции, практически не изменилась.

В связи с чем, на наш взгляд, считаем необходимым понимать под административными комиссиями постоянно действующие специальные органы административной юрисдикции, уполномоченные в пределах своей компетенции рассматривать дела об административных правонарушениях, отнесенные к их компетенции, определяемой законодательством субъекта Российской Федерации.

Соглашаясь с позицией исследователей теоретических аспектов института административных комиссий, на наш взгляд, сформулированное выше нами понятие административных комиссий, необходимо закрепить в КоАП РФ, чтобы исключить различное трактование рассматриваемого понятия в законах субъектах Российской Федерации и соответственно возложение на них функций, не свойственных органам административной юрисдикции. В связи с этим по аналогии со ст. 5 УПК РФ [2], где закреплены основные понятия, используемые в настоящем Кодексе, необходимо дополнить главу 1 КоАП РФ ст. 1.9. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе, которая бы не только раскрывала сформулированное нами понятие административных комиссий, но и ряд других, толкование которых вызывает неоднозначное понимание как в теории административного права и административной деятельности, так и в правоприменительной практике органов административной юрисдикции.

Переходя к исследованию особенностей правового статуса административных комиссий, следует в первую очередь отметить, что до последнего времени в отечественном праве вопрос о статусе административных комиссий оставался неясным, что порождало немало сложностей в ходе применения регионального законодательства об административных правонарушениях [25].

В КоАП РФ административные комиссии упоминаются лишь в ст.ст. 1.3.1 и 22.1, согласно которых они являются одним из коллегиальных органов административной юрисдикции. При этом они не включены в перечень органов, которые рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом, и могут разрешать только дела о правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ.

Законодательное регулирование деятельности административных комиссий в полном объеме отнесено к компетенции органов законодательной власти субъектов Федерации. Данное положение не противоречит ст. 72

Конституции РФ, которая закрепляет административное и административно-процессуальное законодательство в совместном ведении Федерации и ее субъектов.

В развитие данного конституционного положения в п. 2 ст. 26.3 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [1] вопросы установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления относятся к полномочиям органов государственной власти субъекта.

Некоторые исследователи констатируют, что федеральное законодательство ограничивается определением лишь места административных комиссий в системе органов административной юрисдикции [16]. Уточнение их полномочий и организационной структуры происходит на региональном уровне. К сожалению, в настоящее время ни федеральное законодательство, ни законы субъектов РФ четко не определяют природу административных комиссий. Как отмечает Д. Н. Лукоянов, «... предоставление субъектам РФ возможности самостоятельно определять правовой статус административных комиссий влечет отсутствие единого подхода в данном вопросе...» [19].

Анализ правовой природы административных комиссий показывает, что в ее основе лежит правоохранительная функция государства, реализуемая путем осуществления государственных полномочий [20]. Следовательно, полномочия, связанные с созданием административных комиссий, являются по своей сути государственными полномочиями, а сами комиссии — это государственные органы субъектов РФ. В связи с этим тезис о двойственной природе административных комиссий и возможности передачи государственных полномочий по формированию и регулированию деятельности административных комиссий на уровень муниципалитетов, высказываемый рядом авторов, не является верным.

Таким образом, правовая природа действующих административных комиссий муниципальных образований ос-

новывается на законодательных положениях о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, а административная юрисдикция является прерогативой федеральных и региональных органов государственной власти (ст. 12, 72 Конституции России, соответствующие положения КоАП РФ и других законов), и поэтому административные комиссии муниципальных образований выполняют государственную юрисдикционную функцию на основе делегирования соответствующих полномочий от органов государственной власти субъектов РФ — в этом и заключается суть ее правовой природы, определяющей правовой статус данных юрисдикционных органов.

Этот вывод находит подтверждение и в указанном нами ранее Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [3]. В пп. «е» абзаца четвертого п. 18 данного Постановления отмечается, что субъекты РФ не вправе передавать органам местного самоуправления государственные полномочия по образованию административных комиссий в целях привлечения к административной ответственности.

Только недавно в региональное административное законодательство стали вноситься изменения, конкретизирующие статус административных комиссий как государственных органов субъектов РФ. Так, в начале 2008 г. из Закона Новосибирской области «Об административных комиссиях в Новосибирской области» [13] было исключено положение, касающееся полномочия глав муниципальных образований по принятию положений об административных комиссиях соответствующего вида. В настоящее время они утверждаются губернатором Новосибирской области. Такой законодательный подход субъектов РФ, по мнению некоторых исследователей, уменьшил возможность влияния органов местного самоуправления на деятельность административных комиссий, и конкретизировало их статус как государственных органов субъекта Федерации [18].

Литература:

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: по сост. на 04 ноября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: по сост. на 24 ноября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921.
3. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48: по сост. на 09 февраля 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2008. — № 1.
4. Об административных комиссиях Республики Адыгея: закон Республики Адыгея от 9 января 2007 г. № 54 // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 05.11.2014).
5. Об административных комиссиях: закон Чувашской Республики от 30 мая 2003 г. № 17 // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 05.11.2014).

6. Об административных комиссиях в Оренбургской области: закон Оренбургской области от 6 сентября 2004 г. № 1453/231-III-ОЗ: по сост. 07 мая 2013 г. // Южный Урал. — 2004. — № 182. — с. 3–4.
7. Об административных комиссиях: закон Владимирской области от 30 декабря 2002 г. № 141-ОЗ: по сост. на 09 ноября 2011 г. // Владимирские ведомости. — 2003. — № 5
8. Об административных комиссиях в Новосибирской области: закон Новосибирской области от 17 марта 2003 года № 102-ОЗ: по сост. 03 мая 2012 г. // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 05.11.2014).
9. Об административных комиссиях в Тюменской области: закон Тюменской области от 28 декабря 2004 г. № 322: по сост. на 11 октября 2013 г. // Вестник Тюменской областной Думы. — 2004. — № 15. — Ч. 1.
10. О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов государственными полномочиями Республики Татарстан по образованию и организации деятельности административных комиссий: закон Республики Татарстан от 30 декабря 2005 г. № 144-РТ: по сост. на 16 октября 2014 г. // Ведомости Государственного Совета Татарстана. — 2005. — № 12 (IV часть). — Ст. 1080.
11. О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями в области создания и функционирования административных комиссий при местных администрациях: закон Алтайского края от 10 марта 2009 г. № 12-ЗС: по сост. на 19 июня 2014 г. // Сборник законодательства Алтайского края. — 2009. — № 155. — Ч. 1. — с. 28.
12. Об административных правонарушениях на территории Воронежской области: закон Воронежской области от 31 декабря 2003 г. № 74-ОЗ: по сост. на 30 октября 2014 г. // Коммуна. — 2004. — № 4.
13. О внесении изменений в Закон Новосибирской области «Об административных комиссиях в Новосибирской области: закон Новосибирской области от 28 марта 2008 г. // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. — 2008. — № 64.
14. Гоголев, И. Н., Ключниченко А. П. Административные комиссии, как правоохранительные формирования / И. Н. Гоголев, А. П. Ключниченко // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. — Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1973. — Вып. 7. — с. 224–245.
15. Ключниченко, А. П., Шергин А. П. Административные комиссии / А. П. Ключниченко, А. П. Шергин. — М.: Юрид. лит., 1975. — 111 с.
16. Кузнецов, Д. О. Административные комиссии в системе органов административной юрисдикции / Д. О. Кузнецов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Воронеж, 1–2 июля 2011 г.). — Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2011. — Ч. 1. — с. 148–154.
17. Лакаев, О. А. Коллегиальные органы административной юрисдикции, создаваемые в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.14 / О. А. Лакаев. — Саратов, 2008. — 27 с.
18. Лакаев, О. А. Региональное нормативно-правовое регулирование организации и компетенции административных комиссий / О. А. Лакаев // Актуальные проблемы нормотворчества: Сборник статей (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Института законотворчества ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», Саратов, 6 октября 2009 г.). — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. — с. 173–176.
19. Лукоянов, Д. Н. Правовой статус административных комиссий как органов административной юрисдикции / Д. Н. Лукоянов // Модернизация функций права и государства: традиции, установки, тенденции, перспективы: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (10–11 декабря 2011 года): в 3 т. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. — Т. 3. — с. 140–145.
20. Макарецев, А. А. О правовом статусе административных комиссий / А. А. Макарецев // Актуальные проблемы административной ответственности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 27 февраля 2009 г.). — Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2009. — с. 198–203.
21. Макарецев, А. А., Нестеренко И. А. Организационно-правовой режим административных комиссий: теоретический и практический аспекты / А. А. Макарецев, И. А. Нестеренко // Право и политика. — М.: Nota Bene, 2009. — № 3 (111). — с. 52019–524.
22. Пономарев, К. А. Административные комиссии в муниципальных образованиях: проблемы правового регулирования и организации деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.14 / К. А. Пономарев. — Ростов-на-Дону, 2011. — 27 с.
23. Разаренов, Ф. С., Розин Л. М. Административные комиссии при исполкомах районных, городских Советов депутатов трудящихся / Ф. С. Разаренов, Л. М. Розин. — М.: Госюриздат, 1962. — 56 с.
24. Сорокин, В. Д. Административные комиссии при исполкомах районных, городских Советов депутатов трудящихся / Сорокин В. Д. — М.: Юрид. лит., 1964. — 76 с.

25. Суменков, Г. Н., Якунин Е. И. О некоторых проблемах правового регулирования вопросов создания и организации деятельности административных комиссий в муниципальных образованиях. (Начало) / Г. Н. Суменков, Е. И. Якунин // Государственная власть и местное самоуправление. — М.: Юрист, 2005 — № 4. — с. 11–14

Проблемы процессуального положения отдельных должностей аппаратов районных (городских) судов

Нецветаева Ирина Викторовна, магистрант

Научный руководитель Бойко В. Н., доктор юридических наук, профессор
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В современной России быстрыми темпами осуществляется правовая реформа, закладываются основы правового государства, ввиду чего возрастает роль и значение судов, куда граждане обращаются за защитой своих прав и свобод. Первичным звеном судебной системы являются районные (городские) суды, на которые, как на суды первой инстанции, приходится основное количество обращений граждан, что, в свою очередь, в разы повышает их значение для судебной системы в целом. Однако эффективность осуществления правосудия районными (городскими) судами зависит от правильной регламентации их полномочий, формирования аппарата, структуры суда и квалификации судей. При этом качество работы судебной системы во многом связано не только с уровнем профессиональной подготовки и материального обеспечения судей, но и с тем, насколько эффективно функционирует аппарат суда.

Вместе с тем, несмотря на то, что должностное положение работников аппарата районных (городских) судов, их права, обязанности и ответственность, установлены соответствующими должностными регламентами, изучение деятельности районных (городских) судов показало пробелы в регламентации административно-правового статуса помощника судьи и секретаря судебного заседания, что может привести к нарушению прав личности.

Так, на практике должность «помощник судьи» отнесена к должностям государственной гражданской службы к категории «помощники (советники), но при этом законодательно не закреплена, а права и обязанности помощника судьи зависят от судебной инстанции и суда, в котором трудоустроен помощник. Более того, срок служебного контракта, на основании которого помощник судьи замещает должность, действующим законодательством не урегулирован [1].

Следует отметить, что проблема административно-правового регулирования статуса помощника судьи выражается в отсутствии единого для судов всех уровней понятия «помощника судьи», так как данный статус на сегодняшний день закреплён только в части 1 статьи 58 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2], в соответствии с которой помощник судьи оказывает помощь судье в подготовке и организации су-

дебного процесса и не вправе выполнять функции по осуществлению правосудия.

Не сформулировано определение статуса помощника судьи и в пункте 2 части 2 статьи 9 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79–ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3], из которого следует, что помощники (советники) — это должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, руководителям государственных органов, руководителям территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителям представительств государственных органов в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей.

Из анализа данной нормы следует, что понятие «помощники (советники)» применимо к помощникам и советникам в органах исполнительной власти, так как срок их полномочий ограничен сроком полномочий выборных должностных лиц, к которым судьи, в силу своего специального административно-правового статуса, не относятся [4].

Поскольку дефиниция «замещать государственные должности» и «оказывать помощь судье в подготовке и организации судебного процесса» не являются идентичными, то пунктом 2 части 2 статьи 9 Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» не может в достаточно полном объеме определять статус помощника судьи [5].

Поэтому следует согласиться с тем, что «помощник (советник)» и «помощник судьи» — две совершенно разные категории должностей [6], что подтверждается и Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы» [7]. Отнесение данным нормативно-правовым актом категории должности «помощники (советники)» к разным группам должностей судебной системы также подтверждает отсутствие единого административно-правового статуса данной категории субъекта права.

При этом следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский

процессуальный кодекс Российской Федерации не содержат норм, регулирующих статус помощника судьи.

В связи с этим модернизация административно-правового статуса помощника судьи должна заключаться в усовершенствовании законодательства, путем разработки и принятия единого нормативно-правового акта, определяющего статус помощника судьи в Российской Федерации, в том числе в районном (городском) суде.

Ещё одним субъектом процессуальных правоотношений, правовой статус которого окончательно не определен, в районном (городском) суде выступает секретарь судебного заседания.

Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует статус и деятельность секретаря судебного заседания лишь в самом общем виде. Например, при наличии законных оснований секретарь судебного заседания обязан заявить самоотвод (часть 1 статьи 19 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) или ему может быть заявлен отвод (статья 18 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Секретарь судебного заседания реализует право и обязанность суда по ведению протокола судебного заседания, являющегося одним из основных процессуальных документов, имеющих доказательственное значение, недооценка которого недопустима в судебной практике. Процессуальный закон четко и детально регламентирует форму и содержание протокола, процедуру изменения, дополнения и исправления этого процессуального документа (статьи 228–232 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Таким образом, секретарь судебного заседания является важной процессуальной фигурой и занимает место, присущее только ему, в процессуальных правоотношениях и соответствующий статус в судопроизводстве.

При этом, анализируя действующее процессуальное законодательство, можно утверждать, что правовые основы деятельности секретаря судебного заседания не регламентированы, отсутствует понятие «процессуальный статус секретаря судебного заседания», не урегулирован процесс разрешения разногласий, которые могут возникнуть между председательствующим и секретарем судебного заседания по поводу содержания протокола. Следовательно, правовые основы статуса секретаря судебного заседания в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве и раскрытие содержания его деятельности нуждаются в дальнейшей регламентации в Уголовно-процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах Российской Федерации.

В связи этим представляет интерес правотворчество в этой области стран СНГ. Так, в Молдове разработан и принят Закон «О статусе и порядке организации деятельности секретарей судебных заседаний» [8]. Он предполагает, что работа секретарей судебных заседаний будет содействовать деятельности судей, а их компетенция и выполнение обязанностей будут играть существенную

роль при организации надлежащего функционирования судебных инстанций в целом.

В качестве принципов деятельности секретаря судебного заседания названы независимость, беспристрастие, преданность и несовместимость.

Так, независимость секретаря судебного заседания означает, что в своей деятельности он подчиняется только закону, не допускается какое-либо воздействие на секретаря при исполнении им своих профессиональных обязанностей, служебные обязанности выполняются им под контролем судьи, а неуважение к секретарю судебного заседания наказывается в соответствии с законом Республики Молдова.

Закон «О статусе и порядке организации деятельности секретарей судебных заседаний» выделяет такие полномочия секретаря судебного заседания, как участие в судебных заседаниях, выполнение всех полномочий в соответствии с законом, исполнение поручений председателя судебного заседания под его же контролем, составление соответствующих процессуальных актов по решению судьи на основе Гражданского процессуального кодекса и т.д. В своей деятельности секретарь судебного заседания обязан уважать права и свободы граждан; помнить, что все равны перед законом и судом; соблюдать профессиональную этику и повышать свой профессиональный уровень.

В этом документе предусмотрены следующие формы ответственности секретаря судебного заседания за совершенные им правонарушения: материальная, дисциплинарная, административная и уголовная.

Правовой статус и организация деятельности секретаря судебного заседания в российском судопроизводстве также требуют детальной регламентации в отдельном законе или процессуальных нормах, поэтому опыт Молдовы в определении основ и организации деятельности секретарей судебных заседаний является положительным для России.

Поэтому следует предположить, что законодательное определение принципов деятельности секретаря судебного заседания, раскрытие содержания его работы, установление судебного контроля над такой деятельностью и наличие форм ответственности за правонарушения позволят укрепить положение секретаря судебного заседания как участника гражданских процессуальных правоотношений, повысят его профессионализм и квалифицированность, позитивно скажутся на осуществлении правосудия.

Таким образом, в целях сохранения стабильности целей и задач деятельности судов, в том числе районных (городских), качественного отправления ими правосудия, законодательство Российской Федерации нуждается в совершенствовании в части модернизации административно-правового статуса помощника судьи и секретаря судебного заседания, путем разработки и принятия единого нормативно-правового акта, который определит статус помощника судьи в Российской Федерации, а также разработки и принятия отдельного закона или процессуальных норм о правовом статусе и организации деятельности секретаря судебного заседания.

Литература:

1. Хориноев, А. О. Правовой статус государственного служащего помощника судьи // Администратор суда. 2013. № 3. с. 11.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: [в редакции федерального закона от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002. — № 30. — ст. 3012.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ: [в редакции федерального закона от 02 апр. 2014 г. № 53-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. — 02.08.2004. — № 31. — ст. 3215.
4. Фоков, А. П. Современный статус помощника судьи по обеспечению судебной деятельности // Российский судья. 2012. № 4. с. 3.
5. Логвиненко, П. Е. О помощнике председателя районного суда // Администратор суда. 2014. № 1. с. 11.
6. Васина, Е. А. Административно-правовое регулирование статуса помощника судьи // Административное право и процесс. 2013. № 10. с. 6971.
7. О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы: указ Президента РФ от 31 дек. 2005 г. № 1574: [в редакции указа Президента РФ от 10 сент. 2014 г. № 627] // Собрание законодательства РФ. — 02.01.2006. — № 1. — ст. 118.
8. Чашин, А. Н. Судебная система и судебная реформа. М.: Дело и Сервис, 2014. с. 37.

База данных как объект авторского права

Романова Виктория Олеговна, студент

Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники

В данной статье прослеживается история развития понятия базы данных как объекта авторского права, выделяются признаки рассматриваемого результата интеллектуальной деятельности, а также рассматриваются критерии охраноспособности баз данных как объекта авторского права.

Развитие науки и техники, широкое внедрение компьютеров и информационных технологий способствовали формированию современного информационного общества. Общество в своей деятельности уже не может обходиться без разнообразной информации, в том числе производимой на базе информационных систем с использованием информационных технологий во всех сферах человеческой деятельности — экономике, промышленности, науке, политике и т.д. С развитием всемирной сети Интернет, между субъектами различных государств возрастает обмен информацией, в том числе, и хранящейся в базах данных.

Производство и распространение баз данных постоянно расширяется как во всем мире, так и в России. Базы данных являются необходимыми инструментами развития информационного рынка. Они вобрала в себя результаты интеллектуального творчества, зачастую требуют вложения значительных финансовых, трудовых и иных ресурсов. Неуклонно возрастающие объемы ежегодно производимой и обрабатываемой во всем мире информации в различных сферах производственных отношений требуют значительных инвестиций в системы обработки информации, а также в базы данных.

Упоминание в отечественном законодательстве баз данных в качестве самостоятельного объекта авторских

прав впервые появилось в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года. Стоит отметить, что возможность их охраны с помощью авторского права признавалась в нашей стране и ранее, так как они попадали под понятие сборника.

В соответствии с п. 2 ст. 1260 ГК база данных включена в один ряд с антологиями, энциклопедиями, атласами в качестве одного из возможных видов составных произведений. Такая позиция российского законодателя соответствует положениям международного права, например, ст. 2 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений закрепляет в качестве охраняемых произведений составные произведения. В соответствии с п. 2 ст. 10 соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), «копирования данных или иных материалов, как в машиночитаемой, так и в другой форме, которые по причине отбора или расположения их содержания представляют результат творчества, должны охраняться как таковые».

В п. 2 ст. 1260 ГК РФ дается легальное определение рассматриваемого результата интеллектуальной деятельности. В соответствии с ним, база данных представляет собой представленную в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов,

нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Таким образом, можно выделить следующие признаки базы данных:

1. Наличие совокупности материалов. При этом не имеет значения, охраняются ли сами материалы авторским правом. В их числе могут быть статьи, правовые акты, изображения, расчеты, справочные сведения и т.п.

2. Наличие системы расположения материалов (систематизация).

3. Техническая возможность работы с базой с помощью ЭВМ. При этом программы, обеспечивающие работу с базой данных (СУБД), охраняются как самостоятельные объекты авторского права.

В рамках рассматриваемого определения российской судебной практикой подчеркивается тесная связь программ для ЭВМ и баз данных как взаимодополняющих объектов. В качестве примера можно привести постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2009 по делу № А23–2448/08Г-16–209, в котором суд пришел к выводу, что «особенностью любой базы данных является то, что она воспринимается лишь ЭВМ, поскольку записана на машинном языке программирования и представляет из себя конкретный алгоритм организации, хранения и обработки большого объема информации».

Необходимо отметить, что в рассматриваемом контексте определения базы данных как объекта авторских прав, подбор и расположение материалов должны являться результатом творческой деятельности автора. Следовательно, лишь при наличии этого обстоятельства на базу данных распространяется режим авторского права. Такая позиция подтверждается и положениями международного права: Директива ЕС «О правовой охране баз данных» 96/9/ЕС от 11 марта 1996 г. закрепляет, что базы данных рассматриваются как охраноспособные в той мере, в какой они являются «творческим интеллектуальным продуктом создателя».

Для оценки охраноспособности базы данных как объекта авторского права не имеют значения потребительские качества базы данных, ее назначение, ценность и т.д. Поэтому не важно, для чего предназначена база данных, насколько она полна, точны ли содержащиеся в ней данные, представляет ли она для кого-то коммерческий интерес. Точно также не будет приниматься во внимание наличие на рынке баз данных того же назначения, что и рассматриваемый объект. Признание охраноспособности базы данных как объекта авторского права еще не означает, что сама по себе она имеет какую-то коммерческую ценность или может быть использована для извлечения прибыли.

С точки зрения авторского права, база данных является составным произведением. Это обстоятельство влечет два важных последствия.

Во-первых, из этого следует, что база данных имеет сложный состав, поскольку образуется из ряда самостоятельных материалов. Это означает, что он имеет значение, ценность и в отрыве от баз данных. Такой материал может являться объектом авторского права (хотя это не обязательно), например, статья в базе данных, объединяющей журнальные публикации. Ввиду сложного состава базы данных необходимо учитывать возможность существования самостоятельных прав на входящие в нее отдельные элементы. Соответственно для полноценного распоряжения базой данных требуется наличие прав на все эти объекты. Не стоит забывать, что в состав базы данных могут входить и те материалы, которые не являются объектами авторского права. В отдельных случаях база данных может состоять исключительно из них.

Материалы, содержащиеся в базе данных, могут подпадать под действие различных правовых режимов. В качестве самостоятельных объектов охраны в составе рассматриваемого объекта авторских прав можно выделить:

- данные;
- структуры расположения данных в памяти ЭВМ;
- программы управления базами данных (СУБД);
- специальные программы, управляющие синтезированием новых баз данных из существующих по заданным критериям.

Юридическая судьба прав на базу данных не зависит от прав на материалы, которые входят в ее состав. Прекращение по любой причине прав действия прав на все или на часть таких материалов не влечет прекращения прав на базу данных, и наоборот. Распоряжение этими правами может производиться независимо друг от друга. При этом обладатель исключительного права на базу данных при ее использовании обязан соблюдать права лиц, которым принадлежат права на указанные материалы.

Во-вторых, это предопределяет сферу действия авторского права на базу данных в целом. Применительно к базе данных авторские права действуют на подбор или расположение материалов. Автор должен особым образом отобрать материалы для базы данных из большого массива и/или проявить определенную оригинальность в систематизации и упорядочении материалов внутри базы данных. Именно в этом должен проявиться творческий характер деятельности автора. Характер материалов, включенных в базу данных, для оценки рассматриваемого обстоятельства не важен. Как можно проявить творчество в организации материалов, которые не охраняются авторским правом, так и объекты авторского права можно расположить в таком примитивном порядке, что ни о каком творчестве не может быть и речи.

По общему правилу, для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. В отношении программ для ЭВМ и баз данных предусмотрена возможность факультативной регистрации, осуществляемая по желанию правообладателя в соответствии с Приказом Минобрнауки РФ от 29 октября 2008 г.

№ 324 «Об утверждении административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на государственную регистрацию программы для электронных вычислительных машин и заявок на государственную регистрацию базы данных, их рассмотрения и выдачи в установленном порядке свидетельств о государственной регистрации программы для ЭВМ или базы данных». Важно заметить, что регистрация в данном случае не является правообразующим фактором или каким-либо необходимым условием для возникновения права, а имеет лишь вспомогательное, правоподтверждающее значение.

Таким образом, уже само назначение современных баз данных предопределяет невозможность широкого

применения к ним режима авторского права. Оно плохо приспособлено для защиты баз данных, однако от этого инструмента пока отказываться не собираются. Многие крупные компании заинтересованы в его дальнейшем существовании. Весьма точно причины сохранения авторско-правовой части в рамках правового регулирования баз данных указал Б. Эдельман: «Но здесь следует сразу же отметить, что причины такого предложения о «двойственной» по характеру охране являются исключительно экономическими и ни в коей мере не продиктованы стремлением сохранить в чистоте природу авторского права. Дело обстоит, скорее, прямо противоположным образом: по соображениям исключительно практического свойства авторское право хотят поставить на службу инвесторам».

Литература:

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г.
2. Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»
4. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2009 по делу № А23–2448/08Г-16–209.
5. Калятин, В. О. База данных как объект комплексного правового регулирования // Актуальные вопросы российского частного права: Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В. А. Дозорцева / сост. е.А. Павлова, О. Ю. Шилохвост. М.: Статут, 2008.
6. Эдельман, Б. Мысли об авторском праве и путях его развития в странах Европейского экономического сообщества // Бюллетень по авторскому праву. 1994. № 3.

Виды доказательств по делам об административных правонарушениях, используемые таможенными органами в целях привлечения к административной ответственности за незаконное использование товарного знака

Самойлова Ольга Дмитриевна, магистрант
Российская таможенная академия

Согласно ст. 6 Таможенного кодекса Таможенного союза таможенные органы обеспечивают защиту прав интеллектуальной собственности на таможенной территории Таможенного союза в пределах своей компетенции. [1]

В соответствии с положениями гл. 46 Таможенного кодекса Таможенного союза, гл. 42 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» таможенные органы Российской Федерации принимают меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности:

– включенные в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности ФТС России (далее — Реестр) (приостановление на 10 р.д.);

– зарегистрированные в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации (приостановление по процедуре «ex officio» на 7 р.д.);

– которым предоставлена правовая охрана на территории Российской Федерации на основании регистрации в Международном бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности (приостановление по процедуре «ex officio» на 7 р.д.).

Однако меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности принимаются только в отношении тех товаров, которые содержат объекты авторского права, смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров. [2]

В соответствии с законодательством Российской Федерации таможенные органы не только возбуждают дела об административных правонарушениях в области таможенного дела, предусмотренные главой 16 КоАП РФ, но и также вправе возбуждать дела об административных правонарушениях, не относящихся к таможенным правонарушениям. Таможенными органами ФТС России согласно ст. 28.3 КоАП РФ осуществляется реализация задач по предупреждению, пресечению и раскрытию административных правонарушений, связанных с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности, ответственность за которые предусмотрена ч.1 ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав» и ст. 14.10 КоАП РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». [3]

Исходя из изложенного, деятельность таможенных органов по пресечению ввоза продукции, обладающей признаками контрафактной, включает в себя применение мер приостановления выпуска товаров, а также процедуры, направленной на привлечение правонарушителей к административной ответственности.

Итак, должностные лица таможенных органов, осуществляющие таможенные процедуры и таможенный контроль товаров, производят контроль в целях применения мер, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности. Для данных целей могут применяться такие формы таможенного контроля, как проверка документов и сведений, таможенный осмотр и досмотр товаров и транспортных средств, проверка маркировки товаров, наличия на них идентификационных знаков, отбор проб и образцов и др. [4]

Основная задача реализации указанных форм таможенного контроля — зафиксировать факт ввоза контрафактной продукции и не допустить ее выпуск в гражданский оборот.

При контроле соблюдения законодательства РФ об интеллектуальной собственности должностное лицо таможенного органа в рамках документального контроля осуществляет:

1) проверку достоверности и полноты сведений, заявленных в таможенной декларации, в отношении содержащихся на товаре объектов интеллектуальной собственности;

2) проверку соответствия заявленных сведений о товарах сведениям, содержащимся в рассылаемых ФТС России сведениях из Реестра или сведениям, содержащимся в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации и базы данных Всемирной организации интеллектуальной собственности;

3) проверку документов, подтверждающих соблюдение законодательства РФ об интеллектуальной собственности;

4) подготовку решения о приостановлении выпуска товаров в случаях и порядке, установленных нормативными актами ФТС России, уведомление правообладателя

(его представителя) и декларанта о приостановлении выпуска товаров, обладающих признаками контрафактных;

5) передачу в соответствующее функциональное подразделение таможенной информации об обнаруженных нарушениях законодательства об интеллектуальной собственности.

При получении уведомления от таможенного органа о приостановлении выпуска товаров, обладающих признаками контрафактных, правообладатель в установленный срок должен дать заключение, считает ли он товар, выпуск которого приостановлен, контрафактным, принять решение либо о его выпуске, либо об инициировании уголовного, административного или гражданского процесса. В том числе он имеет право подать заявление в данный таможенный орган о проведении проверки по данному факту и возбуждении производства об административном правонарушении.

В соответствии со статьей 24.1 КоАП РФ задачами производства по делу об административном правонарушении являются всестороннее, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, выявление причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, предупреждение правонарушений и укрепление законности.

Изучение обстоятельств административного дела осуществляется путем извлечения, накопления, хранения, переработки и соответствующей оценки информации. Деятельность по сбору и исследованию доказательств по административным делам осуществляется в рамках и по правилам, установленным законодателем. В этой связи в целях обеспечения задач производства по делу в КоАП РФ подробно урегулированы как общие вопросы доказательственной базы, так и конкретные виды доказательств.

Доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ).

Так, доказательствами по делу об административном правонарушении являются:

— объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего и свидетелей (ст. 26.3 КоАП РФ); экспертиза (ст. 26.4 КоАП РФ);

— взятие проб и образцов (ст. 26.5 КоАП РФ); вещественные доказательства (ст. 26.6 КоАП РФ); документы (ст. 26.7 КоАП РФ);

— показания специальных технических средств (ст. 26.8 КоАП РФ);

— поручения и запросы по делу об АП (ст. 26.9 КоАП РФ);

— истребование сведений (ст. 26.10 КоАП РФ).

Важным моментом является то, что на практике все дела об административном правонарушении в сфере интеллектуальной собственности, независимо от указанных в ч.1 ст. 28.1 КоАП РФ поводов, возбуждаются на основании заявления правообладателя, поступившего в таможенный орган, которое должно содержать сведения: о наличии за потерпевшим прав на объект интеллектуальной собственности, используемого правонарушителем при пересечении таможенной границы;

– об отсутствии у лица, перемещающего товар, прав на использование объекта интеллектуальной собственности; о незаконности воспроизведения объекта интеллектуальной собственности и критериях, на основании которых сделан такой вывод; о размерах причиненного ущерба с указанием его расчета; о просьбе привлечения нарушителя к административной ответственности.

Правообладатель обладает всей полнотой информации о выпускаемых им товарах, сведениями об уполномоченных им лицах, официальных импортерах, а также сможет отличить контрафактный товар от оригинального. В этой связи показания правообладателя (его законного представителя на территории РФ) имеют первостепенное значение для установления факта административного правонарушения.

Также таможенным органом опрашиваются лицо, в отношении которого ведется производство по делу (его законный представитель) и должностное лицо таможенного органа, выявившего правонарушение.

При выявлении нарушений на этапе таможенного контроля при таможенном декларировании должностное лицо таможенного органа должно произвести в рамках ст. 27.10 КоАП РФ изъятие предмета административного правонарушения. А в случае невозможности изъятия в силу громоздкости, отсутствия условий для хранения наложить в соответствии со ст. 27.14 КоАП РФ арест.

При этом в протоколе изъятия либо наложении ареста подробно описывается предмет административного правонарушения, обладающий признаками контрафактности. В ходе производства изъятия либо ареста уполномоченное лицо должен описать ряд очевидных признаков, подтверждающих контрафактность продукции, а также применять технические средства фиксации доказательств.

В качестве доказательств перемещения товара, обладающего признаками контрафактного, также собирается следующий комплект документов:

1) декларация на товары. Для установления состава административного правонарушения в данном документе необходимо обращать внимание на графы № 2 и № 8, в которых указываются данные о лице, осуществившем ввоз товара; на графу № 31, где указаны точное описание товара, его характеристики и наличие на товаре размещенного товарного знака; на графу 44, в которой имеются сведения о документах, на основании которых заполнена

декларация на товары, подтверждающие заявленные сведения о каждом товаре;

2) акт таможенного досмотра (осмотра) ввозимого товара, в котором зафиксированы результаты таможенного досмотра с приложенными к нему фотографиями, проведенный в рамках требований ст. 116 Таможенного кодекса Таможенного союза. Акт таможенного досмотра (осмотра) выступает в качестве основного доказательства, подтверждающего идентификационные признаки контрафактного товара.

3) внешнеторговый договор, на основании которого лицом был перемещен товар;

4) спецификациями к контракту, в которых зафиксированы сведения о приобретении товара;

5) транспортные документы, а именно товарно — транспортные накладные на основании которых перемещается товар;

6) коммерческие документы, а именно счет — фактура, согласно которым фиксируются факт приобретения товара;

7) упаковочный лист, которым подтверждается факт передачи товара.

Экспертиза, проведенная в рамках производства по делам об административном правонарушении, является одним из основных и ключевых способов сбора доказательств.

В соответствии со ст. 333 Таможенного кодекса Таможенного союза с письменного разрешения таможенного органа правообладатель, декларант или их представители имеют право под таможенным контролем отбирать пробы и образцы товаров, в отношении которых принято решение о приостановлении их выпуска, проводить их исследование. На практике зачастую правообладатель (представитель правообладателя) обращается к патентному поверенному, который в своем заключении должен дать ответ на ряд вопросов:

– соответствует ли товар, представленный для экспертизы образцам товара, произведенного правообладателем по свидетельству на товарный знак;

– является ли обозначение, размещенное на представленном для экспертизы товаре сходным до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком по свидетельству на товарный знак;

– относится ли представленный на экспертизу товар однородным по отношению к товару, классу товаров, зарегистрированному по свидетельству на товарный знак, знак обслуживания либо места происхождения товара.

При проведении экспертизы экспертами проводится поиск тождественных и сходных обозначений; определяется степень сходства заявленного и выявленных при проведении поиска обозначений; определяется однородность заявленных товаров товарам, для которых зарегистрированы (заявлены) выявленные тождественные или сходные товарные знаки (обозначения). Словесные обозначения сравниваются со словесными обозначениями, с комбинированными обозначениями, в композиции которых входят

словесные элементы. Сходство словесных обозначений может быть звуковым (фонетическим), графическим (визуальным) и смысловым (семантическим) и определяется на основании признаков, которые могут учитываться как каждый в отдельности, так и в различных сочетаниях. [5]

Если вся необходимая база собрана должностное лицо таможенного органа составляет протокол об административном правонарушении, к которому прилагаются все необходимые документы, акты, протоколы. Также протокол должен содержать данные о времени, месте, способе совершения административного правонарушения, обстоятельствах его обнаружения, нормах закона, которые были нарушены, сведения о лице, в отношении которого ведется производство по делу, его виновности в совершении административного правонарушения, со ссылками на доказательства, добытые в ходе административного расследования, и их оценке, правовом обосновании привлечения лица к административной ответственности, статье КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за данное административное правонарушение, причины и условия совершения административного правонарушения. Копия протокола об административном пра-

вонарушении вручается под расписку физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении, а также потерпевшему или законному представителю потерпевшего (ч. 6 ст. 28.2 КоАП РФ).

Исходя из требований ч.1 ст. 28.8 КоАП РФ в течении трех суток после составления протокола должностное лицо таможенного органа обязано направить данный протокол со всеми материалами дела в судебные органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности.

Таможенными органами РФ за 2014 год при реализации функции по защите прав на объекты интеллектуальной собственности возбуждено 1270 дел об административных правонарушениях. Из них 1234 дела возбуждено в связи с незаконным использованием товарного знака. Данные за предыдущие периоды о количестве дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными органами по фактам нарушений в сфере интеллектуальной собственности, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Количество дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными органами по фактам нарушений в сфере интеллектуальной собственности (2004–2014 гг.)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ст. 14.10 КоАП РФ	106	268	1416	1383	1029	955	1060	1053	968	1155	1234
ч.1 ст. 7.12 КоАП РФ	48	82	212	117	24	15	16	30	19	33	36
Всего	154	350	1628	1500	1053	970	1076	1083	987	1188	1270

Предметами правонарушений чаще всего являлись одежда, обувь, алкогольная и безалкогольная продукция, автозапчасти.

В 2014 году таможенными органами РФ выявлено более 9,5 млн. единиц контрафактной продукции, в 2013 году — более 9,4 млн. В результате выявленных случаев перемещения товаров с признаками нарушения прав интеллектуальной собственности предотвращен ущерб, который мог быть нанесен правообладателям объектов интеллектуальной собственности, на сумму более 2,4 млрд. рублей (в 2013 году — около 5 млрд. рублей).

В качестве заключения отмечу, что в Российской Федерации, Реестр, введенный в 1999 году, является основным инструментом борьбы с контрафактной продук-

цией. Однако изначально на протяжении нескольких лет он выполнял лишь информационную функцию, и только с 2002 года, вступивший в силу новый КоАП и наделение таможенных органов правом составлять протокол об административных нарушениях положили начало тому, что ФТС начала активно применять Реестр для борьбы с нарушениями в сфере интеллектуальной собственности.

Своевременное выявление нарушений в сфере интеллектуальной собственности, грамотное процессуальное закрепление события административного правонарушения, полномасштабный сбор и всесторонняя оценка доказательств должны стать залогом успешной реализации административно-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в России.

Литература:

1. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // Собрание законодательства РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6615.
2. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.11.2010, № 48, ст. 6252.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Инструкция о действиях должностных лиц таможенных органов, осуществляющих таможенное оформление и таможенный контроль при декларировании и выпуске товаров, утвержденная приказом ГТК РФ от 28.11.2003 № 1356 (ред. от 11.01.2010)
5. Приказ Роспатента от 05.03.2003 № 32 «О Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, 09.06.2003, № 23.

Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий

Солонина Светлана Юрьевна, адъюнкт
Воронежский институт МВД России

Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим в ходе употребления понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». При этом показаны мнения и предложения иных ученых-процессуалистов. На основании которых автором было изложено собственное решение указанной проблемы.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, следователь, дознаватель, суд.

Следует отметить, что законодатель активно использует понятия «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» в УПК РФ (ст. ст. 24, 25, 27, 28 и др.), но не дает им определения. В науке уголовного процесса существуют различные подходы к соотношению данных понятий.

Б. Т. Безлепкин считает, что под прекращением уголовного дела в стадии предварительного расследования понимается такое окончание следственного производства в целом, которое осуществляется в силу наличия обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по уголовному делу, либо оснований для освобождения лица от уголовной ответственности [1]. О. В. Волынская отмечает, что рассматриваемое понятие должно содержать указания на окончание уголовно-процессуального производства (т.е. производства по делу), завершение исследования с помощью уголовно-процессуальных средств конкретного жизненного случая (созвучно с окончанием производства по делу, но не тождественно ему), выполнение технических условий делопроизводства (надлежащее оформление материалов дела и т.п.) [2, 16]. В. В. Иващенко определяет прекращение уголовного дела как решение специально уполномоченных уголовно-процессуальным законом субъектов о прекращении деятельности, инициированной вынесением постановления на основании предположения достаточной степени вероятности о наличии факта совершения преступления, направленной на достижение назначения уголовного судопроизводства, влекущее правовые последствия для участников уголовного судопроизводства, а также окон-

чание ведения содержащего соответствующие процессуальные документы номенклатурного дела [3].

С. А. Касаткина определяет рассматриваемое понятие так: «прекращение уголовного дела (уголовного преследования), являясь одной из форм окончания предварительного расследования, означает окончание процессуальной деятельности по уголовному делу в целом или в отношении конкретного лица по решению уполномоченного должностного лица в связи с отсутствием требуемых для продолжения уголовного преследования правовых предпосылок [4]. Указанный автор не разделяет понятия «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования».

По нашему мнению, употребление рассматриваемых терминов в УПК РФ противоречиво. Например, ст. 25 УПК РФ имеет название «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон», но в диспозиции статьи говорится, что уполномоченное должностное лицо вправе «прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления», т.е. в отношении конкретного установленного подозреваемого или обвиняемого. В ч. 2 ст. 27 УПК РФ речь идет уже не о прекращении уголовного дела, а о прекращении уголовного преследования по основанию, указанному в ст. 25 Кодекса, а в ч. 4 ст. 27 УПК РФ законодатель предусмотрел возможность прекращения уголовного преследования в отношении конкретного подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела.

Уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях избрания подозреваемого, обвиняемого в совершении пре-

ступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Не вызывает сомнений, что процессуальное решение о прекращении этой деятельности вправе принять должностные лица — представители стороны обвинения, осуществляющие уголовное преследование.

Более сложен другой вопрос: вправе ли суд в каких-либо случаях прекратить уголовное преследование в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления? Исходя из содержания, например, ст. 28 УПК РФ, ответ на поставленный вопрос должен быть утвердительным. Следует, однако, согласиться с тем, что суд не является субъектом прекращения уголовного преследования, так как он в принципе не вправе осуществлять уголовное преследование, поэтому в случаях, предусмотренных п.п. 3–6 ч. 1 ст. 24 и п.п. 3–6 ч. 1 ст. 27, а также ст. 28, суд прекращает не уголовное преследование, а уголовное дело (ст. ст. 239, 254) [5]. Действительно, в отличие от следователя и дознавателя суд не может ни осуществлять, ни непосредственно прекратить уголовное преследование, так как уголовное преследование — это функция не суда, а стороны обвинения (об этом прямо указано в п. 55 ст. 5 УПК РФ).

В связи с этим возникает другой вопрос: как быть суду, если по рассматриваемому им уголовному делу проходит несколько обвиняемых, причем примирились с потерпевшим лишь некоторые из них? В пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 указано, что «в случае совершения преступления несколькими лицами от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим могут быть освобождены лишь те из них, кто примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред» [6]. Т. е., с точки зрения Пленума, в ст. 25 УПК РФ речь идет о прекращении уголовного дела не в целом, а только в отношении конкретного лица. Такой подход представляется верным.

Но прекращение судом уголовного дела в отношении конкретного лица, очевидно, должно влечь и прекра-

щение уголовного преследования этого лица. Иными словами, указанное процессуальное решение суда приводит к фактическому прекращению уголовного преследования стороной обвинения. И оправдание обвиняемого, и прекращение судом уголовного дела в отношении конкретного обвиняемого влечет для стороны обвинения необходимость прекратить его. уголовное преследование.

Таким образом, если суд и может прекратить уголовное преследование, то лишь опосредованно. Сделать это непосредственно суд не вправе, так как суд не осуществляет уголовное преследование. Что касается ст. 28 УПК РФ, в которой говорится о праве суда прекратить уголовное преследование в отношении лица, то это, вероятно, является недостатком законодательной техники.

И «прекращение уголовного преследования лица», и «прекращение уголовного дела в отношении лица» являются процессуальными формами освобождения от уголовной ответственности. Следователь (дознаватель) в досудебном производстве освобождает конкретного обвиняемого от уголовной ответственности в форме прекращения уголовного преследования, а суд в судебном производстве — в форме прекращения уголовного дела. А. В. Ендольцева справедливо отмечает, что выбор той или иной формы зависит от: 1) стадии, на которой принимается решение; 2) необходимости продолжения процессуальной деятельности в отношении других преступлений или других лиц либо отсутствием такой необходимости; 3) особенностей некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности; 4) специфики уполномоченного на принятие такого решения субъекта [7].

С учетом изложенного термином «прекращение уголовного дела» правильнее обозначать не только прекращение производства по уголовному делу в целом, но и прекращение судом уголовного дела в отношении конкретного лица, которое влечет с необходимостью и прекращение уголовного преследования этого лица.

Литература:

1. Безлепкина, Б. Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя // URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения: 07.03.2015 г.).
2. Волинская, О. В. Некоторые подходы к формулированию понятия «прекращение уголовного дела» // Российский следователь. — 2006. — № 3. — с. 16.
3. Иващенко, В. В. Определение понятия «прекращение уголовного дела» как формы окончания предварительного расследования по уголовным делам. // Общество и право. — 2009. — № 2 // URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения: 10.03.2015 г.).
4. Касаткина, С. А. Признание обвиняемого: монография // URL: <http://www.consultant.ru/popular> (дата обращения: 07.03.2015 г.).
5. Смирнов, А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС КонсультантПлюс. 2012.
6. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355 (дата обращения: 10.03.2015).
7. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2005. — URL: <http://lawtheses.com/institut-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-teoreticheskie-zakonodatelnye-i-pravoprimeritelnye-problemy> (дата обращения: 23.03.2015).

Дипломная работа выпускника вуза как объект авторского права

Тараненко Лилия Олеговна, студент

Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники

Данная статья посвящена вопросу авторского права. В частности рассматривается дипломная работа как объект авторского права, проблема правомерности использования таких работ в гражданском обороте.

Ключевые слова: дипломная работа, студент, объект авторского права.

Дипломная работа студента вуза является итогом всех лет обучения студента. Она отражает полученные теоретические знания и умения применить такие знания на практике. Дипломная работа должна представлять собой уникальное произведение. Её написание — достаточно трудоёмкий процесс, требующий внимательности и усидчивости. Уровень современных работ с каждым годом растёт и «многие дипломные работы близки к уровню кандидатских диссертаций — и по объёму, и по содержанию» [1]. Можно ли считать дипломную работу объектом авторских прав? Кому принадлежат права на дипломную работу — студенту или вузу?

С 1 января 2008 года вступила в силу четвертая часть Гражданского Кодекса РФ, регулирующая вопросы авторского и смежных прав, а также другие вопросы интеллектуальной собственности [2]. Она пришла на замену Закона «Об авторском праве и смежных правах», что является важным этапом развития законодательства в данной сфере. Заметим, что Закон «Об авторском праве и смежных правах» не содержал специальных норм по вопросам авторства студентов. Это упущение не было устранено и с принятием четвертой части Гражданского кодекса [3].

Ст. 1225 ГК РФ к охраняемым объектам интеллектуальной деятельности отнесены произведения науки, литературы, искусства, программы для ЭВМ, базы данных, изобретения и др. В соответствии со ст. 1259 ГК РФ к объектам авторского права относится любое произведение, созданное творческим трудом автора. Дипломная работа создается творческим трудом студента, следовательно, является объектом авторского права. Следует отметить, что студенческие работы создаются, как правило, на основе уже существующих произведений, поэтому, дипломную работу можно отнести к объектам авторского права только при наличии достаточного творческого начала. Объектами авторского права могут быть только результаты самостоятельного труда, а не плагиат.

Согласно ст. 1257 ГК РФ автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Следовательно, интеллектуальные права на дипломную работу принадлежат студенту.

Можно ли считать дипломную работу «служебным произведением» в том случае, если ВУЗ дает задание студенту на выполнение конкретной авторской работы? Какова роль научного руководителя в написание дипломной

работы? Дипломную работу нельзя считать «служебным произведением» т.к. служебным признается произведение, созданное по трудовому договору или в порядке выполнения служебного задания, а студент не состоит с вузом в трудовых или служебных отношениях. Научный руководитель не участвует непосредственно в самом процессе написания, а лишь оказывает консультационное и организационное содействие, а также контроль за выполнением работы. Это означает, что в соответствии с п. 1 ст. 1228 ГК РФ научный руководитель не признается соавтором дипломной работы.

Таким образом, все права на дипломную работу принадлежат студенту, её написавшему. В соответствии со ст. 1255 ГК РФ автору произведения принадлежат следующие права:

1. Исключительное право на произведение, т.е. право использовать произведение по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом.

2. Право авторства, т.е. право признаваться автором произведения.

3. Право на имя, это право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно.

4. Право на неприкосновенность произведения, которое означает, что не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями.

5. Право на обнародование произведения. Автору принадлежит право на обнародование своего произведения, то есть право осуществить действие или дать согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом.

Согласно ст. 1268 ГК РФ никто не имеет права без согласия студента обнародовать дипломную работу. Также не допускается внесение каких-либо изменений сокращений, дополнений в дипломную работу в соответствии со п. 1 ст. 1266 ГК РФ.

Научный руководитель, вуз или иное лицо имеют право обнародовать дипломную работу, вносить в неё

сокращения, изменения, дополнения только с согласия студента. Такое согласие предоставляется в виде договора об отчуждении исключительных прав, согласно которому право на дипломную работу передается в полном объеме. Также, может быть заключен лицензионный договор, согласно которому исключительное право остается у студента, а передается лишь право использования дипломной работы в предусмотренных договором пределах. Такие договоры должны заключаться в письменной форме и обычно являются возмездными. Если студент передает права безвозмездно, то этот факт прямо указывается в договоре.

В случае нарушения интеллектуальных прав на дипломную работу, студент имеет право воспользоваться способами защиты, установленными ст. 1251 и ст. 1252 ГК РФ. Согласно указанным статьям, студент имеет право требовать признания права, пресечения действий, возмещения убытков, изъятия материального носителя. Студент также имеет право требовать выплаты компенсации вместо возмещения убытков. Размер компенсации определяется судом. Компенсация может быть в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей или же

в двукратном размере стоимости экземпляров произведения и в двукратном размере стоимости права использования произведения.

Чтобы предотвратить неправомерное использование дипломной работы, студенту следует снабжать свои труды знаком правовой охраны. В соответствии с ГК РФ, правообладатель для оповещения о принадлежащем ему исключительном праве на произведение вправе использовать знак охраны авторского права, который помещается на каждом экземпляре произведения и состоит из следующих элементов: латинской буквы «С» в окружности (Рис. 1), имени или наименования правообладателя, года первого опубликования произведения.

Кроме того, было бы полезным обнародовать результаты своего труда любым доступным способом. Обнародование — это осуществление действия, в результате которого, произведение впервые становится общедоступным. Существуют следующие способы обнародования:

1. Опубликование произведения (выпуск в свет) в печати — книги, статьи или иной печатный текст, с которым может ознакомиться другой человек или массовый читатель.

Рис. 1. Знак охраны авторского права

2. Предоставление экземпляров программы для ЭВМ или базы данных неопределенному кругу лиц, в том числе путем записи в память ЭВМ.

3. Публичный показ — демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно или с помощью технических средств (сценическая постановка, спектакль, опера, балет, кинофильм и т.д.).

4. Публичное исполнение (чтение стихов, доклад на конференции, исполнение музыкального произведения).

5. Передача в эфир или иным способом (чтение драматического или иного художественного произведения, исполнение музыкального произведения).

Минобрнауки обяжет студентов публиковать свои дипломные работы до их защиты в электронной библиотеке вуза. Опубликованные в электронной библиотеке вуза ра-

боты будут доступны студентам и сотрудникам этого учебного заведения. Данные изменения должны быть утверждены и вступят в силу в конце апреля [3]. Таким образом, обнародования дипломной работы станет обязательным для всех студентов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что авторское право распространяется только на оригинальные произведения, поэтому, при написании дипломной работы, студентам не стоит использовать чужие работы, выдавая их за свои, соблюдая, таким образом, требования законодательства. Помимо этого, каждому студенту было бы полезно ознакомиться с действующим законодательством в области авторского права. Зачастую, именно незнание своих прав студентами приводит к правонарушениям.

Литература:

1. Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой гражданского права, деканом юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Е. А. Сухановым // Законодательство. — 1998. — № 10.

2. Закон российской федерации «Об авторском праве и смежных правах» От 09.07.1993 № 5351–1 (утратил силу).
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.12.2014).
4. Владимир Зыков. Минобрнауки обяжет студентов публиковать свои дипломные работы [Электронный ресурс]// Газета Известия — 2015. — URL: <http://izvestia.ru/news/584106> (дата обращения: 25.04.2015)

Сервитут: особенности договора и судебно-арбитражная практика

Татарина Ольга Владимировна, магистрант
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

В статье исследуется договор, как основание возникновения сервитутных отношений. А так же делается акцент, что сервитут — это добровольное согласие собственников. Анализируются курьезные примеры из судебно-арбитражной практики.

Ключевые слова: сервитут, договор о сервитуте, сервитут на туалет

В 90-х годах XX века остановленный в своем развитии сервитут получил, как казалось, новое рождение вместе с отменой привилегированной роли государства по отношению к земельным участкам, жилым и нежилым помещениям и передачей их в частные руки. Современная российская история сервитутных правоотношений достаточно короткая, что нашло свое отражение в действующем законодательстве. Согласно Гражданскому кодексу РФ только четыре статьи регулируют институт сервитута, что порождает определенные проблемы, конечно, не исключены и курьезы в судебной практике.

В соответствии со статьей 432 ГК РФ [1] к числу существенных условий договора о сервитуте относится условие о предмете: в договоре должны быть прописаны признаки, позволяющие индивидуализировать объект, в отношении которого устанавливается сервитут. Так же, к существенным условиям договора следует отнести целесообразность установления сервитута, следуя логике абзаца 2 пункта 1 статьи 274 ГК РФ [1]. А обращаясь к пункту 1 статьи 276 ГК РФ [1] необходимо отметить, что цель установления сервитута играет одну из ключевых ролей при его упразднении вследствие отсутствия оснований для установления.

Иные условия, обязательные для других видов договоров, например, сумма платежа или срок действия, не признаются существенными, так как они не оговорены в качестве таковых в статьях 274–277 ГК РФ [1].

Следуя пункту пятому статьи 274 ГК РФ [1], конструкция о возмездности сервитута не свидетельствует о том, что положение о цене является обязательным условием, поскольку собственник обремененного имущества обладает диспозитивной возможностью требовать соразмерной платы. В данном случае, не говорится об императивной обязанности сервитутария платить за осуществляемое пользование, если иное не предусмотрено законом. Плата за пользование сервитутом — дополнительное ус-

ловие к договору и включается по усмотрению сервитутодателя. Аналогичная норма предусмотрена в пункте 6 статьи 23 Земельного кодекса [2] РФ в отношении установления частного сервитута.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что договор об установлении сервитута — не поименованный в ГК РФ договор, являющийся двухсторонней консенсуальной сделкой, направленной на создание, изменение или прекращение права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом, и подлежит обязательной государственной регистрации. Существенными условиями являются — предмет и цель установления сервитута.

Перед тем, как обратиться к правоприменительной практике, необходимо обратить внимание на пункт 3 статьи 274 ГК РФ [1], где четко сказано, что во главе угла стоит добровольное соглашения лиц, в отношении и в пользу имущества которых необходимо установить сервитут. И только при недостижении соглашения возможно обращение в суд. Конечно, в практике, как и в жизни, существуют и весьма курьезные дела, которые приводятся в качестве примеров.

Итак, первый пример — 2011 год, Республика Карелия [3], дело N 33–1910/2011. Общество с ограниченной ответственностью «Земля Плюс» обратилось с иском к гражданке X. об установлении сервитута на туалет. Истец является собственником нежилого помещения, расположенного на 1 этаже (комнаты ... и ...), используемого под офис. Собственником смежных помещений является ответчица, которая опечатала доступ в помещение тамбура перед туалетом и сам туалет. Возникший спор урегулировать в досудебном порядке не удалось, что привело стороны в суд. Истец просит предоставить право ограниченного доступа к туалету, то есть буквально установить сервитут на туалет, для сотрудников ООО «Земля Плюс» в рабочие дни с 9.00 до 18.00. Так же истец готов выплачивать одну тысячу рублей в год за

сервитут на туалет, указанная сумма была аргументирована тем, что плата за сервитут является не обязательным условием заключения договора, может быть символической, и не является основным камнем преткновения в данном споре. Ответчица заявила, что готова заключить с истцом договор аренды на находящиеся в ее собственности помещения с ежемесячной платой 400 рублей (при расчете стоимости она исходила из средней оплаты за аренду 1 квадратного метра нежилого помещения). Истец же, со своей стороны возможность заключения договора аренды на спорные помещения отверг, аргументируя тем, что данный вид договора может быть расторгнут в любой момент.

И хотя в процессе суда каждая из сторон старалась доказать свою правоту, ссылаясь на данные экспертизы о невозможности оборудования иного туалета (отсутствует техподполье под комнатами, принадлежащими истцу). Привлекали на свою сторону Министерство культуры РК, так как спорные помещения находятся в доме, включенном в культурное наследие и любая перепланировка, особенно внешняя, должна быть согласована надлежащим образом или невозможна в принципе. А так же, напротив, приводили доводы о возможности установки биотуалета или использовании аналогичного помещения этажом выше, принадлежащем муниципальным органам. Да и к слову, спорный туалет — находится в аварийном состоянии, и пользоваться им невозможно, поскольку он не соответствует техническим требованиям в силу отсутствия холодного водоснабжения и отопительных приборов.

Суд, рассмотрев дело — в иске отказал, то есть, буквально отказал в сервитуте на туалет. Хотя, в данном деле рассматривался, по сути, не вопрос о возможности или невозможности установления обременения на нежилое помещение, но вопрос об умении и, главное, желании договариваться. Если посмотреть внимательней, то одна и та же норма, оговоренная в пункте 5 статьи 274 ГК РФ [1], была сторонами трактована по-разному. Соразмерность истцом была интерпретирована как незначительная и, следовательно, символическая плата. А для ответчика соразмерность есть не что иное, как возможность требовать от пользователя заплатить стоимость, которая определяется по аналогии, согласно средней стоимости за квадратный метр площади в данном регионе. И вторая проблема, которая не позволила сторонам договориться — это форма соглашения. Так истцу было необходимо получить бессрочное право пользования, а ответчик был готов предоставить принадлежащую ей собственность на какое-то время, предусмотренное договором аренды.

Из материалов дела видно, что ни одна из сторон не попыталась услышать оппонента и постараться найти компромисс или иной способ решения общей проблемы. Будет уместно процитировать Кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!». Сервитут — это особая форма имущественных отношений, где главное — это слу-

шать и слышать другую сторону, где важен компромисс и умение договариваться.

«Сервитут на туалет» — в судебно-арбитражной практике не такое уж редкое явление, как может показаться на первый взгляд. Следующий пример подтверждает это утверждение и является не менее забавным.

Обратимся к материалам дела N А53–1803/2007-С2–41 [4]. Истец ЗАО «Вангард» обратился в суд с иском об установлении сервитута в нежилом здании для обеспечения прохода к принадлежащей истцу на праве собственности комнате № 25 на первом этаже встроенно-пристроенного двухэтажного здания к ответчику федеральному государственному унитарному предприятию «Региональный технический центр авиационной информации, сертификации, связи». Истец просил установить сервитут на коридор (комнаты 17, 18, 19), общий вход (комнаты 16, 26, 27) и туалет (комната 23), принадлежащие ответчику. Суд первой инстанции, на основании предоставленного заключения ООО «Южное федеральное общество судебной экспертизы и оценки» о возможности оборудования отдельного входа, в иске отказал.

Постановлением апелляционной инстанции решение суда первой инстанции было отменено, в связи с тем, что дом находится в аварийном состоянии и собственники других помещений против оборудования отдельного входа. Судом иск «Вангард» удовлетворен частично, в части установления сервитута на коридор и общий вход, так как было доказано, что иной возможности использовать свое имущество у истца нет; в остальной части иска было оказано. Получается, что суд снова отказал в установлении сервитута на туалет.

И снова, при покупке помещений в договоре купли-продажи не были учтены элементарные вещи — проход к помещению истца и осуществление сотрудниками истца бытовых нужд, так как они связаны с исполнением трудовых обязанностей (статья 22 ТК РФ) [5]. Получается, что снова отсутствует диалог между продавцом и покупателем или группой покупателей, разводящий соседей по разные стороны и обязывающий стороны обращаться в суд за помощью в, казалось бы, не сложных взаимоотношениях.

Как следует из двух приведенных выше дел по замыслу законодателя — сервитут может быть установлен только в том случае, если без него невозможно использовать принадлежащее на праве собственности имущество по назначению. И, все же, в первую очередь, сервитут, как следует из статьи 274 ГК РФ [1] может устанавливаться на земельные участки, и только логикой статьи 277 ГК РФ [1] может быть распространен на здания и сооружения.

Если внимательно вчитаться в норму указанную в пункте 3 статьи 274 ГК РФ [1], то институт сервитута не должен реализовываться судом, нельзя обязывать стороны идти на компромисс, ведь компромисс — это, в первую очередь, добровольное желание. Сервитут — это особые отношения, требующие доброго отношения к соседям.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.03.2015) {Электронный ресурс} Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 08.03.2015) {Электронный ресурс} Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
3. Определение Верховного суда Республики Карелия от 05.07.2011 по делу N 33—1910/2011 Решение районного суда об отказе в удовлетворении требования об установлении сервитута оставлено без изменения, поскольку в нежилых помещениях, принадлежащих истцу, возможно устройство санузла в соответствии со строительными нормами и правилами, а помещение туалета, на который истец просит установить сервитут, находится в собственности ответчика, не является общим имуществом, при этом ответчик согласна на заключение с истцом договора аренды помещения туалета. {Электронный ресурс} Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
4. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.02.2008 N Ф08—650/08 по делу N А53—1803/2007-С2—41 Статьей 274 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута). {Электронный ресурс} Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
5. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015) {Электронный ресурс} Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
6. Ананьев, А. Г. К вопросу об основаниях возникновения сервитутных отношений. //Юридическая наука. № 2, 2012 — С.44.

Защита прав и интересов женщин в Узбекистане

Ташбаева Гулноза Юсуповна, преподаватель;
Бакиев Комилжон Тоштемирович, преподаватель;
Исхаков Бехзод Баркамолевич, преподаватель
Наманганский инженерно-педагогический институт (Узбекистан)

Наша страна всегда славилась своей древнейшей и богатой историей, очагом зарождения высококультурной цивилизации. Издревле на Востоке с уважением и почитанием относятся к женщинам. Они объединяют семью, общество, придает им красоту и благополучие, окрашивая светом любви, доброты, благородства. Узбекистан является родиной прославленных, благородных, самоотверженных женщин как: Тумарис, Зарина, Сарой-Мулк-хоним, Нодира, Увайси, Зульфия и сотен других, которые оставили неизгладимый след в великой истории нашего народа своим героизмом и мужеством, умом, мудростью, нежностью и любовью. Эти благородные качества, сегодня проявляются в наших женщинах. Имена великих праматерей навсегда запечатлены в сердцах молодого поколения, в памяти нашего народа.

В годы независимости произошли резкие и глубокие социальные перемены в нашем обществе, затронувшие женщин. Благодаря последовательным мерам, направленным на защиту прав, свобод и интересов представительниц прекрасной половины, они успешно реализуют свои знания и навыки в предпринимательстве, образо-

вании, здравоохранении, науке и на общественной стезе. Все это стало возможным благодаря нормативно-правовой базе, созданной в нашей стране. В 1995-м одним из первых среди государств Центральной Азии Узбекистан присоединился к Конвенции ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». 30 августа 1997 года Республика Узбекистан ратифицировала данный документ. В Конвенции отмечается, что «дискриминация в отношении женщин означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление прав человека и основных свобод». В связи с этим, государства, подписавшие Конвенцию, принимают соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин и обеспечивают возможность самореализоваться.

Указом Президента «О повышении роли женщин в государственном и общественном строительстве» от 2 марта 1995 года учреждены должности заместителя Премьер — министра, заместителей хокимов по делам женщин в Каракалпакстане, областях, городах и районах. А согласно

Указу главы государства «О дополнительных мерах по поддержке деятельности Комитета женщин Узбекистана» от 25 мая 2004-го в структуру органов самоуправления введены должности консультантов по вопросам религиозного просвещения и духовно-нравственного воспитания. 1999 год был объявлен Годом женщин.

Обеспечение прав и интересов женщин, охрана семьи, материнства и детства, правовые гарантии создания достойных условий для труда, образования закреплены в Конституции Республики Узбекистан, множестве законов, указов и постановлений. В Основном законе республики закреплено равноправие между мужчинами и женщинами; глава 26 Конституции Республики называется Семья и посвящена вопросам охраны и защиты семьи, материнства и детства. В статье 78 Трудового кодекса не допускается незаконный отказ в приеме на работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, соответственно по мотивам их беременности или наличия детей; в статье 84 предварительное испытание не устанавливается при приеме на работу беременных женщин, женщин, имеющих детей до трех лет, лиц, направленных на работу в счет минимального количества рабочих мест, установленного для предприятия, а в статье 116 женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет и работающим в учреждениях и организациях, финансируемых из бюджета, устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени без уменьшения оплаты труда. В ряде других статей также закреплены дополнительные гарантии и льготы для женщин и лиц, занятых исполнением семейных обязанностей.

На сегодня около ста принятых нормативно-правовых документов связано с вопросами защиты прав женщин. В нашей стране накоплен позитивный опыт сотрудничества государственных и международных организаций в сфере достижения равенства и продвижения прав в стране, реализации национальных планов, стратегий по международным обязательствам. Наш Президент в своих докладах неоднократно подчеркивал о внимании к женщинам, повышении их роли и статуса в обществе, достойное оценивание их работы в различных сферах и облегчении тяжелой ноши.

Уровень демократического, культурного и духовного развития любой страны во многом определяется отношением государства и общества к женщинам, их правам, защите их жизненных интересов. В настоящее время наше государство создает для них достойные условия и проявляет тем самым свою высокую культуру и духовность, свои незыблемые ценности. Женщины всегда были самой надежной опорой в сохранении в семьях, махаллях атмосферы мира и стабильности. Особое внимание уделяется расширению участия женщин в проводимых реформах, повышению их роли и статуса в семье и обществе.

Возвеличивание женщин, проявление к ним уважения, создание достойных условий для жизни, предоставление льгот являются одним из важнейших направлений государственной политики нашей страны. Ведь женщины

вносят огромный вклад в развитие всех сфер, повышение международного авторитета нашей Родины, воспитание молодежи в духе национальных и общечеловеческих ценностей.

В последние годы кардинально изменилось и постоянно усиливается внимание, забота и трепетное отношение к представительницам прекрасного пола. Осуществляются созидательные работы по становлению женщин равноправными, активными членами общества. Огромное внимание уделено укреплению их здоровья, усилению охраны семьи, материнства и детства, вопросам трудоустройства и развитию женского предпринимательства. Благодаря государственной политике в стране по повышению экономической активности существенно увеличилось число женщин занимающихся малым бизнесом и частным предпринимательством.

В результате выполнения программ по обеспечению занятости женщин, выпускниц профессиональных колледжей создаются тысячи новых рабочих мест, выделяются льготные кредиты женщинам, желающим наладить собственный бизнес. Для удовлетворения потребностей населения, прежде всего женщин во всех регионах Узбекистана строятся комплексы бытового обслуживания, включающих в себя салоны красоты, мастерские по ремонту бытовой техники, ателье по пошиву одежды, что стало большим практическим вкладом в повышение качества и культуры жизни населения; действуют оснащенные самым современным оборудованием и техникой скрининг-центры, родильные комплексы, многочисленные сельские врачебные пункты, центры экстренной медицинской помощи, семейные поликлиники, специализированные научные медицинские центры, спортивно-оздоровительные центры и т.д. Сегодня среди женщин и девушек все более набирает популярность спорт. Государством возводятся современные спортивные комплексы, спортивные залы при учебных заведениях для широкого привлечения их к занятиям физкультурой и спортом. Наши спортсменки занимают призовые места в республиканских, Азиатских и международных спортивных состязаниях.

Большое внимание уделяется выявлению талантливой молодежи, девушек, которые смогут стать примером для сверстниц, достойно продолжить работу взрослого поколения женщин. Для этого наше Правительство проводит различные мероприятия, реализует программы и комплексы мер по активизации деятельности представительниц прекрасного пола. В 1999 году была учреждена Государственная премия имени Зульфии, которая служит началом новых возможностей для одаренных девушек в проявлении их лидерских качеств, поддержки и развития талантов и способностей, активизации участия в социально-общественной жизни страны. Девушки награждаются за особые успехи, достигнутые в области литературы, искусства, науки, образования и культуры. Для молодежи учреждены различные стипендии, гранты. За годы независимости множество наших соотечественниц-предста-

вительниц таких сфер, как промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, национальное ремесленничество, за самоотверженный труд были удостоены высокого звания Герой Узбекистана. Это высокий образец почитания женщин, достойной оценки их труда, проявления почета и уважения к ним.

В настоящее время в Узбекистане функционируют многообразные общественные институты, способствующих усилению роли женщин на всех уровнях политической, экономической и общественной жизни. Для эффективной координации общественных организаций, помогающих государству стимулировать социальную, общественно-правовую и трудовую активность женщин, в 1991 году образован Комитет женщин Узбекистана. За прошедший период он добился немалых результатов по социально-правовой поддержке женщин, охране материнства и детства, повышению их культурного, духовного, интеллектуального, физического и профессионального потенциала, общественно-политической активности, обеспечения занятости, взаимодействия на основе принципов социального партнерства с органами государственного управления и общественными институтами.

Комитет женщин регулярно организует мероприятия, направленные на дальнейшее усиление защиты интересов женщин, популяризацию передового опыта в этом отношении. Согласно Указу Президента от 25 мая 2004 года «О дополнительных мерах по поддержке деятельности Комитета женщин Узбекистана», ежегодно разрабатываются и реализуются, комплекс мер, направленные на решение вопросов улучшения условий их труда и учебы, особенно в сельской местности, вовлечение их в предпринимательскую деятельность. Создаются новые рабочие места для женщин во всех сферах и отраслях экономики. В целях поддержки предпринимательской инициативы женщин коммерческими банками республики выдаются кредиты на миллиарды сумов. С формированием граж-

данского общества в стране женщины все активнее включаются в общественную деятельность. Сегодня в стране действует более 530 женских негосударственных, некоммерческих организаций. Они активно участвуют в решении важнейших социальных и гуманитарных вопросов в области обеспечения надежной защиты прав женщин, репродуктивного здоровья, профессиональной подготовки и переподготовки.

Необходимо отметить, что растущий уровень политической и правовой культуры, общественной активности женщин в нашей стране можно наблюдать во всех звеньях государственного и общественного управления, в судебно-правовой системе, в социальных структурах, во всех сферах и отраслях жизни нашего общества в целом. В настоящее время в составе всех политических партий функционирует «женское крыло». 17 процентов членов Сената Олий Мажлиса и 16 процентов депутатов Законодательной палаты составляют женщины. Сотни женщин работают в областных, городских, районных Кенгашах народных депутатов.

Благодаря своим знаниям и опыту, профессионализму и мастерству занимают ведущие позиции во многих сферах. Развитие таких ключевых сфер и отраслей как малый бизнес и частное предпринимательство, фермерское движение, наука, медицина, образование и воспитание, культура и искусство, и другие непосредственно связанные с деятельностью благородным трудом женщин.

В этой связи мы убеждаемся насколько велика роль женщины в обществе и её заслуги в воспитании являющихся нашей опорой и надеждой молодое поколение здоровыми и гармонично развитыми, самостоятельно мыслящими личностями, овладевающими современными знаниями и профессиями, способными на равных состязаться во всех сферах; в ограждении молодежи от чуждых нашему национальному менталитету негативных идей и влияния.

Литература:

1. Қаримов, И. А. Тарихий хотирасиз-келажак йўқ. — Тошкент, 1998 йил.
2. www.ziyounet.uz.
3. www.oila.uz.

Проблемы профилактики преступности в молодежной среде

Тхакохов Аслан Альбертович, студент

Научный руководитель Власова Г. Б., доктор юридических наук, профессор
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Защита детства и профилактика правонарушений в молодежной среде являются одними из приоритетных направлений политики любого правового государства. При этом внимание специалистов теоретиков и практиков ак-

центровано, прежде всего, на создании системы специализированных ювенальных судов для отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. А на сегодняшнем этапе развития общества этого явно недостаточно. [1]

Основное упущение уголовной и социальной политики нашего государства в отношении несовершеннолетних связано, прежде всего, с тем, что профилактические мероприятия, направленные на недопущение совершения ими противоправных деяний практически не проводятся.

По большому счету, подросток предоставлен самому себе и попадает в поле зрения государства только после совершения преступления, уже вступив в конфликт с уголовным законом, общепринятыми нормами поведения и морали.

Немалую роль в системе профилактики играют образовательные организации, тем не менее, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» к субъектам профилактики их не относит, что вполне объясняет позицию самих образовательных учреждений, которые, указывая лишь на оказание образовательных услуг, полностью снимают с себя всю ответственность за нравственное воспитание несовершеннолетних. [2]

С учетом изложенного, возникает необходимость включения образовательных организаций в систему профилактики, ведь именно в учреждениях начального, среднего, высшего и дополнительного образования закладываются необходимые знания, умения и навыки, формируются интересы, круг общения и раскрываются способности ребенка.

Возможно, именно отнесение образовательных учреждений всех уровней к субъектам профилактики преступности несовершеннолетних сформирует у них соответствующую обязанность по воспитанию подрастающего поколения. При этом в рамках профилактической работы с несовершеннолетними учреждения образования должны активно сотрудничать с правоохранительными органами и высшими учебными заведениями, сотрудники и преподаватели которых могут проводить соответствующие профилактические мероприятия в виде бесед и лекций, приводить яркие примеры того, как нельзя себя вести, и обязательно того, что за это бывает из судебной и иной правоприменительной практики. [3]

Профилактика преступности в молодежной среде осуществляется различными структурами и на разных уровнях, тем не менее, семья остается основным и самым эффективным звеном данной системы. Именно родители с самого раннего детства обращают внимание ребенка на то, как надо себя вести, что можно, а что нельзя, объясняют, почему тот или иной поступок может обернуться бедой. Основным инструментом семейной профилактики является любовь и постоянное изучение личности ребенка, что позволяет своевременно заметить отрицательные поступки и поведение, а, следовательно, вовремя «пресечь формирование отрицательных взглядов, привычек и скорректировать стихийно сформировавшиеся криминогенные качества личности. [4]

Безусловно, семьи бывают разные, к сожалению, существуют и малообеспеченные и, неполные, и неблаго-

получные. Действительно, в наш век бурного экономического развития и передовых технологий одной семье очень трудно справиться со всеми нововведениями нашей жизни, в связи с чем компетентным государственным органам необходимо оказать необходимую помощь семье.

Так или иначе, родительской любовью и заботой, по собственному желанию или против него, окружены далеко не все дети, а беспризорность и безнадзорность — это те социальные явления, которые, к сожалению, всегда сопровождают нашу страну. Безусловно, этому способствуют многие факторы: вооруженные конфликты, экономические кризисы и потрясения, нужда и безработица, которые, так или иначе, всегда проявляются в любом обществе. Но все же самое главное место здесь занимает человеческий фактор. [5]

Беспризорность и безнадзорность детей являются весьма опасными социальными явлениями, которые априори влекут за собой проявление девиантного поведения несовершеннолетних, являющихся таковыми. Необходимо совершенствовать старые и разрабатывать новые мероприятия, направленные пусть не на искоренение, а хотя бы на значительное уменьшение числа беспризорных и безнадзорных детей.

Также абсолютно не решается в РФ столь значимая проблема общества как оставление матерями своих новорожденных детей. Так, вместо того, чтобы вести пропаганду семьи как некой социальной ценности, ячейки общества, говорить о важности и значимости родительской любви и заботы для каждого ребенка и воспитания подрастающего поколения в целом, оказывать хотя бы какую-то материальную или иную необходимую помощь молодым и одиноким родителям, чтобы минимизировать случаи отказа матерей от своих новорожденных детей, государство идет на весьма и весьма противоречивые меры. [6]

Так при учреждениях здравоохранения создаются отделения «Baby box» — специально оборудованные детскими кроватками окна, в которых так называемая мать может оставить своего ребенка, подобным образом передав его государству. Безусловный плюс такого окна — это спасенная жизнь, пусть даже и в детском доме, но все же жизнь. Тем не менее, это не решение столь острой психосоциальной и, прежде всего, моральной проблемы матерей и общества, а еще одна попытка ликвидации института семьи и брака в нашей стране.

В отличие от системы ранней профилактики преступлений несовершеннолетних, меры непосредственной профилактики имеют более четкую структуру. Так, в качестве одной из наиболее эффективных альтернатив уголовному наказанию, выступают принудительные меры воспитательного воздействия, являющиеся самостоятельной формой индивидуализации ответственности лица за совершенное им преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Не менее эффективная, но относительно редко применяемая альтернатива уголовному наказанию — помещение лица, не достигшего совершеннолетия,

в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. [7]

Современное же состояние российской пенитенциарной системы и общий уровень развития нашего общества позволяют говорить об острой необходимости модернизации уголовно-исполнительной системы в рамках исполнения наказания, не связанного с лишением свободы. Ведь какой бы хорошей не была воспитательно-профилактическая работа, проводимая с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях, отбывание наказания в пенитенциарных учреждениях все же оставляет неизгладимый отпечаток на личных качествах и судьбе несовершеннолетнего.

В связи с чем, очевидна острая необходимость разработки мероприятий, направленных на выработку альтернативных реальному лишению свободы мер уголовно-правовой ответственности, в роли которых может выступать электронный мониторинг несовершеннолетних, совершивших преступление небольшой тяжести с использованием специально разрабатываемых для этих целей браслетов.

Явным минусом всей системы исполнения наказания в РФ является абсолютно безучастная роль суда, которая заканчивается вынесением приговора. В связи с чем, юридической новеллой реформы всей системы исполнения наказания должна стать руководящая роль суда, которая не будет заканчиваться вынесением приговора, а останется таковой на каждой стадии уголовного процесса, включая исполнения приговора и стадию ресоциализации несовершеннолетнего. [8]

Не менее значимым упущением системы исполнения наказания в РФ является разрыв цепочки проведения профилактической работы и оказания помощи несовершеннолетним в воспитательной колонии и по месту жительства после выхода несовершеннолетнего из мест лишения свободы. Не менее значимая проблема — ресоциализация и оказание помощи лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте и достигшим при отбывании наказания 18 лет.

Конечно же, нельзя забывать и о необходимости устранения имеющихся пробелов в праве, касающихся системы исполнения наказания.

Литература:

1. Тхакохов, А. А. О проблеме правового воспитания подростков // Молодой ученый. 2014. № 3. с. 685–686.
2. Бидова, Б. Б. Уголовно правовые грани преподавательской деятельности // Молодой ученый. 2014. № 20. с. 457–459.
3. Тхакохов, А. А. Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних // Молодой ученый. 2014. № 4. с. 882–884.
4. Бидова, Б. Б., Егизарова С. В. Проблемы профилактики преступности в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. с. 137–140.
5. Тхакохов, А. А. Проблемы правового воспитания современного // Молодой ученый. 2015. № 7. с. 618–620.
6. Бидова, Б. Б. Профилактика экстремизма образовательном пространстве // Вестник Ессентукского Института Управления, Бизнеса и Права. 2014. № 8. с. 12–16.
7. Тхакохов, А. А. К проблеме молодежного экстремизма: факторы распространения, особенности, способы борьбы // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). с. 477–478.
8. Бидова, Б. Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на Северном Кавказе: анализ и пути решения // Международное научное издание современные фундаментальные и прикладные исследования. 2014. № спецвыпуск. с. 145–147.

Деловая репутация юридического лица в российском гражданском праве: понятие и отличительные черты

Ульянова Ольга Александровна, магистрант
Санкт-Петербургская юридическая академия

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) устанавливает, что к объектам гражданских прав, помимо имущества, имущественных и иных прав, относятся также и нематериальные (неимущественные) блага (права). По общему правилу, отличительными особенностями нематериальных благ являются:

- отсутствие экономического содержания и невозможность денежной оценки;
- неразрывная связь с личностью их обладателя, поэтому такие права не могут передаваться и отчуждаться;
- «не регламентируются законодательством и ограничены одним требованием, суть которого состоит в том,

чтобы осуществление этих прав одним лицом не нарушало прав другого лица» [1, с. 3].

Перечень нематериальных благ, принадлежащих юридическому лицу, значительно уже, чем нематериальных благ, которыми обладает гражданин, что проистекает из правовой природы юридического лица как «персонифицированного имущества, отделенного от своего людского субстрата» [2]. Кроме того, нематериальные блага юридического лица (в частности, деловая репутация) имеют ряд особенностей, отличающих их от нематериальных благ, принадлежащих гражданину (например, возможность денежной оценки, отчуждения в пользу третьего лица и др.).

Понятие деловой репутации в российском законодательстве не закреплено, а вследствие же различных подходов к определению, что из себя представляет деловая репутация как объект гражданских прав, попытки высших судов и правоприменительной практики восполнить имеющиеся пробелы нельзя признать удовлетворительными. Как верно замечает Н. Г. Фроловский, закон не только не вводит легального понятия «деловой репутации юридического лица», но и «фрагментарно подходит к регулированию отношений, связанных с защитой деловой репутации организаций» [3].

Среди исследователей отсутствует единый подход к тому, что из себя представляет деловая репутация юридического лица как объект гражданских прав, каковы ее отличительные черты. К тому же, давая понятие деловой репутации, ученые-правоведы не указывают на ее имущественную сторону как объекта гражданских прав, на то, что деловая репутация юридического лица — это, прежде всего, его нематериальный актив. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что деловая репутация есть частный случай общего понятия «репутации», наполнение которого в юридической литературе близко по содержанию к понятию «чести» «как общественного мнения о положительных качествах человека», которое «не содержит апелляции к самой личности и касается лишь ее оценки в общественном сознании или общественном мнении» [4, с. 35].

Например, М. А. Рожкова трактует деловую репутацию как «сложившееся общественное мнение о физическом или юридическом лице, основанное на оценке его профессиональной деятельности и деловых качеств» [1, с. 4]. По мнению Н. Г. Фроловского, «деловая репутация организации — это сложившееся мнение третьих лиц о профессиональных (деловых) качествах юридического лица» [3]. М. Н. Маленна понимает деловую репутацию как «набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в этой области деятельности» [цит. по: 3].

Вместе с тем, не все ученые согласны, что целесообразно выделять различные виды репутаций. По мнению А. М. Эрделевского, ссылающегося на практику англо-а-

мериканской системы права, деловую, профессиональную и прочие виды репутаций целесообразно заменить общим термином «репутация», а в случае ущемления репутации вопрос о ее виде решать непосредственно в суде в зависимости от субъекта, обратившегося за защитой [5, с. 64].

На наш взгляд, использование общего термина применительно к разным видам репутаций неоправданно и приведет лишь к дополнительным трудностям. Так, передача исключительно на усмотрение суда вопроса об определении вида репутации, за защитой которой обратился истец, неизбежно повлечет за собой увеличение количества выносимых судами общей юрисдикции отказов в принятии к рассмотрению исковых заявлений на основании неверно определенной истцом подсудности спора.

Помимо процессуального, необходимо учитывать и следующий момент. Как разъяснил Верховный Суд РФ в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», «право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности» [6]. Прочитанное положение наглядно показывает, что деловая репутация физического и юридического лиц имеет различную природу, вследствие чего на законодательном уровне необходимо установить границу между деловой репутацией юридического лица как субъекта предпринимательской деятельности и «деловой репутацией» лица физического, не отдавая этот вопрос на откуп судейскому усмотрению. Поэтому, говоря о деловой репутации, необходимо отличать профессиональную репутацию гражданина, не являющегося субъектом предпринимательской деятельности, от деловой репутации юридического лица.

«Распространить понятие деловой репутации на всех субъектов нецелесообразно, так как в предпринимательском обороте деловая репутация обладает определенной спецификой. Физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, в силу того, что проявляют деловую активность, также обладают деловой репутацией, которая, однако, имеет несколько иную природу. Целесообразно употребление термина «деловая репутация» в отношении юридических лиц (в том числе некоммерческих организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность), а также граждан — индивидуальных предпринимателей. В отношении иных физических лиц более применим термин «доброе имя», так как он, имея весьма широкий смысл, вполне охватывает отношения, связанные с использованием и защитой физическими лицами сложившегося в обществе представления об их профессиональных навыках» [1, с. 5–6].

Можно согласиться с М. А. Рожковой, что необоснованно ставить знак равенства между деловой репутацией юридического лица и «деловой репутацией» гражд-

данина, не осуществляющего предпринимательскую деятельность. Вместе с тем, понятие «доброе имя» вряд ли адекватно отражает «сложившиеся в обществе представления о профессиональных навыках» гражданина. «Добрым именем» охватывается более широкий круг отношений, нежели только представления о профессиональных навыках. Например, в него уместно включать и сформировавшееся представление о человеке в сфере личных и дружеских отношений. Что касается сложившегося представления в сфере профессиональной деятельности, здесь уместно использовать понятие «профессиональной репутации».

Учитывая сказанное выше, деловую репутацию юридического лица можно определить как нематериальный актив последнего, основанный на сложившемся представлении о нем как субъекте предпринимательства и формируемый в процессе предпринимательской деятельности юридического лица. В соответствии с данным определением укажем отличительные черты деловой репутации юридического лица.

Например, согласно А. В. Кудрявцевой и С. П. Олефиренко, деловая репутация юридического лица представляет собой:

- динамическую категорию, которая приобретает юридическим лицом в процессе своей деятельности;
- распространенное мнение, т.е. «сам факт наличия деловой репутации... должен оцениваться как общеизвестный факт местного, российского или международного масштаба, иначе наличие деловой репутации юридического лица также должно подлежать доказыванию»;
- оценку деловых качеств организации, т.е. «качество выпускаемой продукции или оказываемых услуг, надежность как партнера в договорных отношениях; платежеспособность, добросовестность при осуществлении деятельности»;
- условие успешной деятельности организации [7, с. 126–127].

Несмотря на неполноту приведенной классификации с пунктами 1–2, 4 можно согласиться, в то же время пункт 3 ошибочен постольку, поскольку относится не к деловой репутации как таковой, а к более широкому понятию — goodwill (гудвилл), о котором будет сказано ниже. Кроме того, необходимо обратить внимание, что А. В. Кудрявцева и С. П. Олефиренко в своей классификации не раскрывают, что представляет из себя деловая репутация как динамическая категория. Что касается такой черты, как залог успешной деятельности (пункт 4), то, на наш взгляд, она не отражает особенность деловой репутации именно юридического лица ввиду того, что и профессиональная репутация гражданина, не являющегося предпринимателем, также является залогом успешной деятельности последнего в качестве работника, члена общественного движения или политической партии.

Чтобы избежать недостатков, имеющих в перечне А. В. Кудрявцевой и С. П. Олефиренко, попробуем указать те отличительные черты деловой репутации юриди-

ческого лица, которые, по нашему мнению, наиболее ярко выявляют сущность этого явления.

Во-первых, деловой репутацией может обладать только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, т.е. деловая репутация формируется и существует исключительно в сфере предпринимательской деятельности. Так, если некоммерческая организация для достижения уставных целей осуществляет предпринимательскую деятельность, в процессе такой деятельности у НКО, по смыслу абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, формируется деловая репутация. При осуществлении НКО основной деятельности, не преследующей коммерческого интереса и построенной на иных принципах, нежели деятельность предпринимательская, представление, сложившееся об организации, целесообразно именовать профессиональной, но не деловой репутацией постольку, поскольку в данном случае «дело» как «бизнес», «предпринимательство» отсутствует. Пример с НКО является удачным в том смысле, что он наглядно показывает разницу между репутацией субъекта предпринимательской деятельности и репутацией, складывающейся в процессе иной, нежели предпринимательская, сфере деятельности субъекта. Судебная практика признает, что деловой репутацией может обладать и орган государственной власти или местного самоуправления, «если распространенные сведения касаются осуществления им экономической деятельности от имени публичного образования» [8].

Во-вторых, деловая репутация юридического лица отчуждаема. В соответствии с п. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага, принадлежащие гражданину, неотчуждаемы и непередаваемы. Однако эти признаки нельзя автоматически переносить на нематериальные блага юридических лиц ввиду нетождественности личности физического лица и «личности» лица юридического. В отношении юридического лица как «персонифицированного имущества, отделенного от людского субстрата» [2], могут быть совершены все те сделки, которые могут быть совершены с имуществом и/или имущественными правами. В отношении личности гражданина совершить подобные действия невозможно. Например, деловая репутация может быть отчуждена третьему лицу в составе предприятия по договору купли-продажи (ст. 132 ГК РФ) либо передана на определенный срок или бессрочно по договору коммерческой концессии (п. 2 ст. 1027 ГК РФ). При этом важно подчеркнуть, что пользователь обязан использовать деловую репутацию правообладателя только в той сфере предпринимательской деятельности, в какой она существовала у последнего.

Кроме того, деловая репутация может быть внесена в качестве вклада в общее имущество простого товарищества (п. 1 ст. 1042 ГК РФ) и составлять, «наряду с имуществом, находящимся в их общей собственности, общее имущество товарищей» (абз. 2 п. 1 ст. 1043 ГК РФ). Таким образом, товарищ, внесший деловую репутацию в качестве вклада в общее дело товарищества, осуществил ее отчуждение в пользу третьего лица — созда-

ваемого простого товарищества — и с этого момента его деловая репутация становится нематериальным активом простого товарищества.

Из отчуждаемости можно вывести следующую отличительную черту деловой репутации юридического лица: ей может быть дана стоимостная оценка. Например, п. 1 ст. 1042 ГК РФ устанавливает, что вкладом товарища признается все то, что он вносит в общее дело, в частности, деловую репутацию и деловые связи. По общему правилу, стоимость вкладов товарищей предполагается равной, если иное не определено в договоре простого товарищества или не следует из фактических обстоятельств. Денежную оценку стоимости вносимых вкладов товарищи осуществляют по соглашению между собой (п. 2 ст. 1042 ГК РФ). Следовательно, деловая репутация как вклад в общее дело простого товарищества всегда может быть выражена в денежном эквиваленте с той либо иной степенью точности.

Приведенные примеры показывают, что деловая репутация юридического лица проявляет черты, несвойственные неимущественным благам гражданина, а именно: возможность отчуждения в пользу третьего лица и выражения в конкретной денежной сумме в любой период времени.

Будучи приобретенной третьим лицом, деловая репутация должна быть поставлена на бухгалтерский учет как нематериальный актив компании. Отнесение деловой репутации компании к ее нематериальным активам широко распространено как в англо-американской системе права, так и в континентальном, в частности, германском или французском праве [9, 127–128].

Сначала в странах общего права, а затем и в континентальной системе права нематериальные активы компании, подлежащие отражению в финансовой отчетности, объединяются понятием *goodwill* (гудвилл). Однако нельзя забывать, что гудвилл в зарубежных правовых системах, помимо деловой репутации как таковой, включает в себя и другие категории, выступающие «визитной карточкой» предпринимательской деятельности компании (например, образование, квалификация, профессиональные навыки сотрудников, их способность к усвоению нового и внедрению нестандартных подходов к ведению дел) [10].

Термин «гудвилл» в русской транскрипции как синоним понятия «деловая репутация организации» нашел свое отражение в российском законодательстве. В частности, он используется Росстатом для осуществления контроля движения нематериальных активов организаций [11], Банком России при ведении реестра бюро кредитных историй [12] и др.

Минфин России в своих нормативно-правовых актах, говоря о нематериальных активах организации, использует понятие деловой репутации, наполняя при этом его содержанием, свойственным гудвиллу [13]. Так, согласно разделу VIII. Приказа Минфина РФ от 27.12.2007 № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ

14/2007)», при приобретении предприятия как имущественного комплекса деловую репутацию последнего необходимо отразить в бухгалтерском учете в числе нематериальных активов. При этом «стоимость приобретенной деловой репутации определяется расчетным путем как разница между покупной ценой и суммой всех активов и обязательств приобретаемого предприятия по бухгалтерскому балансу на дату его покупки. Положительную деловую репутацию следует рассматривать как надбавку к цене, уплачиваемую покупателем в ожидании будущих экономических выгод в связи с приобретенными неидентифицируемыми активами. Отрицательную деловую репутацию следует рассматривать как скидку с цены, предоставляемую покупателю в связи с отсутствием факторов наличия стабильных покупателей, репутации качества, навыков маркетинга и сбыта, деловых связей, опыта управления, уровня квалификации персонала и т. п». [13, п. 43].

По нашему мнению, включать в содержание деловой репутации юридического лица дополнительные характеристики, приводящие к совпадению деловой репутации с гудвилл, нецелесообразно постольку, поскольку это создает трудности для соотносимости оценки компании как бизнеса с точки зрения международных стандартов оценки и с позиции отечественного бухгалтерского учета.

Кроме того, российское законодательство предполагает постановку на учет в качестве нематериального актива только приобретенной у третьего лица (внесенной в качестве вклада в общее имущество) деловой репутации. Деловая репутация, формируемая самой компанией в процессе своей деятельности, не учитывается как нематериальный актив, из чего следует, что деловой репутации как бы не существует либо она ничего не стоит. Такой подход позволяет некоторым исследователям утверждать, что деловая репутация не имеет реальной экономической ценности [9, 132] (и это при том, что нематериальные активы, в состав которых входит деловая репутация, составляют в среднем 50% стоимости бизнеса, достигая в отдельных случаях соотношения 9 к 1 [10]). На этом, в свою очередь, строится позиция, согласно которой вред, причиненный юридическому лицу вследствие ущемления его деловой репутации, не носит имущественный характер и, следовательно, не может быть взыскан с деликвента.

Полагаем, что такой подход в корне неверен постольку, поскольку, как было сказано выше, деловая репутация в любой момент времени может оценена и выражена в определенной денежной сумме. Кроме того, отсутствие оценки, сколько стоит компания как бизнес в целом в тот или иной момент времени, создает дополнительные сложности в судебном процессе по обоснованию расчета вреда, нанесенного компании-истцу вследствие ущемления ее деловой репутации. С правовой же точки зрения, не существует принципиальной разницы между созданной самой компанией и приобретенной у третьего лица деловой репутацией — они обе представляют собой нематериальный актив организации [9, с. 132] вне зави-

симости от того, что вторая поставлена на бухгалтерский учет, а первая — нет.

В-четвертых, деловая репутация юридического лица, в отличие неимущественных прав гражданина, не является данностью, она формируется в процессе деятельности организации, на протяжении жизненного цикла последней, т.е. присущ динамизм. Юридическое лицо в момент создания не обладает деловой репутацией постольку, поскольку своими действиями еще не заявило о себе как о субъекте предпринимательской деятельности. Говоря, что юридическое лицо в момент создания не обладает деловой репутацией, мы имеем в виду, что организация не обладает собственной деловой репутацией, а не приобретенной у третьего лица. «Деловая репутация не присваивается правом юридическому лицу в силу его учреждения, подобно тому, как любому человеку присваиваются определенные и защищаемые законом блага... Закон лишь охраняет право на деловую репутацию, но не создает ее. Деловая репутация создается собственными усилиями организации. Внешние факторы могут так или иначе влиять на деловую репутацию, но не могут создать ее» [14].

Организация в процессе предпринимательской деятельности всегда ориентируется на то, каким образом конкретные шаги повлияют на ее деловую репутацию, т.е. организация выстраивает, формирует свою деловую репутацию. Именно поэтому деловая репутация не может быть одинаковой на протяжении всего периода существования компании. В зависимости от сферы деятельности фактор деловой репутации может играть решающую роль. Например, для организации, занимающейся предоставлением юридических, страховых или медицинских услуг, ущемление деловой репутации может не просто негативно сказаться на деятельности организации, но и привести к ее ликвидации.

Как отмечает М.Н. Шеметов, «юридическое лицо планирует свои действия с учетом того, как они отразятся на деловой репутации. Целый ряд действий имеет исключительной целью повышение деловой репутации. Но и все прочие действия юридического лица... обязательно предполагают достижение положительного для деловой репутации эффекта... Именно такое положение вещей является правилом и презюмируется точно так же, как презюмируется направленность предпринимательской деятельности на получение прибыли» [14].

В-пятых, существование деловой репутации ограничено периодом «активной жизни» юридического лица.

Деловая репутация есть мнение о лице, сложившееся в процессе осуществления им предпринимательской деятельности, и поэтому предпринимательскую деятельность необходимо рассматривать как источник и условие формирования и существования деловой репутации. Следовательно, только компания, ведущая деятельность, может обладать деловой репутацией или, в терминологии бухгалтерского учета, осуществлять «полезное использование деловой репутации» [13, п. 25–26].

При этом установленный «период полезного использования» деловой репутации не всегда равняется всему сроку существования юридического лица, и определяется, прежде всего, на основании того, в течение какого периода времени организация предполагает использовать нематериальный актив с целью получения экономической выгоды [13, п. 25–26]. Только в том случае, когда невозможно с необходимой степенью достоверности определить срок полезного использования нематериального актива компании, такой срок считается неопределенным, но в любом случае, он не может превышать срок деятельности организации.

При этом здесь важно обратить внимание на следующее обстоятельство. В отличие от определенных законом случаев, когда деловая репутация может быть отчуждена в пользу третьего лица либо быть внесена в общее имущество простого товарищества, по общему правилу деловая репутация как неимущественное благо не может переходить к другому лицу в порядке универсального правопреемства [15, с. 107].

Подводя итог, скажем, что деловую репутацию юридического лица можно определить как нематериальный актив последнего, основанный на сложившемся представлении о нем как субъекте предпринимательства и формируемый в процессе предпринимательской деятельности юридического лица. Деловой репутации юридического лица присущи следующие отличительные черты: динамизм, отчуждаемость, оцениваемость, ограниченный срок существования, а основной особенностью — неразрывная связь с предпринимательской деятельностью, вследствие чего обладать деловой репутацией может только субъект предпринимательства. Недействующее либо «пустое» юридическое лицо деловой репутацией не обладает. В то же время, репутацию, складывающуюся у организаций и граждан в процессе иной, нежели предпринимательская, деятельности, целесообразно именовать «профессиональной», а не «деловой».

Литература:

1. Рожкова, М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2010. № 2. с. 3–80.
2. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право. — М.: Статут, 2014 // СПС КонсультантПлюс.
3. Фроловский, Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ. Практика. 2012. № 4. // URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=493> (дата обращения: 20.03.2015 г.).
4. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. М.В. Горбаневского, А.К. Симонова. — М.: Медея, 2004.

5. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2004.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. 15 марта. № 50.
7. Кудрявцева, А. В., Олефиренко С. П. Доказывание морального вреда в уголовном судопроизводстве. — М.: Юрлитинформ, 2011.
8. Обобщение Арбитражного суда Свердловской области практики рассмотрения споров, связанных с защитой деловой репутации // http://www.arbitr.ru/as/pract/ac_grac/?id_gubric=6 (дата обращения: 20.03.2015 г.).
9. Рожкова, М. А., Ворожевич А. С. Правовая сущность гудвилл // Закон. 2015. № 1. с. 126–133.
10. Ершова, Е. А. Гудвилл бизнеса. — М.: Статут, 2013 // СПС КонсультантПлюс.
11. Приказ Росстата от 07.10.2013 № 392 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за наличием, движением и составом нематериальных активов» // СПС КонсультантПлюс.
12. «Положение о порядке ведения Банком России государственного реестра бюро кредитных историй и требованиях к финансовому положению и деловой репутации участников бюро кредитных историй» (утв. Банком России 28.12.2014 № 452-П) // СПС КонсультантПлюс.
13. Приказ Минфина РФ от 27.12.2007 № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)» // Российская газета. 2008. 02 февраля. № 22.
14. Шеметов, М. Н. Защита репутации юридического лица // URL: <http://www.shemetov.ru/stati/zaschita-reputaci-yuridicheskogo-lica.html> (дата обращения: 15.03.2015 г.).
15. Федеральный арбитражный суд Уральского округа. Рекомендации Научно-консультативного совета, постановления Президиума, обзоры судебной практики и итоговые справки по вопросам, возникающим из гражданских и иных правоотношений (2008–2013). Том 2 / Сост. М. Ю. Грабовская. — Екатеринбург: Типография «Коллаж», 2013.

Конституционные основы налогового права зарубежных стран

Усова Елена Вячеславовна, юрисконсульт
000 «Полет» (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются конституционные основы налогового права зарубежных стран. Делается вывод о том, что доля налоговой составляющей в конституционных положениях зарубежных стран разная. В период экономических кризисов существенно возрастает роль конституционно-правовых институтов. Трансформация положений Основного закона страны дает возможность создать законодательство, обеспечивающее баланс частных и публичных интересов в налоговой сфере.

Ключевые слова: налоговое право, Конституция, Основной закон страны, взимание налогов, государственный суверенитет.

Иностранная, и отечественная юридическая доктрина рассматривают Конституцию государства как высшую форму установления и придания юридической силы правовым положениям. Конституционные положения составляют основу правового регулирования всех без исключения общественных отношений [1]. По мнению известного немецкого правоведа Р. Меллингхоффа взимание налогов является исключительным правом государства, затрагивающим интересы всех граждан. Защитить налогоплательщика от чрезмерного и несправедливого налогообложения может только конституционное право [2].

На конституционном уровне во многих странах закрепляется положение о налогах и иных обязательных пла-

тежах как источниках государственного бюджета. Так, например, статья 56 Конституции Республики Беларусь закрепляет обязанность граждан Республики Беларусь участвовать в покрытии государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей. Установленные законом налоги, другие обязательные платежи в соответствии со статьей 133 Основного закона страны формируют доходы бюджета [3].

Хочется обратить внимание на формулировки отдельных конституционных положений. Заслуживает внимания трактовка конституционно-правовой обязанности уплачивать налоги не только меры должного поведения каждого, но и как долга. Такой подход содержится, например, в статье 35 Конституции Республики Казахстан,

статье 127 Конституции Литовской Республики, статье 37 Конституции Княжества Монако.

Конституции ряда стран содержат отдельные разделы (главы), регулирующие вопросы налогообложения. Глава шестая Конституции Греции 1975 года называется «Налогообложение и управление финансами». Она содержит ряд положений, имеющих принципиальное значение для регулирования налоговых отношений. Статья 78 Основного закона Греческой республики:

- закрепляет и расшифровывает понятие законно установленного налога как платежа, взимаемого на основании закона, определяющего субъектов налогообложения, доходы, вид собственности, расходы и финансовые операции, к которым относится данный фискальный платеж;

- запрещает Парламенту страны передавать законодательные полномочия по определению объектов налогообложения, налогового коэффициента, налоговых льгот другим органам;

- устанавливает правила действия налоговых законов во времени (законы, вводящие налоги, не могут иметь обратную силу; налоговые законы подлежат обязательному опубликованию).

Хочется обратить внимание на положения Конституции Испании 1978 года. Статья 31 Основного закона страны закрепляет обязанность каждого участвовать в покрытии общегосударственных расходов в соответствии со своими экономическими возможностями посредством налоговой системы, построенной на принципах справедливости, равенства и прогрессивности налогообложения. Конституционно закреплен запрет на использование в правовом регулировании экономических отношений такого механизма воздействия, как конфискация. Введение общественных налогов особого характера или налогов, переходящих по наследству, возможно только на основании специально принятых законов.

Базовые принципы налогообложения содержатся и в Конституции Итальянской Республики 1947 года. Она предусматривает обязанность каждого принимать участие в покрытии государственных расходов соразмерно своей налоговой платежеспособности. Прогрессивность признается базовым принципом налоговой системы страны. Согласно статье 75 Конституции Италии законы о налогах не могут выноситься на референдум. Так же как и Российской Федерации, Правительство должно ежегодно представлять в Парламент закон об исполнении бюджетов. Конституционно определено, что данным нормативным правовым актом не могут вводиться новые налоги.

Отдельная глава, регулирующая государственные финансы, имеется и в Конституции Республики Кипр. В отличие от Конституций многих странах, она предусматривает зачисление доходов Республики на единый государственный счет — «Счет постоянной кассы в Республике», доходов Общин на единый счет — «Счет постоянной кассы Общинного собрания». Основанием для списания денежных средств с государственного счета

признается исключительно платежный ордер, подписанный министром финансов. Основной закон Кипра не только закрепляет принцип законно установленного налога, но и уделяет большое внимание взиманию местных налогов и сборов. На конституционном уровне определено, что уплата муниципальных налогов, налогов на недвижимое имущество, иных сборов может возлагаться только на то лицо, которое принадлежит к соответствующей Общине. Исключения составляют рыночные сборы; сборы со зрелищ; сборы за услуги, выходящие за рамки обычно оказываемых муниципалитетом услуг.

Пристального внимания исследователей заслуживает Конституция Княжества Лихтенштейн, глава третьей которой определяет обязанности государства. На государство возлагается задача постоянно повышать финансовое положение путем открытия новых источников доходов. Государство обязано обеспечить справедливое налогообложение, освобождая от уплаты фискальных платежей лиц, получающих минимальные доходы, необходимые для существования, и устанавливая прогрессивные ставки в отношении крупных имуществ и доходов.

В соответствии с Основным законом Федеративной Республики Германии 1949 года законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие — законом и правом. Особенностью Конституции ФРГ, на наш взгляд, является четкое признание приоритета федерального права над правом земель, что весьма важно для обеспечения единства федеративного государства. Земли обязаны исполнять федеральные законы, как «свои собственные». Полномочия земель устанавливаются путем использования остаточного метода. Глава X посвящена правовому регулированию финансов. Субъекты немецкой федерации имеют право самостоятельно вводить местные налоги и сборы. Федеральные законы о налогах, которые зачисляются полностью или частично в бюджеты различных уровней, требуют одобрения Бундесрата.

Заслуживает внимания Конституция Бельгии 1994 года. В 1993 году Бельгия стала федеративным государством, состоящим из сообществ и регионов. Часть V Конституции Бельгии посвящена финансам. Статья 170 определяет правовую форму налогов в пользу государства, сообщества, региона. Налог в пользу государства устанавливается законом, налог в пользу сообщества или региона — декретом. Конституционными нормами четко закреплено, что установление налогов относится к исключительной компетенции представительных органов власти (решение совета провинции, совета коммуны).

Статья 171 Конституции Бельгии предусматривает ежегодный пересмотр налогов в пользу государства, сообщества и региона. Законы, регламентирующие взимание налогов, действуют только в течение года.

Согласно статье 172 не допускается введение никаких привилегий в сфере налогообложения. К привилегиям не относятся льготы. Налоговые исключения или послабления, так же как и в Российской Федерации, могут уста-

навливаться только по решению представительных органов власти (форма — закон).

В соответствии со статьей 173 Конституции Бельгии государство, сообщества, регионы, федерации коммун или коммуны могут требовать от граждан только уплаты налогов.

Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации 1999 года включает шесть частей. Статья 5 закрепляет такие принципы действия правового государства, как: верховенство права, являющегося основой и пределом осуществления государственной власти; деятельность государства в публичных интересах; добросовестность субъектов права; соблюдения норм международного права.

Вопросы налогообложения регулируются нормами, содержащимися в различных главах. Так, например, в разделе 5 «Публичные работы и транспорт» предусмотрено право Союза вводить сборы с тяжелого транспорта, рассчитываемого в зависимости от мощности или объема потребления. При этом на конституционном уровне обосновывается причина взимания данного платежа (тяжелый транспорт причиняет обществу большие расходы), а также четко определяется цели его использования (финансирование расходов по обслуживанию дорог). Статья 86 Конституции Швейцарии закрепляет право Союза взимать налог на потребление горючего и надбавку к нему. При этом подробно устанавливаются основные направления расходования собираемых сумм.

Отдельная глава Основного закона Швейцарской Конфедерации посвящена регулированию финансового устройства. На конституционном уровне:

- закрепляются принципы налогообложения;
- определяются ставки ряда налогов, в частности, прямых налогов с чистого дохода физических и юридических лиц, капитала и резервов юридических лиц; ставки налога на добавленную стоимость (специально оговорено, что сумма налога 5 процентов направляются на покрытие расходов, нацеленных на облегчение налогового бремени налогоплательщиков, имеющих низкие доходы);
- устанавливается перечень объектов обложения акцизами (табак и табачные изделия; спиртные напитки;

пиво; автомобили; нефть и т.д.); а также долю кантонов от налогообложения спиртных напитков.

Как показывает проведенный анализ, доля налоговой составляющей в конституционных положениях зарубежных стран разная. В конституциях одних стран содержатся общие положения налогообложения, в конституциях других стран акцент делается на вопросы налогового федерализма, в конституциях третьих стран имеются правовые предписания, определяющие отдельные элементы состава наиболее распространенных фискальных платежей, что обусловлено сложившимися правовыми традициями, особенностями национальных правовых систем.

Практически все конституции зарубежных стран закрепляют важнейший принцип налогообложения — принцип установления налогов и сборов исключительно законом. Юридическая обязанность уплачивать законно установленные налоги и сборы отнесена к числу важнейших конституционно-правовых обязанностей.

Наука и практика убедительно доказали цикличность развития экономики. Периодически жизнь любого государства потрясают экономические кризисы большей или меньшей интенсивности. Именно в такие тяжелые времена существенно возрастает роль конституционно-правовых институтов. Трансформация конституционных положений позволяет повысить степень их влияния на правотворческую и правоприменительную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Создание налогового законодательства, обеспечивающего разумный баланс интересов в налоговой сфере, становится важнейшей задачей законодателя [4].

Зарубежный опыт правового обеспечения налоговых отношений убедительно доказывает необходимость учета экономической составляющей при разработке и реализации государственной налоговой политики. Неправильное понимание экономических закономерностей и потребностей, игнорирование стимулирующего воздействия налогового законодательства препятствует экономическому и социальному росту общества, обеспечению достойного уровня жизни граждан [5].

Литература:

1. Мирошник, С. В., Немыкина О. Е. Конституционно-правовые основы регулирования финансовых отношений: сравнительно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3.
2. Меллингхофф, Р. Конституционные аспекты налогового права Германии // Налоговед. 2006. № 8.
3. Тексты Конституций ряда зарубежных стран приводятся по «Конституции государств Европы: в 3 т./ Под общей редакцией и со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Л. А. Окунькова. — М.: Издательство НОРМА, 2001.
4. См.: Мирошник С. В. Повышение эффективности налогового законодательства: проблемы и способы их решения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1; Мирошник С. В. Право в современном понимании // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2.
5. См.: Мирошник С. В. Правовой стимул: понятие, структура // Бизнес в законе. 2013. № 5; Мирошник С. В. К вопросу о субъектах финансового права // Бизнес в законе. 2012. № 2.

Об актуальности исследования вопросов уголовно-правовой квалификации хулиганства (ст. 213 УК РФ)

Хут Марина Азметовна, студент
Тюменский государственный университет

Преступления против общественной безопасности занимают свое определенное место в структуре Особенной части УК РФ [1]. Именно с них начинается раздел IX УК «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Несмотря на то, что эти посягательства составляют незначительную часть в общей численности преступлений, их общественная опасность чрезвычайно высока. Она обусловлена тем, что эти деяния посягают на безопасные условия жизни всего общества, они объективно вредны для достаточно широкого круга общественных отношений, их последствия тяжелы для общества. Общественный порядок, представляя собой основу национальной безопасности, является одним из необходимых и очень важных компонентов нормального функционирования современного государства, посягательство на которые нарушает общественные отношения. В числе преступлений, посягающих на общественный порядок, наиболее значимым является хулиганство (ст. 213 УК РФ). Анализ правоприменительной практики уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хулиганство, свидетельствует о стабильной тенденции к снижению регистрируемых преступлений указанной категории. Так, если в 2001 г. в РФ зарегистрировано 135183 хулиганства (ст. 213 УК РФ), то в 2004 г. этот показатель снизился до 28810 (–78,6%), в 2010 г. до 7219 (–94,6%), в 2011 г. до 5635 (–21,9), в 2012 г. до 5155 (–8,5), в 2013 г. до 4850 (–5,9) и в январе-декабре 2014 г. до 4022 (–17,5) [6].

Однако, на самом деле регистрируемое в последние годы уменьшение числа подлежащих регистрации исследуемых преступных деяний не отражает действительной картины и не свидетельствует об ослаблении напряженности криминальной ситуации. В значительной степени это связано с их латентностью, которая носит не только естественный характер, но и определяется также манипуляциями со статистикой и многочисленными фактами сокрытия от учета и регистрации не только исследуемых криминальных посягательств, но и иных преступлений в целом. При этом, несмотря на то, что рассматриваемые преступления имеют стойкую тенденцию к снижению, вызывает обеспокоенность их тяжесть, совершение подавляющего числа этих преступлений несовершеннолетними, в том числе группой лиц. Актуальность темы исследования подтверждается не только указанными нами обстоятельствами, но и также тем, что часто хулиганство, по мнению Л. А. Есиной, является только первым шагом на пути совершения более тяжких преступлений [12]. Также имеются определенные трудности и в следственной и судебной практике правоохранительных органов и судов

Российской Федерации при квалификации хулиганства, которые состоят в проблемах квалификации подобных составов преступлений и разграничении хулиганства и иных преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, а также отграничении хулиганства и иных преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, от смежных составов и от административно-наказуемого мелкого хулиганства [8].

Об актуальности темы исследования свидетельствует и постоянное внимание законодателя к хулиганству в период реформирования уголовного законодательства [2, 3, 4, 5]. Это вызвано тем, что хулиганство продолжает являться наиболее распространенными и сложными по своей законодательной конструкции. Кроме того, оценочная категория понятий «грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу» нередко приводит к неверной оценке действий виновного, что не всегда позволяет правильно квалифицировать данные преступления и ведет к судебной ошибке. В связи с чем по мнению некоторых исследователей проблем квалификации хулиганства рекомендации Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [7] также требуют дополнительных разъяснений и уточнений [11].

Анализ исследований, проведенных ранее по данной проблеме, подтверждает устойчивую актуальность исследуемой темы как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Исследования Ю. М. Бозиева, С. В. Векленко, В. П. Власова, Т. Н. Волковой, П. Ф. Гришанина, М. Т. Давитадзе, В. С. Егорова, И. Я. Козаченко, Ю. А. Красикова, А. В. Кузнецова, Н. Ф. Кузнецовой, Н. Б. Маликовой, А. С. Михлина, А. В. Наумова, Н. И. Полищука, В. И. Селиверстова, Е. В. Середы, Б. В. Труфанова, Д. М. Чечота, М. Д. Шаргородского, Н. Г. Шулепова, и др. были посвящены различным уголовно-правовым аспектам хулиганства. Кроме того, в последнее десятилетие правоприменительной практики привлечения к ответственности за совершение хулиганства, также были проведено ряд исследований посвященных указанным аспектам, в том числе и на монографическом уровне [9, 10, 13, 14, 15, 16].

Результаты исследований этих авторов имеют важное теоретическое и практическое значение. Безусловно, они вносят существенный вклад в изучение данного института. Однако ряд вопросов об особенностях ответственности за хулиганство в науке уголовного права продолжают оставаться дискуссионными и не получили своего окончательного разрешения. В связи с чем, на сегодняшний день

встречается немало вопросов, по которым ведутся острые дискуссии, и которые в правоприменительной деятельности решаются отнюдь не единообразно, что приводит к разным решениям соответствующих судов.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. — По сост. на 30 марта 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. — По сост. на 07 декабря 2011 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 50. — Ст. 4848.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ. — По сост. на 22 февраля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 31. — Ст. 4008.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. — По сост. на 28 декабря 2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 48. — Ст. 6651.
6. Состояние преступности в России за 2001–2014 гг. / Официальный сайт МВД России [Элект. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mvd.ru>. — Состояние преступности в России.
7. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2008. — № 1.
8. Батюкова, В. Е. Общая характеристика трудностей, возникающих в следственной и судебной практике при квалификации хулиганства / В. Е. Батюкова // Право и жизнь. — 2012. — № 8. — с. 23–28.
9. Григорян, К. В. Хулиганство по уголовному праву России / К. В. Григорян: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — М., 2010. — 26 с..
10. Есина, Л. А. Квалификация хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений: уголовно-правовые и криминологические аспекты / Л. А. Есина: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Челябинск, 2011. — 22 с.
11. Есина, Л. А. Некоторые вопросы квалификации хулиганства в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» / Л. А. Есина // Правонарушения и юридическая ответственность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Тольятти: ТГУ, 2009. — с. 86–88.
12. Есина, Л. А. Хулиганство как вид преступления против общественного порядка / Л. А. Есина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». — Тольятти, 2008. — № 2 (2). — с. 44–46.
13. Косарев, И. И. Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен / И. И. Косарев: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — М., 2012. — 23 с.
14. Смирнова, Е. Г. Хулиганство: Уголовно-правовые и криминологические аспекты / Е. Г. Смирнова: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Краснодар, 2005. — 26 с.
15. Сулейманов, Р. Г. Хулиганство: Теоретические и правоприменительные аспекты / Р. Г. Сулейманов: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — 26 с.
16. Фомин, В. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика хулиганства / В. В. Фомин: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.

Административное право в системе в российского права (взаимосвязь конституционного и административного права)

Шалышкина Екатерина Дмитриевна, студент
Ульяновский государственный университет

Для более глубокого понимания предмета административного права и сущности административно-правового метода регулирования необходимо осветить место административного права в правовой системе, а, следовательно, показать связь рассматриваемой отрасли права с другими, смежными отраслями права. Это важно и для характеристики социальной роли и особенностей административного права, путей его совершенствования.

Наиболее тесная связь наблюдается между административным правом и конституционным правом, которое составляет основу всех отраслей права, включая и административное. Предметом конституционного права являются прежде всего общественные отношения, которые складываются в связи с осуществлением власти, деятельностью органов государственной власти, проведением выборов в представительные органы государственной власти, реализацией конституционного статуса граждан и др. Конституционные положения закрепляют место органов исполнительной власти в системе государственного механизма, важнейшие принципы их формирования и деятельности. Таким образом, предписания норм конституционного права служат исходной основой для норм административного права, которые регулируют разнообразную и повседневную исполнительно-распорядительную деятельность органов государственного управления. В нормах административного права развиваются и детализируются положения Конституции и иных источников конституционного права относительно функционирования исполнительных и распорядительных органов.

Определенная связь существует между административным правом и трудовым правом в сфере регулирования служебных отношений. Нормы последнего определяют статус государственных служащих как участников трудового процесса. Что касается норм административного права, то они регулируют государственно-служебные отношения, а именно: условия поступления на государственную службу, порядок ее прохождения, полномочия должностных лиц в организации трудового процесса и др.

Если рассматривать соотношение административного права и других отраслей права, следует отметить, что органически целостная система права предполагает единство целей и принципов правотворчества, построения правовой системы, механизмов правоприменения. Общее теоретико-методологическое единство обеспечивается правопониманием, типичным для гражданского общества, теми идеями и концепциями, которые дают устойчивую нормативную ориентацию в государстве. А отсюда неизбежные общесистемные характеристики законодательства, которые превращают его из суммы законо-

дательных актов в структурно упорядоченный правовой массив. Общие принципы, конституционная классификация правовых актов, критерии выделения структурных частей законодательства (отраслей, массивов, комплексов) и их соотношения между собой, базовое значение конституции, ее норм, понятий и терминов, законодательные приоритеты, нормативно-функциональные связи, процедуры предотвращения и преодоления юридических коллизий — вот ось, которой скрепляется система законодательства.

В общественной практике, однако, допускается много отступлений от единых принципов правотворчества и правоприменения. Нарушается «чистота» отраслевых рядов системы права и системы законодательства, с одной стороны, неумело находят соотношение между ними либо искусственно изолируют их — с другой. Множество внутренних противоречий разрывают целостную правовую ткань и снижают эффективность системного правового воздействия на общественные процессы.

Административное право нередко «тонет» в общей правовой пучине. Поэтому считаем нужным выделить те линии соотношения административного права с другими отраслями права, которые столь необходимы. Речь идет, во-первых, о согласованном применении норм административного права и норм других отраслей права, во-вторых, об обеспечении комплексного действия административно-правовых и иных норм, в-третьих, о заимствовании методов регулирования других отраслей права там, где «они могут дать больший эффект, чем императивные методы, в-четвертых, о включении административно-правовых норм в состав других отраслей и, напротив, включение последних в «ткань» административно-правового регулирования, в-пятых, о корректности взаимных отсылок как способе юридико-функциональных «связок норм» разных правовых актов, в-шестых, о коллизионном праве как механизме устранения юридических коллизий.

Поясним теперь подробнее наиболее типичные модели взаимоотношений административного права с другими отраслями права. Естественно, наиболее тесные связи административного права складываются с отраслями публичного права и прежде всего с конституционным правом. Эти отрасли столь близки, что могут считаться своего рода правовыми близнецами. В них наиболее ярко и полно выражены природа, институты и нормы публичного права. В немалой степени близки и другие составные части отраслей и это во многом объясняется самой природой конституционного права как ведущей отрасли права. Оно регулирует основные стороны жизни гражданина, государства и общества, важнейшие общественные

отношения. Нормы конституционного права обладают высшей юридической силой и служат «правоисточником» других отраслей. Нормативные понятия и термины играют роль «общего знаменателя» [12].

Система конституционного права и объекты правового регулирования весьма близки к системе административного права. По нашему мнению, отрасль конституционного права можно разделить на следующие подотрасли: а) конституционный статус Российского государства (природа, цели, элементы — территории и границы, гражданство и др., атрибуты — герб, флаг и т.д.); б) статус личности и гражданина; в) организация государственной власти; г) федеративное устройство государства; д) прямая демократия, избирательное право; е) парламентское право; ж) местное самоуправление; з) правовая система; и) статус общественных институтов (общественные объединения, СМИ и др.).

Структуру конституционного законодательства целесообразно строить в соответствии со структурой отрасли конституционного права, «наполняя» каждую ее подотрасль четко структурированным правовым материалом и одновременно развивая, дополняя и конкретизируя эти подотрасли. Например, подотрасль «в» конституционного права может быть основой для структуризации такой адекватной ей подотрасли конституционного законодательства, как «органы государственной власти» со своими субподотраслями — «Виды государственных органов», «Президент РФ», «Федеральное Собрание РФ», «Правительство РФ» и т.д. Подотрасль «д» может быть развита в таких подотраслях конституционного законодательства, как «Избирательное право. Выборы», «Референдум», «Собрания граждан» и т.д.

К подотраслевым институтам целесообразно отнести статус избирателей, кандидатов, избирательных комиссий, процедуры выборов и голосования.

Как видно, наблюдается немалое сходство подотраслей и институтов конституционного и административного права. Нередко оно достигает такой степени, что приходится очень тонко разделять «слои» их правового регулирования. Есть совпадающие институты, например, статус органов исполнительной власти и прежде всего Правительства. В конституционном праве закреплены его основные элементы — природа органа, порядок образования, основные полномочия. В административном праве сумма актов подробно регулирует правовое положение Правительства и его полномочия как в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», так и в тематических и иных законах. Трансформация конституционно урегулированных полномочий в соответствующие нормы текущего законодательства оказывается непростым делом. Весьма сходны также нормы конституционного и административного права. В них одной стороной всегда выступает государственный орган либо его участие опосредовано.

Правильное соотношение публичных и частных интересов диктует применение и оценку административ-

но-правовых и гражданско-правовых норм. Поскольку нормы одной отрасли защищаются нормами другой отрасли, административное право следует рассматривать как одну из гарантий реализации гражданско-правовых норм.

Приведем ряд иллюстраций из ГК РФ. В п. 3 ст. 2 установлено, что к имущественным отношениям, основанным на административном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законом.

В ст. 3 «Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права» установлено, что гражданское законодательство состоит из кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в пп. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ. Введено важное правило — нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать кодексу. Отношения, указанные в пп. 1 и 2 ст. 3 ГК РФ, могут регулироваться также указами Президента РФ, которые не должны противоречить кодексу и иным законам. На основании и во исполнение кодекса и иных законов, указов Президента Правительство РФ вправе принимать постановления, содержащие нормы гражданского права.

В случае противоречия указа Президента или постановления Правительства кодексу или иному закону применяется кодекс или соответствующий закон. Действие и применение норм гражданского права, содержащихся в указах Президента и постановлениях Правительства, определяются правилами кодекса.

Министерства и иные федеральные органы исполнительной власти могут издавать акты, содержащие нормы гражданского права, в случаях и в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами.

Применительно к отношениям, возникающим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие. Отношения сторон по договору, заключенному до введения в действие акта гражданского законодательства, регулируются в соответствии со ст. 422 ГК РФ. Статья 16 ГК РФ «Возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления» гласит: «Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием». Урегулировано участие РФ, субъектов РФ, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Российская Федерация, субъекты РФ: республики, края, области, города

федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами.

К субъектам гражданского права, указанным в п. 1 ст. — 124 ГК РФ, применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

От имени РФ и субъектов РФ могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

От имени муниципальных образований своими действиями могут приобретать и осуществлять права и обязанности органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. В случае и в порядке, предусмотренных федеральными законами, Указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ, нормативными актами субъектов РФ и муниципальных образований, по их специальному поручению от их имени могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане (ст. 125 ГК РФ).

Согласно ст. 126 ГК РФ Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое закреплено за созданными ими юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущества, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности.

Юридические лица, созданные РФ, субъектами РФ, муниципальными образованиями, не отвечают по их обязательствам.

Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, кроме случаев, предусмотренных законом.

Российская Федерация не отвечает по обязательствам субъектов РФ, муниципальных образований. Субъекты РФ, муниципальные образования не отвечают по обязательствам друг друга, а также по обязательствам РФ.

Правила пп. 2–5 ст. 126 не распространяются на случаи, когда РФ приняла на себя гарантию (поручительство) по обязательствам субъекта РФ, муниципального образования или юридического лица либо указанные субъекты, приняли на себя гарантию (поручительство) по обязательствам РФ.

Интересна ст. 426 ГК РФ, устанавливающая правила о публичном договоре. Это договор, заключенный ком-

мерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится. Коммерческая организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора, кроме случаев, предусмотренных законом и иными правовыми актами. Цена товаров, работ и услуг, а также иные условия публичного договора устанавливаются одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, когда законом и иными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей. Отказ коммерческой организации от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается. При необоснованном ее уклонении от заключения публичного договора применяются положения, предусмотренные п. 4 ст. 445 ГК РФ. В случаях, предусмотренных законом, Правительство РФ может издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, положения и т.п.).

Условия публичного договора, не соответствующие требованиям об установлении одинаковых условий для всех потребителей, а также издаваемым Правительством правилам, ничтожны.

Образно говоря, административное право выступает как шпага, защищающая «юридическую честь» публичного права и одновременно гражданского права. Такая роль указанных отраслей права объясняется прежде всего широтой применения императивного метода административного права и широтой использования диспозитивного метода, метода дозволения в гражданском праве. Эти отрасли — самые объемные по своему регулированию. С другой стороны, они как бы «посылают» свои методы в другие отрасли, где для их применения есть простор. Ведь известная комплексность присуща почти всем отраслям права, и такому соседству не приходится удивляться.

Ученые-цивилисты отграничивают гражданское право от административного права, во-первых, применением к имущественным отношениям властных, обязательных методов регулирования и наличием специфических мер административной ответственности, применяемых с соблюдением особых административных процедур, во-вторых, регулированием нормами административного права организационных отношений, возникающих в сфере производства, распределения, обмена и потребления. Выделение либо параллельность административно-правовых отношений в круге комплексных отношений служит, как видно, водоразделом между гражданским и административным правом.

И все же взаимопроникновение и переплетение норм этих отраслей права становится более глубоким и мас-

штабным. От этого ничуть не уменьшается их «чистота», «рафинированность», а напротив, достигается сближение и согласование, комплексное и более эффективное воздействие на общественные отношения. Заметна и «рокировка», когда те или иные отношения переходят в сферу регулирования гражданского или административного права (например, в отношениях госорганов с предприятиями), когда методы одной отрасли используются и в другой отрасли (например, договорные формы в административном и нормы о регистрации — в гражданском).

В предпринимательском праве особенно много административных норм. Очень «тонкие отношения» устанавливаются у административного права с семейным правом, регулирующим весьма своеобразные лично-доверительные отношения. Здесь административно-правовые нормы служат гарантией реализации и охраны норм семейного права. Этой главной цели отвечают статьи СК РФ: ст. 3 — о праве Правительства принимать нормативные правовые акты в случаях, непосредственно предусмотренных кодексом, другими законами, указами Президента, ст. 15-о порядке медицинского обследования лиц, вступающих в брак, ст. 11, 19 — об обязанностях органов загса, ст. 170 — о приведении нормативных правовых актов в соответствие с кодексом. Своеобразны отношения между административным правом и отраслями т.н. социального права. В них почти поровну есть нормы публичного и частного права, иногда с явным преобладанием первых. Это экологическое право, трудовое право, формирующееся образовательное право и др. «Поле взаимодействия» норм названных отраслей права с нормами административного права довольно широкое. Оно позволяет последним вводить статус исполнительных органов, должностных лиц, их права, обязанности и ответственность в соответствующих областях, правовые стандарты и режимы обслуживания, обязательные для применения, устанавливать правила и нормы административной ответственности за их нарушение.

Тесные связи складываются между административным правом и финансовым правом. Как известно, финансовое право регулирует процесс сбора, аккумуляции и расходования денежных средств. Исторически оно развивалось то вместе, то в качестве ответвления административного права. В настоящее время рамки самостоятельности финансового права расширились, но остается неизменной некоторая общность предметов регулирования. Изучение управления государственными финансами, финансовой деятельности государства дополняется регулированием налоговой сферы, статуса налогоплательщиков и налоговых органов. Бюджетное право вплотную примыкает к административному праву прежде всего компетенционными нормами, нормами о статусе соответствующих исполнительных органов, порядком их бюджетных взаимоотношений.

В известной мере банковское право близко соприкасается с административным правом. Если раньше оно рассматривалось как подотрасль финансового права ввиду

жесткой централизованной системы правового регулирования, то теперь специалисты считают банковское право комплексной отраслью. На наш взгляд, именно в части публично-правового регулирования статуса банков и их кредитно-денежных операций, статуса Центрального Банка России и развития банковской системы отчетливо сказывается действие административно-правовых актов и норм.

Стремительное изменение и совершенствование таможенного дела повлекло за собой бурное развитие таможенно-правовых норм. Появился Таможенный кодекс — детище административного права. Но признание таможенного права неоднозначно. Одни считают его институтом административного права. На данном этапе таможенное право выступает как своеобразная подотрасль административного права, где исполнительные органы, их права, обязанности и ответственность, статус участников таможенных отношений урегулированы именно нормами административного права [8;34–51].

В дальнейшем ситуация может измениться. Административное право взаимодействует с уголовным правом и уголовно-исполнительным правом. Здесь следует отметить административно-правовую организацию управления в системе исправительно-трудовых учреждений, регуляцию вопросов государственной службы в органах дознания и следствия, во внутренних войсках МВД.

Рассмотрим взаимосвязь конституционного и административного права. Структурирование российского права по отраслям продолжает оставаться стихийно-хаотическим. Желание найти надежные основания как в отношении отраслевого строения российского права, так и в отношении понимания соотношения права и государства вызвано довольно большой путаницей понятий и терминологии среди представителей российской правовой науки. Отмечается, что современное российское законодательство, к сожалению, зачастую развивающееся без достаточного привлечения ученых к его выработке, страдает бессистемностью, внутренней противоречивостью, излишней множественностью нормативных правовых актов [5;7]. Это отражает в определенной степени и научные метания даже по основным вопросам системы права и законодательства.

Обычно распространенным в науке конституционного права мнением является утверждение о том, что отрасль конституционного права — главная в системе российского законодательства, по крайней мере, она отражает или регулирует основные, наиболее важные, вопросы в стране [9;65,148].

Какая отрасль права главная? Ответ на поставленный вопрос является актуальным особенно сейчас, когда происходят крупные, правда, волюнтаристские, не основанные на законе стоимости преобразования и в экономике страны, и в надстроечном явлении — праве.

Цивилисты считают главной отраслью гражданское право, поскольку оно регулирует базис. Марксисты это поддерживают, исходя из теории происхождения государ-

ства как регулятора экономической деятельности человека, из товарооборота. В этом случае государство в лице его административного аппарата, прежде всего нормами административного права, обслуживает базис, обеспечивает удовлетворение экономических интересов производителя и потребителя прибавочного продукта, отношений производства и обмена, меры труда и потребления. Конституционалисты, исходящие из приведенного выше отношения к отрасли права, конституционному праву, поддерживают, по существу, теорию насилия в качестве причины происхождения государства и права, рассматривая государство и появление конституционного права как способ ограничения конституцией монархической, феодальной власти [1;47]. Ограничения же Конституцией власти Президента нашей страны никто не добивается.

Выработка единого представления о сущности государства должна была бы дать надежную основу как для понимания природы вещей, так и для формирования отраслевой структуры права. Но такого понимания сейчас нет. В терминологии правоведения господствует эклектика. Конституцией РФ 1993 г. гражданское право, в сущности, более восприимчивое к региональным особенностям товарообмена, отнесено к федеральной сфере деятельности, а административное, отражающее единство власти в государстве, — к совместному ведению РФ и субъектов РФ. Это абсурд для государственной формы организации общества, населения, конечно, если такое регулирование не направлено на умышленный развал государства. Судебная практика иногда пытается корректировать эту позицию.

Неустойчивость современных представлений о конституционном праве как единой и внутренне непротиворечивой отрасли российского права демонстрируется уже тем, что следуют многочисленные предложения ученых о выделении из конституционного в качестве самостоятельных, об отпочковании от него избирательного, парламентского, муниципального права. «Почему, например, организация и деятельность исполнительной и судебной ветвей власти регламентируются самостоятельными отраслями права, парламент же как орган законодательной власти является одним из институтов конституционного права?» — задается вполне логичным вопросом.

В поиске надлежащего ответа сначала надо выяснить, что такое отрасль права, какими признаками она должна обладать для своего признания в качестве таковой, чем должна отличаться одна отрасль права от другой? Какова ее видовая специфичность?

«Словарь административного права» понятия отрасли права не содержит вообще, в нем есть только определение «Отрасли управления» [7;227]. В Юридическом энциклопедическом словаре мы находим следующее определение отрасли права: «Отрасль права — обособленная группа правовых норм и институтов, объединенных общностью регулируемых ими однородных общественных отношений. Отрасль права — основное подразделение системы права — складывается из отдельных институтов права.

Отраслевая общность правовых норм, институтов и соответствующих им правовых отношений вытекает из специфики определенных общественных отношений, выражает объективную потребность в особом правовом режиме, т.е. в своеобразии метода и механизма их регулирования». В соответствии с этим определением признаками отрасли права можно признать совокупность: предмета правового регулирования, метода правового регулирования; наличие специфического вида ответственности; наличие процессуального обеспечения.

Более или менее в систематизированном виде такой необходимый набор признаков отрасли права, на мой взгляд, приводит А.В. Васильев, который в набор правовых средств, оформляющих отрасль права как цельную, включает:

- 1) наличие правовых норм;
- 2) установление нормами права правового статуса субъектов права;
- 3) придание событиям и явлениям значения юридических фактов;
- 4) установление моделей правоотношений;
- 5) установление правовых гарантий и юридической ответственности.

Анализируя, имеет ли такие признаки конституционное право, можно усомниться и в наличии метода правового регулирования и специфического вида ответственности, и в наличии процессуального обеспечения отрасли. Предмет же конституционного права излагается большинством ученых-конституционалистов методом перечисления, что не может быть признано научным подходом к проблеме, поскольку перечисление страдает субъективным усмотрением соответствующего автора.

Является ли с этой точки зрения административное право отраслью права? Предмет во многом совпадает с конституционным, так как и там и сям изучают организацию государственного аппарата. Метод, не бесспорно, но можно обнаружить: метод власти и подчинения. Ответственность в административном праве представлена даже не одним видом, а двумя: административной и дисциплинарной. Специфическое процессуальное обеспечение административного права отсутствует, так как нет судов административной юстиции.

Изложенное позволяет говорить о незавершенности формирования ни одной из этих названных отраслей права, в то время как большинством юристов они относятся к основным отраслям любой правовой системы.

Дать ответы на большинство вопросов структуры российского права может помочь правильное определение методов правового регулирования. По крайней мере, метод правового регулирования, по моему мнению, — основа отличия конституционного права от административного.

Обычно административисты определяют метод правового регулирования как «определенные средства, способы регулирующего воздействия норм соответствующей отрасли права на определенные общественные отно-

шения, представляющие ее предмет» <*>. Но ведь средство и способы — это не одно и то же: способ реализуется средством. Например, ловля рыбы сетью — способ, но сеть — средство. Примерно так же обстоит дело при определении соотношения способа и средств и в правоведении. И Н. Ю. Хаманева, и В. Д. Сорокин относят предписание, запрет, дозволение к средствам, в то время как речь ведут о способе. Я лично предлагаю вместо определения метода правового регулирования как средств и способов воздействия применять определение метода правового регулирования через соотношение субъектов в соответствующих правоотношениях, через характер связей субъектов [11;19–20]. Тогда таких связей можно безусловно выделить как минимум две: субординация и координация. Точнее — власть и подчинение как административно-правовой способ правового регулирования и согласование воли субъектов права как гражданско-правовой метод правового регулирования. Именно этот характер связей субъектов права обычно выделяется большинством юристов. Содержание таких связей и составляет суть метода правового регулирования, реализуемого через применение правовых норм, содержащих предписания, запреты и дозволения во всех отраслях права, вне зависимости от отрасли права.

Данная характеристика метода восходящего подчинения как метода правового регулирования имеет следующие последствия, проекции на право: к области государственного (или конституционного, как принято называть его сейчас) права будут относиться все правоотношения, связанные с восходящим подчинением: статус избирателей (выборщиков), право объединения в партии и иные общественные объединения, проведение выборов, функционирование представительного органа власти, процедура отзыва лиц, наделенных народом какими-то полномочиями, публично-правовая ответственность. Но дальше — формирование государственного аппарата, сколько министерств, будет ли правительство — это уже вопрос действия избранной власти, и она может избрать ту или иную форму своей самоорганизации, если народ не обусловил это при выборах. Эта область деятельности власти уже типично должна относиться к области административного права как к самоорганизации власти. Здесь господствует метод власти и подчинения, административно-правовой метод правового регулирования. Этот водораздел между административным и государственным правом при отсутствии представлений о методах правового регулирования сейчас очень размыт.

Ю. А. Тихомиров, изучая соотношение административного права с другими отраслями права, пишет: «Естественно, наиболее тесные связи административного права складываются с отраслями публичного права, и прежде всего с конституционным правом. Эти отрасли столь близки, что могут считаться своего рода правовыми близнецами» [8;100].

Наличие метода восходящего подчинения, его признание, дает возможность четче структурировать всю пра-

вовую область как для преподавания, так и для практического законодательства.

Классификатор правовых актов упоминания об административном праве РФ не содержит. Это позволяет заключить, что административное право как отрасль законодательства в Российской Федерации отсутствует, в то же время рубрики «гражданское право», «уголовное право» присутствуют, что говорит о все же отраслевом подходе законодателей к принципам классификации. Вопросы территории и административно-территориального деления страны в этом Классификаторе отнесены к рубрикам 010.040..., то есть к конституционному строю РФ. В результате выходит, что и конституционного права в Российской Федерации нет: отсутствует четкое определение предмета этой отрасли права (большинство ее институтов так или иначе относятся к области административного права, которого, впрочем, по смыслу классификатора тоже нет). Одной из причин такой непоследовательной позиции законодателя является то, что отсутствует общепризнанный метод правового регулирования, чтобы с его помощью можно было определить пределы конституционного права. А самое главное — отсутствует напрочь конституционная ответственность, а это отрицает наличие и отрасли права, и самого права как такового.

И тогда на первое место выступает административное право как совокупность правоотношений, которое в сравнении с государственным является теоретически вторым, но в силу вечности администрации остается по оперативности и всеохватности первым.

В структуре современного государственного аппарата Российской Федерации судьи не получают от народа власть. Конституционный Суд не избирается народом. Депутаты не публикуют декларации о доходах. Правительство диктует через партийную фракцию свою волю избранному народом парламенту. Депутаты не имеют механизма отзыва народом их от работы в случае правонарушений. Президент также не может быть отозван народом. В результате получится, что конституционного права не существует прежде всего потому, что нет конституционной ответственности. Конституционная ответственность, как и всякая ответственность, может наступать только перед тем, от кого получены полномочия.

Деятельность органов исполнительной власти, функционирование администрации — это категория организационная, а вот формирование органов государства — политическая, и этим отличается административное право как относящееся к исполнению воли народа от конституционного права, где воля государства формируется. Политика должна относиться к конституционному праву, а ее исполнение — к административному. Виды ответственности, которые должны сопровождать ту и другую отрасли права, существенно разнятся. Исходя из принципа «Я тебя породил, я тебя и убью», следует думать, что в конституционном праве ответственность может быть только перед тем, от кого власть получена, то есть перед

народом, а ни в коем случае не перед каким-либо иным субъектом: Конституционным Судом, парламентом, чрезвычайной комиссией правительства, толпы как части народа. А вот ответственность исполнителей может быть перед судом, вышестоящим начальником, всеми иными государственными органами.

Можно рассматривать как уклонение от схемы происхождения власти факт, когда Президент РФ Б. Н. Ельцин при отсутствии вице-президента страны подарил стране 31 декабря 1999 г. внеконституционную категорию исполняющего обязанности Президента РФ. Такая власть может быть получена только от народа, но не от вышестоящего начальника. При указанной форме приобретения власти нельзя с достаточной точностью высчитать и меру ответственности каждого за убытки и успехи, принесенные стране ими лично. Нужны точный срок и точная процедура вступления в должность Президента РФ, после которого старый Президент не имеет права подписывать какие-либо документы. Специально в отношении Президента необходимо определить законодательно практически все ситуации, имеющие возможность породить правовые коллизии, включая такие, как: продолжает ли Президент проживать в своем личном доме или обязан поселиться в официальной государственной резиденции. Надо определить порядок ознакомления избранным Президентом населения о всех делах, им совершаемых от имени народа. А главное — в таких документах необходимо определить порядок привлечения избранного народом должностного лица к ответственности [4;37].

Наличие ответственности и процедуры ее применения является одной из важнейших характеристик правового метода регулирования общественных отношений. Без ответственности нет права. То, что теперь называют конституционной ответственностью, на самом деле таковой не является, так как Конституционный Суд самоуправно возвышается над Конституцией и диктует свое видение проблем, самоуправно утверждает новый источник права, позиции Конституционного Суда РФ, не будучи уполномочен народом на эти действия. Отрасль права, не обеспеченная возможностью применения ответственности к своим субъектам, не может рассматриваться как непротворечивая структура системы права. Представляется,

что принцип «Чем-то приходится жертвовать в ущерб другому — это обычная история» [9], предлагаемый В. А. Тумановым, не является таким необходимым и оправданным при определении отраслевой структуры права.

Приведенные рассуждения, как представляется, могут помочь в решении проблемы соотношения конституционного и административного права применением метода правового регулирования в качестве критерия для распределения материи между отраслями права. А точное определение конституционного права может помочь ликвидировать и такую антиправовую тенденцию, когда лоббисты в федеральных органах государственной власти «всеми силами стремятся устранить любые ограничители на пути волюнтаристского нормотворчества высших структур исполнительной власти» [5;7].

Отметим основные выводы. Административное право достаточно тесно связано с гражданским правом, прежде всего потому, что эти отрасли регулируют отношения имущественного характера. Тем не менее нормы гражданского права касаются имущественных отношений, в которых стороны являются равноправными, а нормы административного права — имущественных отношений, которые базируются на административном подчинении одной стороны другой.

Административное право граничит с финансовым правом, которое регулирует отношения, складывающиеся в процессе финансово-бюджетной деятельности государства. Для регулирования этих отношений используется административно-правовой метод. Однако финансовое право признано самостоятельной отраслью, поскольку регулирование мобилизации, распределения и использования денежной массы в государственных интересах имеет большое значение и характеризуется специфическими особенностями.

С рядом норм уголовного права связано содержание норм административного права об ответственности за административные правонарушения. Так, КоАП устанавливает административную ответственность должностных лиц, а нормы уголовного законодательства — их уголовную ответственность.

Таким образом, мы можем сделать вывод об органическом взаимодействии административного права с прочими элементами правовой системы.

Литература:

1. Алебастрова, И. А. О предмете и системе конституционного права. Государство и право на рубеже веков (Материалы Всероссийской конференции): Конституционное и административное право. М.: ИГиП РАН, 2000.
2. Демин, А. А. Административное право Российской Федерации. М.: Зерцало-М, 2002.
3. Демин, А. А. Соотношение конституционного и административного права в системе российского права/ Административное право и процесс», 2006, N 1.
4. Садовникова, Г. Д. Некоторые аспекты реформирования конституционного законодательства РФ. В кн.: Государство и право на рубеже веков (Материалы Всероссийской конференции): Конституционное и административное право. М.: ИГиП РАН, 2000.
5. Системность законодательства как фактор повышения его качества. Статья подготовлена Сектором общей теории и социологии права ИГиП РАН // Государство и право. 2002. N 8.

6. Системность законодательства как фактор повышения его качества. Статья подготовлена Сектором общей теории и социологии права ИГП РАН // Государство и право. 2002. № 8.
7. Словарь административного права / Отв. ред. И.Л. Бачило, Н.Г. Салищева, Н.Ю. Хаманева. М.: Новая правовая культура, 1999.
8. Тихомиров, Ю.А. Административное право и процесс: Полный курс. М.: 2001.
9. Туманов, В., глава Совета по совершенствованию правосудия при Президенте РФ и председатель Конституционного Суда РФ в отставке. На конституционном поле // Российская газета. 2004. 14 сент.
10. Фарберов, Н.П. Юридический энциклопедический словарь / Глав. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984.
11. Хаманева, Н.Ю. В кн.: Административное право Российской Федерации / Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М.: Юристъ, 2004.
12. Чиркин, В.Е. Основы конституционного строя. — М.: Манускрипт, 1996.
13. Юридический энциклопедический словарь / Глав. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984.

Прокуратура Российской Федерации и состояние законности в стране

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

С учетом исторических особенностей развития в России сложился своеобразный механизм обеспечения прав человека, который и по сей день в значительной мере популярен у населения. Многие из ущемленных в правах граждан ищут защиты прежде всего на досудебной стадии, в органах прокуратуры, и в большинстве случаев там ее находят. Правозащитное направление надзора стало для прокуратуры приоритетным. Сейчас прокуратура — едва ли не единственный государственный орган, осуществляющий бесплатное правовое обеспечение населения. Не случайно число лиц, обращающихся в прокуратуру за защитой своих прав, неуклонно возрастает.

Вместе с тем анализ статистических и иных данных свидетельствует, что страна с трудом преодолевает многолетнюю полосу правового нигилизма. Несомненное обретение последних лет в правовой сфере — позитивные тенденции, связанные с укреплением федеральных отношений, активизацией деятельности государственных структур по охране правопорядка, совершенствованием законодательной базы реформируемого общества. Однако эти процессы еще не стали необратимыми. Государству и российскому обществу не удалось в полной мере преодолеть последствия экономического, социально-политического и духовно-нравственного кризиса, поразившего страну на начальном этапе радикальных преобразований. По-прежнему острой остается криминогенная ситуация. Немало нарушений допускается в сфере экономики и предпринимательства. Медленно устраняются факты местничества и отступлений от требований Конституции России и федеральных законов региональными и муниципальными структурами. Не везде соблюдаются социальные и конституционные гарантии граждан [1].

Надзор за исполнением законов является одним из ведущих направлений в деятельности прокуратуры Рос-

сийской Федерации. Данная отрасль прокурорского надзора непосредственно связана не только с укреплением законности в деятельности федеральных органов исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, но и с утверждением действенной вертикали власти. Она в конечной степени выражается в реальной защите и обеспечении прав и свобод человека и гражданина.

В надзоре за исполнением законов реализуется значительная часть профилактического потенциала прокурорской системы, поскольку именно с помощью надзора достигается не только надлежащее исполнение законов, но и выявление правонарушений на ранних стадиях их формирования.

Осуществляя от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации; за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; за исполнением законов судебными приставами, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу; уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; участвуя в рассмотрении дел судами или принимая участие в правотворческой деятельности, органы прокуратуры преследуют при этом главную цель — всемерную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Важное значение в правозащитной деятельности прокурора придается его участию в рассмотрении дел судами. Президент России В. В. Путин справедливо отметил, что «судебная реформа не может быть эффективной без активного участия прокуратуры в судебном процессе» [2]. Одним из весомых аргументов в пользу этого утверждения является огромное количество обращений граждан, поступающих ежегодно в органы прокуратуры, за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав.

Необходимость повышения качества судебных решений обуславливает целесообразность обеспечения большего взаимодействия между судами и прокуратурой, в том числе по обязательствам, вытекающим из положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Главной целью при этом является создание подлинных гарантий для обеспечения законности и правопорядка, а также осуществление эффективной защиты прав и свобод человека и формирующегося гражданского общества.

Выступая как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением и исполнением законов, прокуратура проводит в жизнь воплощенный в законах курс по переустройству общества, выводу страны из кризиса. При этом она способствует взаимодействию законодательной, исполнительной, судебной властей, их согласованному функционированию как единой государственной власти, заинтересованной в неукоснительном соблюдении законов.

Недооценка роли прокуроров в защите конституционных прав граждан является одной из причин противодействия активному участию прокуроров в рассмотрении соответствующих дел. Авторы, выступающие за ограничение правозащитной деятельности прокуратуры, обосновывают свои предложения следующими соображениями: защитой прав и свобод человека и гражданина должны заниматься суды, роль которых в жизни нашего общества все более возрастает.

Несомненно, суды играют и должны играть в этом решающую роль. Однако следует отдавать себе отчет в том, что суд не единственное средство такой защиты. Эту задачу решают различные органы и должностные лица. Примечательно, что число обращений в органы прокуратуры, как и раньше, ежегодно превышает в несколько раз число заявлений о защите прав и свобод, направляемых в суд. Такое положение объясняется в немалой степени усложненным порядком и длительностью сроков рассмотрения дел в судах, а также неисполнением во многих слу-

чаях судебных решений. Для многих сотен тысяч и даже миллионов граждан судебное разбирательство просто недоступно из-за значительной дороговизны. Таким образом, сегодня прокуратура просто-напросто исправляет некоторые изъяны судебной формы защиты в ходе своей внесудебной деятельности.

С нашей точки зрения, совершенно неправы те, кто считает, что правозащитная деятельность прокуратуры «подменяет право граждан на судью». В демократическом обществе должна быть «многоканальная» система охраны и защиты прав человека. Обращение в суд нельзя признать единственной формой защиты прав и свобод человека и гражданина. Это осознали и во многих европейских странах, где существуют параллельные институты по обеспечению законности и защите прав человека. Отказ от «общего» надзора со стороны прокуратуры в условиях становления новой российской судебной системы (которое завершится не сегодня и не завтра) был бы недальновидным шагом. Скорее уж надо ставить вопрос об упрочении данной функции как одной из форм защиты прав человека и гражданина. Ведь человек может даже не обратиться за защитой своих прав сам, но прокурорские проверки выявят нарушения, и справедливость будет восстановлена.

Нельзя признать обоснованной и попытку ограничить правозащитную деятельность прокуратуры в силу того, что, как отмечают ряд авторов, защита прав граждан в настоящее время возложена на Уполномоченного по правам человека, который и должен заниматься этой проблемой. При этом напрочь забывается то, что Уполномоченный по правам человека не имеет соответствующего аппарата и структур на местах и просто физически не в состоянии решить эту задачу.

Накопленный опыт свидетельствует, что решить многообразные задачи органы российской прокуратуры будут способны, только проведя последовательную работу с кадрами и опираясь на достижения науки.

Что касается работы с кадрами, то не вызывает никакого сомнения, что реализация целей и задач органов прокуратуры по укреплению законности в современных условиях возможна только при наличии кадрового потенциала профессионально подготовленных прокуроров и следователей, обладающих высоким уровнем юридической квалификации, опытом работы, правовой и нравственной культурой.

В последние годы идет процесс стабилизации и обновления кадров органов прокуратуры, предполагающий сочетание опытных и молодых работников.

Литература:

1. Учимов, В. Ю. Законность победит коррупцию — иного не дано // Парламентская газета. 2012. 16 мая.
2. Выступление Президента РФ В. В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров // Российская газета. 2011. 13 янв.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 9 (89) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4